

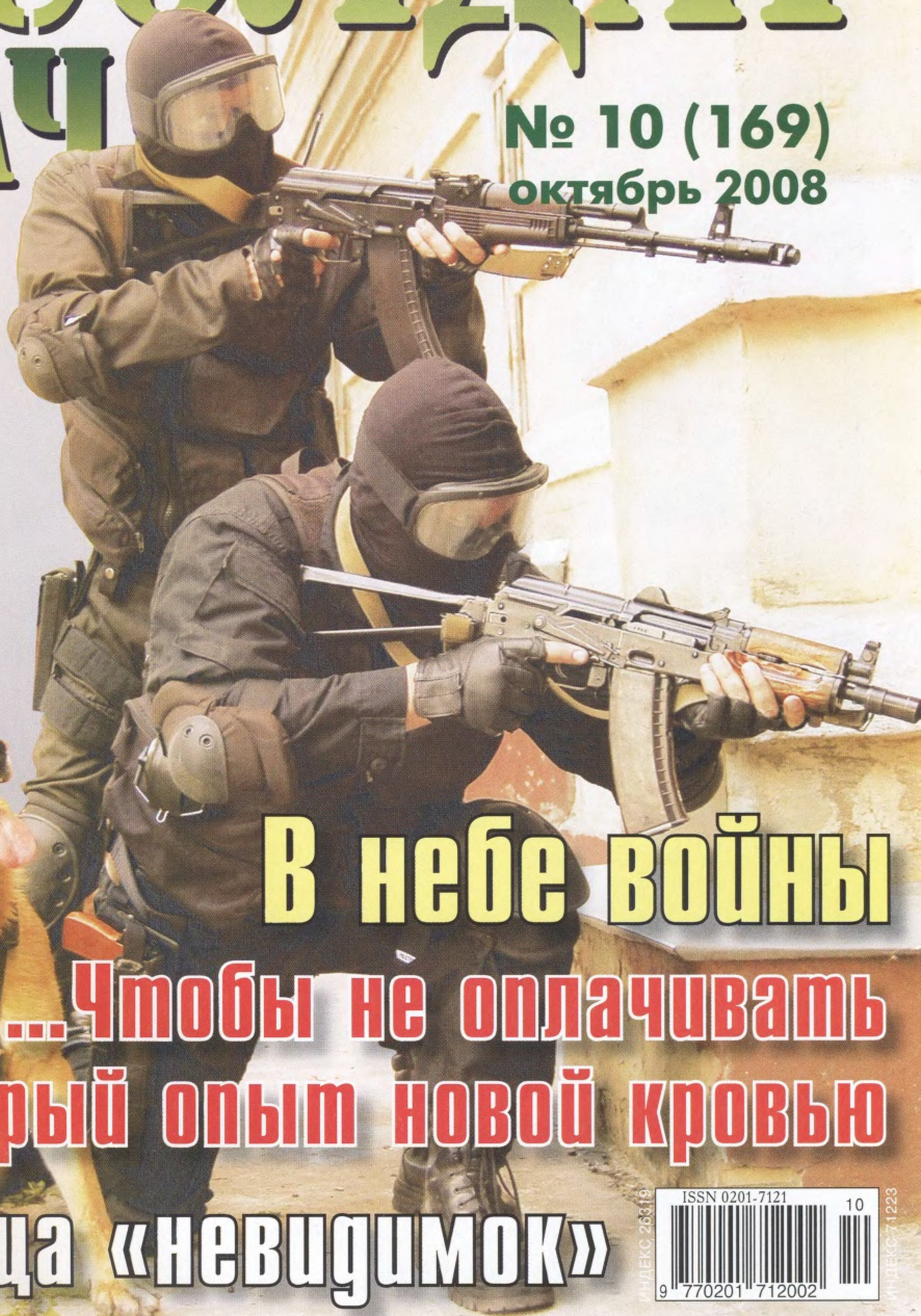
Издание для сильных и жестких мужчин

СОЛДАТ

УДАЧ

№ 10 (169)
октябрь 2008

В небе войны

...Чтобы не оплачивать
старый опыт новой кровью

Убийца «невидимок»

ИНДЕКС 26319

ИНДЕКС 71223

Михаил ЕФИМОВ

Настрелялись досыта...

Не открою секрета, если скажу, что новое, молодое поколение в большинстве своем не горит желанием служить в армии. Как вы думаете, дорогие читатели, о молодом поколении какой страны идет речь? России? А может, США или Великобритании? Боюсь, что на сегодняшний день эта проблема затронула многие страны. Да, причины этого нежелания разные, а вот мнение молодых людей едино или близко к единому: если есть возможность, лучше в армию не ходить. «Почему?» — возникает вопрос. Ведь, скажем, одно дело у нас, в Российской армии, — денежное содержание по-прежнему мало, жильем офицеры не обеспечены, служба тяжела, полна сложностей и опасностей. Но в той же Британии платят в разы больше, нашим офицерам и не снились такие зарплаты, да и с бытовыми условиями у них все в порядке. Жилищные проблемы вообще отсутствуют, и тем не менее только в сухопутных войсках нехватка солдат и унтер-офицеров исчисляется тысячами. А ведь в войска Великобритании ежегодно приходят около 25 тысяч контрактников. И прослужив один срок — четыре года, каждый второй увольняется. Правда, у нас этот процент еще выше. Казалось бы, служи да служи, с годами получишь неплохую пенсию, серьезные социальные льготы. Но, увы, не случится.

В британских сухопутных войсках процент желающих покинуть военную службу доходит до 47, в королевском флоте — столько же, в ВВС — 45%. То есть почти половина военнослужащих основных родов войск хотела бы сегодня распрощаться с вооруженными силами.

Не лучше дело обстоит и в Соединенных Штатах Америки. В интернет-дневниках, которые ведут военнослужащие, воюющие в Ираке и в Афганистане, а также в публикациях в различных американских СМИ красочно расписаны дела и настроения солдат и офицеров. Моральный уровень бойцов и командиров либо низкий, либо очень низкий.

Не помогают и все возрастающие доплаты за особые условия, удаленность от дома. А ведь тем же солдатам туманного Альбиона повышают доплаты постоянно. Они могут доходить до 9%. Кроме того, командированных в «горячие точки» военнослужащих освободили от уплаты налогов с командировочных и с особых доплат «за сложность и удаленность службы». А вообще на улучшение условий жизни людей в погонах британский бюджет выделил только в прошлом году 870 миллионов фунтов. Неплохие деньги, что и говорить. Тем не менее это не работает. Вновь возникает вопрос: почему?

Наверное, потому, что с конца 2001 года в Афганистане потери британской армии составили 110 военнослужащих, а в Ираке — 176 человек. Молодые командиры взводов и рот уходят из армии сотнями, и их нехватка постоянно растет.

Откровенно говоря, и Российской армии похвастать нечем. Наш Афганистан далеко позади, и чеченская война, как первая, так и вторая тоже, а тем не менее молодые офицеры бегут и у нас. И бегут весьма интенсивно. Приводятся цифры: 12–15 тысяч ежегодно. Выходит, российские военные училища работают вхолостую.

По результатам исследований, проведенных министерством обороны Великобритании и обнародованных на сайте военного ведомства, на вопрос, адресованный британским солдатам и офицерам: «Оказывают ли вам вооруженные силы всю необходимую поддержку?» — 5% ответили категорически отрицательно, а еще 27% — просто отрицательно. В сумме 32%. А еще 32% затруднились с ответом. Такие вот цифры.

Интересно, а какие цифры были бы у нас, в Российской армии? К сожалению, неизвестно. Пытался побеседовать с некоторыми армейскими социологами, но те лишь испуганно шарахались от меня. Возможно, они тоже знают ответ на этот вопрос, но в отличие от своих британских коллег у них не поворачивается язык выговорить правду.

Что сказать в заключение? Сегодня наша армия, к счастью, не ведет боевых действий. Но сколько продлится это, не знает никто. А когда, не приведи господь, грянет гром, различные доплаты, повышенные зарплаты могут не помочь. Как не помогают они британцам и американцам.

Главный редактор Михаил ЕФИМОВ

Зам. главного редактора Игорь МИХАЙЛОВ

Ответственный секретарь Олег ЗИНОВЬЕВ

Специальный корреспондент Олег КОЛОМИЕЦ

Эксперт-консультант Дмитрий ШИРЯЕВ

Экономический отдел Нона ЧЕРНЫШОВА

Отдел распространения Николай ДАРИНСКИЙ

Телефон/факс редакции:

(495) 958-1699,

(495) 237-6270

Адрес редакции:

115162 Москва, ул. Люсиновская, 68.

E-mail: info@soldat-udachi.com

www.soldat-udachi.com

По вопросам рекламы и

распространения звонить:

958-1699, 237-6270.

Приглашаем к сотрудничеству рекламных агентов и частных распространителей.

Учредитель и издатель:

ООО «Интернет-Медиа»

Подписано в печать 05.09.08

Издание зарегистрировано

в Министерстве печати

и информации РФ,

свидетельство ПИ № ФС 77 - 21960 от 15.09.2005

Цена свободная.

Подписные индексы:

71223 по каталогу Роспечати,

99268 по каталогу российской прессы

«Почта России»

(адресная подписка)

© «Солдат удачи»,

ООО «Интернет-Медиа»

Допечатный процесс:

дизайн и верстка Петр КОЛОТИЛОВ

Отпечатано в типографии

ОАО «Кострома»

Заказ № 1957

Тираж — 21.500

Точка зрения редакции

не обязательно совпадает

с мнением авторов

К сведению авторов!

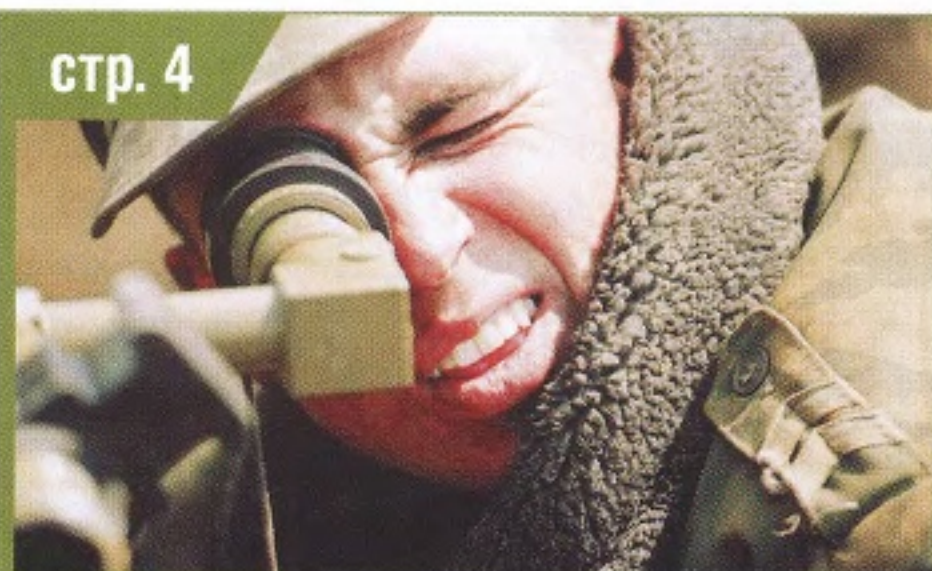
Редакция не имеет возможности рецензировать получаемые материалы.

Рукописи и иллюстрации не возвращаются, кроме уникальных, если это оговорено владельцем. Тексты принимаются в форматах Word.

Перепечатка или воспроизведение в любом ином виде целиком или по частям материалов из журнала «Солдат удачи» без ведома и согласия редакции запрещается.

стр. 4

КНИГА Боевого опыта

...Чтобы не оплачивать старый опыт новой кровью

Для реальных боевых действий у артиллерийского командира должна быть составлена очень короткая выписка из ТС для применяемой в сложившейся ситуации мины. В ней указаны дальности стрельбы по зарядам, соответствующие им значения прицелов.

Александр КАРПОВИЧ, Роман СПИРИН

КНИГА Боевого опыта

Атака «людскими волнами»...

«Атаки на позиции... проводились «волнами». Первая «волна» состояла из молодых корейцев, практически не имеющих военной подготовки. Каждый солдат имел винтовку, но не стрелял из нее. Они достаточно легко «выкашивались» огнем обороняющихся, но за счет расхода драгоценных боеприпасов. Следующая «волна» состояла из немного более подготовленных корейцев, которые стреляли из винтовок, но редко целились.

Андрей МАРКИН

стр. 10

стр. 16

ЭТО МОЯ АРМИЯ

Человек в колонне

Представьте, например, ситуацию: поворот под девяносто градусов, слева – пропасть, справа – скала. Если КамАЗ еще кое-как, потихоньку, впритирку впишется с первого раза, да и то не всегда, то каково тому водителю, который ведет КраЗ? Ему приходилось по три-четыре раза разворачиваться.

Олег КОЛОМИЕЦ

ГОРДОСТЬ ОТЕЧЕСТВА

Военная миссия майора Скрипки

Голиан дал самую лучшую характеристику святому отцу: «Это наш человек, активист подполья».

Священник действительно все понял с полуслова.

– Вы единственная страна, помогающая нашему восставшему народу. Я молюсь за ваших солдат и наших повстанцев и сделаю все, что в моих силах, – сказал он.

Договорились, что отче разместит у себя группу Чирскова, там же поставят и приводную радиостанцию.

Михаил БОЛТУНОВ

стр. 20

стр. 30

ТВОИ, РОССИЯ, СЫНОВЬЯ

Работа не для слабонервных

Ни одно разминирование не похоже на другое. Ни одно. Никогда заранее не знаешь, что тебя ждет на этот раз. Например, под радиоуправляемым фугасом может быть вторая, глубинная «закладка». Ставят на сапера, извлекающего фугас. Одно неосторожное движение – и ты уже на том свете. Возможно, рядом кроется еще какой-нибудь «сюрприз».

Олег КОЛОМИЕЦ

Фото
Виталия
АНЬКОВА

ИСТОРИЯ ВЕЛИКАЯ И СЛАВНАЯ

В небе войны

Начал воевать на Северном Кавказе в октябре 1942 года. Среди своих имел прозвище «Буби» («Малыш»). К русским относился с ненавистью, считая их всех тупыми. Но это пагубное заблуждение русские очень быстро выбили из его головы, сбив Хартманна в первом же бою. Он едва не погиб, спас парашют.

Юрий ВАСИЛЬЕВ

стр. 37

стр. 42

СПЕЦСЛУЖБЫ

Защитить президента

А во времена Клинтона у Белого дома неожиданно приземлился легкий самолет-нарушитель, хотя территория всячески контролируется и даже находится под защитой ракетных установок «земля-воздух». Предусмотреть такие способы проникновения и атак пришлось после случая 1974 года, когда разорившийся бизнесмен, страдающий психическим расстройством, пытался угнать авиалайнер в вашингтонском аэропорту с целью тарана здания Белого дома.

Сергей ДМИТРИЕВ

ОРУЖИЕ И БОЕПРИПАСЫ: ИЗ ИСТОРИИ РАЗРАБОТОК

Зондер-патроны третьего рейха

Тогда, в 1945 году, одним из первых на фабрике Walther побывал американский полковник Констент, вывезший в США большую часть документации по зондер-патронам. В то же время полковник Джарретт вывез из офиса Walther в США 11 экземпляров 9-мм ракет.

стр. 46

стр. 51

Юрий БУШИН

ОРУЖИЕ РОССИИ

Убийца «невидимок»

Выявить самолет, летящий на высоте 200 м со скоростью 420 м/с, на том уровне развития отечественной радиолокационной техники было невероятно сложно. Тем не менее советские специалисты под руководством генерального конструктора А.А. Расплетина успешно справились с поставленной задачей. Были созданы особая аппаратура, антенны, которые позволяли обнаруживать высокоскоростные низколетящие объекты и наводить на них ракеты.

Игорь НИКОЛАЕВ

СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЯ АРМИЙ МИРА

Коммандос Страны тюльпанов

Личный состав воздушно-десантного взвода в основном специализируется на высадке парашютным способом в тыл противника с самолетов и вертолетов. В районе высадки создаются замаскированные стационарные базы и посты наблюдения численностью до полувзвода (8 человек), которые не вступают в контакт с противником и местным населением.

стр. 54

Владимир МОСАЛЁВ, Вадим УШАКОВ

В номере использованы фотографии Александра Карповича, Сергея Сидорова, Сергея Исакова, Владимира Веленгурина, Виталия Анькова, Сергея Плотникова, Вадима Савицкого, Юрия Бушина, из каталога «Оружие России», а также иллюстрации с профильных интернет-сайтов.

Исходя из опыта ведения боевых действий в Северо-Кавказском регионе (как и других локальных войн, вооруженных конфликтов), артиллерии приходится решать задачи, во многом отличные от «классических». В условиях быстрой и частой смены обстановки, отсутствия сплошной линии фронта боевые действия носят очаговый характер и преимущественно ведутся на отдельных, разобщенных друг от друга направлениях. В предлагаемой вашему вниманию статье авторы этих строк (участники боевых действий, разработчики проекта новых Правил стрельбы и управления огнем артиллерии) высказывают свои взгляды на некоторые практические аспекты действий артиллеристов в рассматриваемой ситуации. Особо будет сказано о способах корректирования огня артиллерийскими корректировщиками.

...ЧТОБЫ НЕ ОПЛАЧИВАТЬ СТАРЫЙ ОПЫТ НОВОЙ КРОВЬЮ

Александр КАРПОВИЧ
Роман СПИРИН

ЗАБЫЛИ ПОСЛЕ АФГАНА, ВСПОМНИЛИ В ЧЕЧНЕ...

Согласно действующим Правилам стрельбы и управления огнем артиллерии (ПС и УО) способ определения установок выбирают в соответствии с условиями обстановки. Основным способом является полная подготовка, обеспечивающая открытие огня на поражение цели в кратчайшее время с высокой точностью.

Однако в вооруженных конфликтах основной объем разведывательной информации добывается корректировщиками артиллерийского огня. В ходе боя у них не всегда имеется возможность точно сориентироваться и определить координаты своего наблюдательного пункта. Боевые действия при тесном соприкосновении противоборствующих сторон требуют ведения стрельбы по целям, расположенным в непосредственной близости от своих войск.

■ Старший офицер батареи. Чечня. Март 2000 г.

■ Идет работа по управлению огнем

НЗР без захвата цели в вилку; по графику при засечке разрывов с двух наблюдательных пунктов. Кроме этого, имела место пристрелка «на себя» и другие.

Наиболее приемлемым и понятным для артиллерийских корректировщиков независимо от принадлежности их к тому или иному роду войск, подразделениям спецназа, морской пехоте или Внутренним войскам оказался спо-

соб корректирования огня «по странам света». В годы Великой Отечественной войны этот способ был самым популярным и назывался пристрелкой последовательным приближением разрывов к цели.

Контртеррористическая операция во многом отличается от крупномасштабной войны. В связи с этим приобретать боевой опыт и «перестраиваться» приходилось уже в ходе боевых действий. Справедливости ради надо отметить, что подобное мы уже «проходили» в Афганистане. Именно тогда со всей остротой возник вопрос о необходимости подготовки и введения в штат артиллерийских корректировщиков. К сожалению, в военных «верхах» эта насущная необходимость не была воспринята. В ту пору у нас

была могучая армия, предназначенная для ведения крупномасштабной войны на широком фронте. Афганская ситуация признавалась нетипичной, а о том, что придется применять артиллерию для борьбы с бандформированиями в своей родной стране, не могло быть и речи.

Время показало ошибочность тех взглядов, и чеченская кампания заставила учитывать опыт Афганистана. Однако, к глубокому сожалению, к этому времени в строю оставались лишь случайно уцелевшие в период массового развала армии «афганцы». Поэтому очередному поколению артиллеристов, как издавна у нас ведется, пришлось оплачивать опыт своей кровью...

РЕКОМЕНДОВАНО ВОЙНОЙ

Для того чтобы внести боевой опыт в повседневную боевую подготовку артиллерийских подразделений, необходимо было учесть в руководящих документах следующие положения.

Во-первых, при планировании учений (тренировок) учитывать особенности тактики действий общевойсковых подразделений, особенности создаваемых группировок артиллерии в локальных конфликтах.

Во-вторых, готовить артиллерийских корректировщиков, привлекая на эти занятия командиров общевойсковых подразделений и сержантский состав подразделений артиллерийской разведки.

В-третьих, обучать командиров готовить данные для стрельбы с

Выше отмеченные факты, а также отсутствие необходимых данных об отклонениях условий стрельбы от табличных обуславливают в большинстве случаев выбор в качестве основного способа определения установок для стрельбы глазомерной подготовки, а в качестве основного способа определения установок для стрельбы на поражение — пристрелку цели. В то же время проведение пристрелки цели исключает фактор внезапности. Поэтому в бою побеждает не тот, кто раньше начал пристрелку, а тот, кто раньше ее закончил.

Анализ опыта боевых действий показал, что в ходе проведения контртеррористической операции наиболее часто применялись следующие способы пристрелки: с помощью графика; пикетажем местности; по

■ Огонь ведет 120-мм миномет. Чечня. Сентябрь 1999 г.

использованием карты, артиллерийского круга и масштабно-прицельной линейки.

В-четвертых, рассматривая вопросы определения установок для стрельбы, изучать и активно внедрять приемы и способы **глазомерной подготовки**.

Именно поэтому в проект новых ПС и УО были внесены изменения, касающиеся прежде всего глазомерной подготовки и пристрелки последовательным приближением разрывов к цели.

Также, на наш взгляд, следует внести рекомендации для различных видов артиллерии, обусловливаемые их организационно-штатной принадлежностью и техническими характеристиками систем, прежде всего — дальностью стрельбы.

Например, для подразделений 82-мм минометов может быть рекомендована глазомерная подготовка расчетным способом и пристрелка по НЗР.

Для 120-мм минометов — глазомерная подготовка графическим способом, так как ее точность гораздо выше, а при использовании дальномера — не хуже, чем при проведении сокращенной подготовки. Пристрелку целесо-

образно проводить по измеренным отклонениям с помощью дальномера или по НЗР.

Для полковой и дивизионной артиллерии данные способы определения установок для стрельбы малопримемлемы из-за больших ошибок. Корректировщик (общевойсковой командир) в этом случае дает координаты цели по карте или целеуказание от ориентира и корректирует огонь последовательным приближением разрывов к цели.

КОМУ И КАК НЕСТИ МИНЫ?

Рассмотрим вариант применения глазомерной подготовки (как и другие нюансы действий артиллеристов в ходе боевого выхода) во время контртеррористической операции на следующем примере.

Мотострелковая рота получила задачу прочесать местность и уничтожить оказывающие сопротивление бандгруппы. Командир минометной батареи выделил командиру роты два 82-мм миномета 2Б14 и командира огневого взвода.

Необходимо особо остановиться на минах, которые также переносятся с минометом. Расчет миномета переносит ствол (16,2 кг), опорную плиту (17 кг), дуногу-лафет (13,9 кг), прицельные приспособления и буссоль. Если расчет составляет 4 человека, то мины нести просто некому. В укупорочном ящике имеется 10 мин. Естественно, в горы ящик никто не понесет. Если в расчете 6 человек, то два свободных номера расчета берут в вещмешки по 5 мин. Больше расчет при всем желании перенести не в силах. К этому грузу надо прибавить личное оружие и экипировку. Следовательно остальной боекомплект переносит пехота в вещмешках.

Если вспомнить опыт Афганистана, то там изначально пытались загружать в вещмешок по 10 мин. Однако очень скоро стало ясно, что в горах такой груз непосилен, и даже если выдерживают люди, не выдерживают вещмешки. Лямки у них отрываются,

а стабилизаторы мин прорезают ткань вещмешка.

Оптимальным решением оказалось загружать в вещмешок по 5 мин, обматывая стабилизаторы ветошью.

СВЯЗЬ И ПЕРЕМЕЩЕНИЕ «ПЕРЕКАТОМ»

По штату в минометной батарее две буссоли и один дальномер, поэтому командир батареи может выделить для выполнения задачи лишь одну буссоль. Командир огневого взвода передвигается совместно с командиром роты. Таким образом, из приборного оснащения у взводного имеется только буссоль, а его личная экипировка включает бинокль и компас.

К сожалению, в настоящее время наша промышленность не выпускает артиллерийский круг АК-3 с масштабно-прицельной линейкой МПЛ-50 (МПЛ-25), который всегда являлся обязательным элементом полевой экипировки офицера-артиллериста и обеспечивал решение множества задач: от целеуказаний до определения установок для стрельбы.

С началом прочесывания ротой местности командир огневого взвода организует боевую работу таким образом, чтобы все это время к ведению огня всегда был готов хотя бы один миномет, а с обоими расчетами минометов имелась надежная связь. Поскольку штатные средства связи минометной батареи не обеспечивают связь командира с каждым расчетом, а в рассматриваемой ситуации такая связь необходима, данный вопрос должен решаться заранее, на этапе планирования прочесывания. Как правило, решением командира батальона для организации связи с минометами выделяют радиостанции Р-147 (Р-157) или Р-163-0.1Р (Р-163-0.5Р) — «Арбалет».

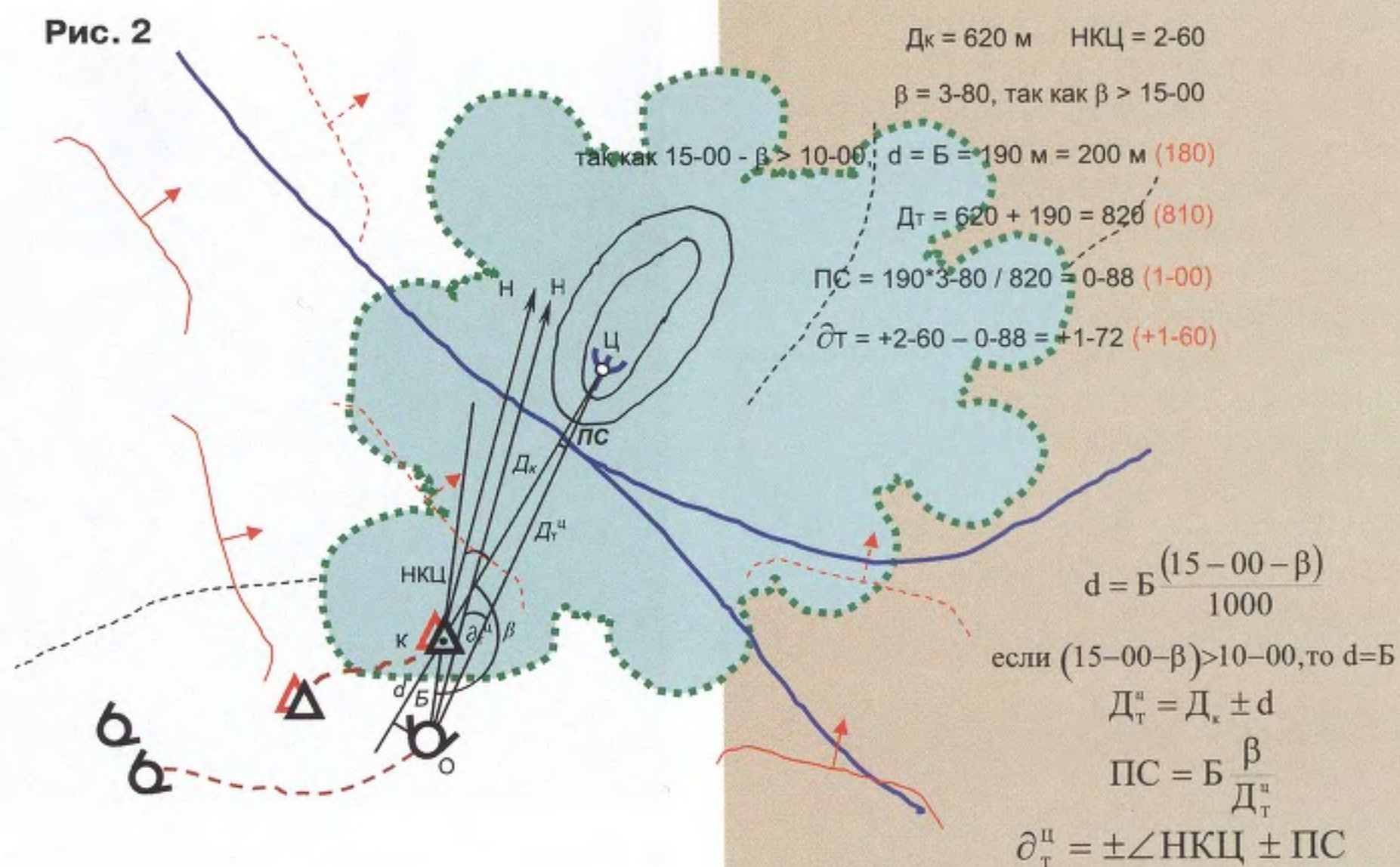
Целесообразным вариантом действий в данной ситуации может быть перемещение минометов «перекатом». То есть один миномет развернут на огневой позиции (ОП), сориентирован и подготовлен для стрельбы, с расчетом и усилением для отражения внезапного нападения, а второй миномет в это время перемещается (переносится расчетом) в готовности к развертыванию и подготовки для стрельбы в указанном командиром взвода направлении.

Поскольку командир взвода постоянно находится с командиром роты в движении, расчет будет несколько отставать от «цепи». Однако один из минометов должен постоянно находиться или в пределах видимости, или

■ Проводятся расчеты для открытия огня

вблизи от хорошо наблюдаемых командиром взвода местных предметов. Бусоль используется для ориентирования минометов на огневой позиции. После того как миномет будет сориентиро-

■ **Расчеты, проводимые командиром огневого взвода после появления цели**
(На рисунке показаны реальные расчеты, красным цветом выделены данные, полученные аналитически (для сравнения точности))

ван и подготовлен к стрельбе, буссоль должна находиться вблизи от миномета, совершающего перемещение.

РАЗМЕЩЕНИЕ ОГНЕВОЙ ПОЗИЦИИ

Размещать ОП необходимо ближе к створу ЦНП и с минимальной базой. То есть расстояние от точки, с которой будет производиться корректирование огня (а она будет, как правило, совпадать с местом расположения командира роты), до ведущего огонь миномета должно быть минимальным. В этом

случае ошибки расчетного способа определения установок для открытия огня будут наименьшими, значение шага угломера ($\Delta\alpha$) будет близким к нулю, а коэффициента удаления (K_v) — к единице.

Очевидно, что проводимые расчеты для открытия огня и корректирования стрельбы будут максимально упрощены. Фактически они сведутся к определению дальности до цели и угла между положением основного направления стрельбы (ОН) на местности и целью. Корректирование огня в этом случае сводится к определению отклонений разрывов от цели и вводу их в прицельные приспособления, с обратным знаком.

Многие скажут, что нельзя предугадать, где появится цель, и соответственно угол КНП—ЦЕЛЬ—ОП (ПС) вряд ли будет равен или близок к нулю. Однако, имея минимальное расстояние между КНП и ОП, командир огневого взвода всегда сможет переместиться и корректировать огонь, соблюдая все вышеперечисленные условия.

КТО БУДЕТ ЛИСТАТЬ «ТАЛМУД» ВО ВРЕМЯ БОЯ?

Особо следует остановиться на вопросе назначения прицела. Мины, как известно, нормализованной шкалы не имели и не имеют. Установка прицела в делениях прицела или тысячных назначается по основной табличной зависимости, приведенной в Таблицах стрельбы (ТС). Издания ТС для 82-мм миномета времен Великой Отечественной войны и послево-

енные имели шесть страниц по числу зарядов и шесть страниц справочного материала. Кроме этого, на двуногеллафете миномета закреплялась латунная табличка с дальностями стрельбы и соответствующими значениями зарядов, прицелов и изменения дальности стрельбы при изменении прицела на одно деление. Такие приближенные таблицы стрельбы вполне отвечали потребностям войск.

В 1999 г. были изданы Таблицы стрельбы 82-мм миномета (ТС РГ № 96) общим объемом 150 стр. Безусловно, разработчики этого издания старались максимально облегчить работу должностных лиц, создать книгу, включающую огромный объем справочного материала, поместить в ТС поправки на все факторы, влияющие на точность стрельбы. Однако авторам этих строк, как участникам боевых действий, трудно себе представить офицера-артиллерию, в условиях боя листающего этот замечательный теоретический труд...

Очевидно, что для реальных боевых действий у артиллерийского командира должна быть составлена очень короткая выписка из ТС для применяемой в сложившейся ситуации мины. В ней должны быть указаны дальности стрельбы по зарядам, соответствующие им значения прицелов, изменения дальности при изменении прицела на одно деление и значение Вд. Для 82-мм миномета все эти данные вполне помещаются на кусочке пластика размером в половину тетрадного листа.

Командир огневого взвода на НП будет обходиться лишь биноклем и компасом. Карта в подобной ситуации практической ценности представлять не будет, поскольку ПУО и каких-либо средств и условий для проведения графических работ в рассматриваемой ситуации не имеется.

ДО ПОЯВЛЕНИЯ ЦЕЛИ

В соответствии с рекомендациями ПС и УО глазомерная подготовка расчетным способом производится при поправке на смещение менее 5-00 в следующей последовательности (рис. 1):

- ориентирование буссоли любым доступным способом;
- уяснение прохождения основного направления стрельбы на местности и выбор находящегося в этом направлении хорошо наблюдаемого местного предмета (по возможности, проверка ориентирования приборов на КНП и ОП);
- определение величины базы между КНП и ОП.

■ Расчет 82-мм миномета после боя. Чечня. Июнь 2000 г.

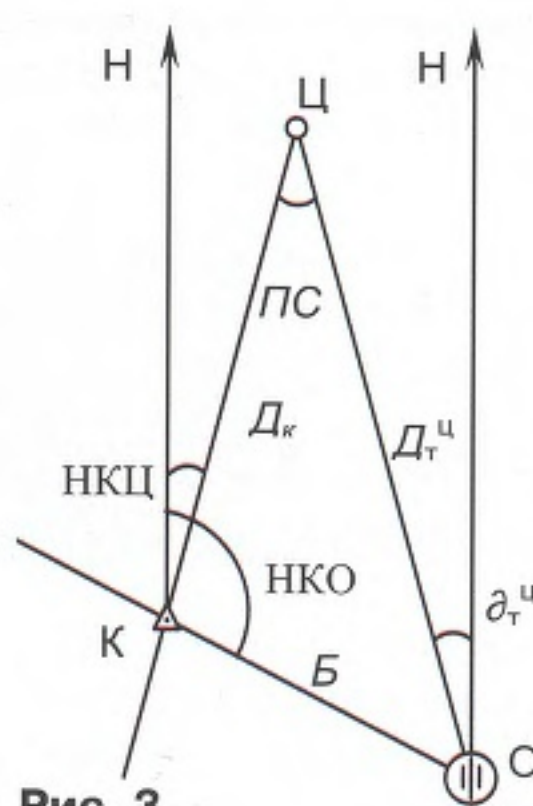

Рис. 3

■ Глазомерная подготовка графическим способом

В условиях нашего примера командир огневого взвода, исходя из направления прочесывания, назначает основное направление стрельбы и определяет, где оно проходит на местности. Ставя задачу командирам минометов, помимо прочего, указывает положение ОП, порядок перемещения и развертывания в ходе выполнения задачи, исходя из условий местности и решения командира роты.

Таким образом, до появления цели командир взвода будет знать величину базы и направление с НП на миномет (ОП).

ПОСЛЕ ПОЯВЛЕНИЯ ЦЕЛИ

С появлением цели, согласно ПС и УО (рис. 2):

- измеряют с командно-наблюдательного пункта (точка К) горизонтальный угол между основным направлением и направлением на цель (угол НКЦ);
- определяют величину горизонтального угла между направлением на цель и направлением на огневую позицию, если $\beta > 15-00$, то его значение принимают равным $30-00 - \beta$;

- рассчитывают расстояние d (отход) с округлением до сотен метров;

- определяют топографическую дальность до цели;

- определяют поправку на смещение;

- определяют топографический доворот от основного направления стрельбы по цели.

Если угол $\beta < 2-00$, то доворот определяют умножением угла НКЦ на коэффициент удаления.

В условиях нашего примера командир взвода подает команду: «Стрелять первому. Пулемет. Цель 101. Миной 3-0-12. Заряд первый. Прицел 534. Основное направление +1-72. Одну мину — огонь».

В условиях примера $K_y = 0,8$; $Ш_y = 0-10$; $\Delta П = 20$; $Вд = 8$.

Если расчет сработал без грубых ошибок, то, вероятнее всего, отклонение разрыва для НП будет составлять П 15; «+».

В соответствии с проектом новых ПС и УО необходимо уменьшить дальность стрельбы на $8Вд = 64$ м. Учитывая, что $\Delta П = 20$, выбираем величину первой вилки 4 деления прицела — 80 м.

Получив первый разрыв, вводят корректуры, прицел меньше 4 (или прицел 530), левее 0-20 (-0-12, на отклонение разрыва по направлению и -0-08 на изменение дальности на 80 м), и назначают второй выстрел.

Пристрелку продолжают до захвата цели в вилку, равную $4Вд$, и переходят к стрельбе на поражение, назначая четыре мины беглым огнем. Если цель не поражена, вводят корректуры по результатам засечки поражающей очереди по общим правилам и назначают еще четыре мины. Стрельбу ведут до выполнения огневой задачи.

Андрей МАРКИН

«Массированной атакой на ротный опорный пункт устремился... отряд, численностью более 400 человек... Бандиты наступали «волнами»... Десантники... отражали атаки... ваххабитов, которые... шли... в полный рост. ...Ваххабиты отступали, но затем накатывались новой «волной».

Из книги О. Дементьева и В. Клевцова «Шаг в бессмертие» о подвиге воинов 6-й роты 104-го полка 76-й гвардейской десантной дивизии.

АТАКА «ЛЮДСКИМИ ВОЛНАМИ»: ТАКТИКА ПЬЯНЫХ ИДИОТОВ ИЛИ ОБОСНОВАННЫЙ ТАКТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ?

УСТАРЕВШАЯ ТАКТИКА

Тактике атаки «людскими волнами» традиционно не уделяется сколько-нибудь значительного внимания. Когда говорят о ней, обычно представляются солдаты, которые, будучи в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, бегут толпой на вражеские пулеметы в расчете на то, что у противника либо кончатся боеприпасы, либо не выдержат нервы и он побежит. В справочнике младшего командира (М.: Воениздат, 2007 г., стр. 114) имеется весьма категоричное предписание: «Атака противника в полный рост, как ведущая к большим потерям, не допускается». Все, что об этой тактике известно, — это то, что

так воевать нельзя. При этом из конфликта в конфликт «запрещенная» тактика продолжает применяться.

Действительно, на первый взгляд, кроме попытки задавить числом, невзирая на чудовищные потери, в ней ничего нет.

Приведем достаточно характерное описание американского опыта, относящегося к периоду корейской войны.

«Атаки на позиции... проводились

«волнами». Первая «волна» состояла из молодых корейцев, практически не имеющих военной подготовки. Каждый солдат имел винтовку, но не стрелял из нее. Они достаточно легко «выкашивались» огнем обороняющихся, но за счет расхода драгоценных боеприпасов. Следующая «волна» состояла из немного более подготовленных корейцев, которые стреляли из винтовок, но редко целились. Эта

атакующей пехоты поддержки тяжелого оружия нет либо почти нет.

ОТКАЗ ОТ АТАК ТОЛПАМИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

Для начала вспомним, что отказ от тактики атаки бегом в полный рост большими группами пехоты произошел в европейских армиях еще в ходе Первой мировой войны. Тогда оплаченный кровью многих тысяч солдат опыт показал, что пулеметы обороняющихся «выкосят» ЛЮБОЕ количество атакующей таким образом пехоты, если их не подавить. Весьма характерный пример — 7 августа 1915 года австралийцы атаковали турецкие окопы на высоте

Бэйби 700 (Галлиполи). Австралийские окопы были всего в 30–40 метрах от турецких. Перед атакой была произведена артиллерийская подготовка мощными корабельными орудиями. Из-за того что артподготовка закончилась на 7 минут раньше, чем планировалось, турки успели выйти из убежищ и занять оборонительные позиции. Три «волны» австралийской пехоты были «выкошены» турецким огнем. Из примерно 150 человек, составлявших первую «волну», только трое достигли турецких окопов. Из последующих «волн» той же численности никто не смог их достичь. Расстояние в 30–40 метров оказалось под огнем непреодолимым.

Возникший вследствие неспособности пехоты преодолеть стену пулеметного огня позиционный кризис той войны вроде однозначно показал, что атаки пехоты «волнами» (если они существенно не поддерживаются артиллерией и/или танками) невозможны.

Для выхода из возникшей ситуации использовались разные способы. Противник загонялся артогнем в убежища, а атакующая пехота подвигалась настолько близко к окопам противника во время артобстрела, что она успевала после прекращения (переноса) артогня добежать до них быстрее, чем обороняющиеся успевали открыть огонь из стрелкового оружия по атакующим. Нередко для этого проводилось планомерное сближение собственных окопов с окопами противника путем откапывания своих окопов все ближе и ближе к окопам противника. Выкапывали скрытые подземные туннели,

подходившие практически вплотную к вражеским окопам, выход из которых откапывался только во время артподготовки атаки. Это делалось для того, чтобы уменьшить расстояние, которое первой «волне» атакующих нужно преодолеть по открытому простреливаемому пространству, и чтобы атакующий противник не успел открыть огонь. Делали подкопы под окопы противника, подрывали их, немедленно направляя в образовавшиеся бреши пехоту. Пускали пехоту за лавиной танков. Очищали окопы от противника отравляющими веществами. Окружали огневые точки противника воронками от снарядов и бомб и усеивали ими нейтральную полосу между окопами противоборствующих сторон, чтобы небольшие группы пехотинцев, делая короткие перебежки от воронки к воронке, могли максимально сблизиться и уничтожить в бою на короткой дистанции основные пулеметные точки противника и даже просочиться в тыл. Но от мысли, что пехота сама по себе может прорвать оборону, атакуя бегом через открытое пространство, отказались все.

Как же получилось так, что в корейской войне атаки устаревшими «людскими волнами» нередко заканчивались успехом атакующих? Что же произошло? Почему-то в Первую мировую войну никто не жаловался на то, что последовательные «волны» атакующих оставят обороняющихся без боеприпасов. Неужели, пройдя обе мировые войны, американцы разучились стрелять из пулеметов?! Попробуем найти объяснение.

ОСТАНОВИТ ЛИ ПУЛЕМЕТ АТАКУЮЩУЮ ТОЛПУ?

Само по себе наличие пулеметов у обороняющихся далеко не всегда означает, что бегущая в полный рост пехота атакующих будет выбита полностью до того момента, как она достигнет оборонительных позиций противника. Для этого необходимо наличие ряда условий, которые на фронтах Первой мировой имелись, однако сказать, что они присутствуют везде и всегда, нельзя.

Во-первых, должна быть хорошо просматриваемая местность и хорошая видимость, чтобы после начала атаки противника у пулеметчика было время поразить цели в назначенном ему секторе и он мог скорректировать огонь, чтобы он просто видел цели. В Европе во время Первой мировой войны нейтральная полоса между око-

■ Пулеметы «выкосят» любое количество атакующей пехоты

«волна» также останавливалась огнем, но расстреливалось еще больше боеприпасов. Третья и четвертая «волны» также состояли из малоподготовленных солдат. Но когда огневая мощь войск ООН ослабевала из-за недостатка боеприпасов, «волна» из опытных солдат захватывала оборонительные позиции».

Ветеран корейской войны, вспоминая китайскую атаку в 1951 году, описывает ее так: «[Китайцы] были как волны, бесконечно накатывающиеся на берег одна за другой. У них не было даже винтовок, только гранаты, и они должны были приблизиться к нам на 25 метров. Стволы наших пулеметов накалялись докрасна и изгибались от перегрева. Мы были вынуждены лить на них воду».

Умной такую тактику не назовешь. Потери при ее использовании должны быть колоссальными. Ее применение означает, что уровень подготовки солдат и командиров чрезвычайно низок.

Однако не будем торопиться с выводами. Более внимательный анализ показывает, что не все так однозначно.

Сразу следует сделать оговорку. Статья не рассматривает ситуации, когда из-за безобразно организованного взаимодействия пехота остается без поддержки тяжелого вооружения и, несмотря на наличие бронетехники, авиации, артиллерии, вынуждена атаковать только стрелковым оружием. В публикациях такие атаки также нередко подпадают под определение «людских волн». В рамках настоящей статьи рассматриваются только ситуации, когда у

пами хорошо просматривалась и атаки осуществлялись днем. В Корее атаки «людскими волнами» предпринимались, как правило, в условиях ограниченной видимости (ночью, в дождь, при тумане, в местах с густой растительностью).

Во-вторых, крайне желательно, чтобы атакующий противник был вынужден затратить некоторое время на преодоление какого-нибудь препятствия, которое реально задерживает атаку и заранее пристреливается пулеметом. В Первую мировую войну широкое применение нашли заграждения из колючей проволоки, многие атаки захлебывались при попытках их

преодоления. В Корее такие заграждения хотя и применялись, но с гораздо меньшим размахом (до стабилизации фронта в районе 38-й параллели). Проволочные заграждения далеко не всегда были сплошными, они были менее глубокими, и проходы в них проделывались гораздо проще и быстрее. Они не задерживали атакующих так, как это было в Первую мировую войну. Кроме того, в Азии использовали такие «неевропейские» способы проделывания проходов, как подрыв саперов-смертников вместе с зарядами разминирования, что позволяло создавать проходы «на бегу». Отметим, что при прорыве из Первомайского раду-

евцы пытались снять минные поля смертниками, которые катались по полю, стараясь вызвать разрывы мин. Сходный способ разминирования — направление первой «волны» атакующих прямо на минные поля — использовался Ираном во время ирано-раксской войны.

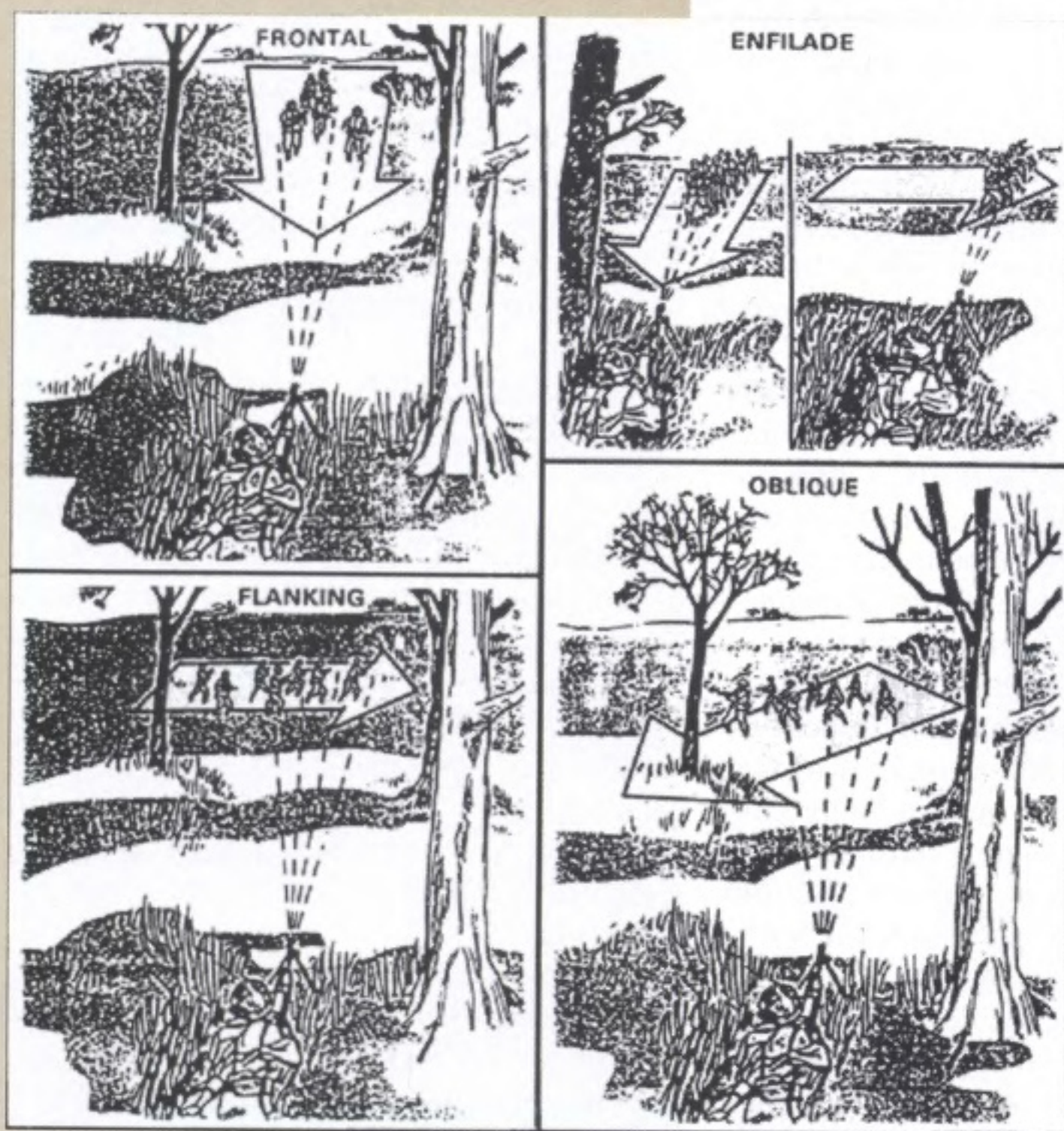
В-третьих, существенное значение имеет и расположение пулемета относительно цепи атакующих. Для того чтобы пулеметный огонь мог гарантированно остановить цепь вражеской пехоты, требуется, чтобы он вел так называемый продольный («анфиладный») фланкирующий огонь. Если цель имеет большую протяженность по фронту и малую в глубину (что бывает в случае стрельбы по стрелковой

цепи), то вероятность попадания значительно увеличивается при стрельбе во фланг. В этом случае длинная ось эллипса рассеивания совпадает с длинной осью цели. Проще говоря, если смотреть во фланг пехотной цепи, солдаты, ее составляющие, закрывают почти весь сектор обстрела так, что промахнуться трудно. Очевидно, что останавливающий эффект пулеметного огня против атакующей пехоты проявляется в наибольшей степени, когда пулемет может выбивать групповые цели, а не когда пулеметчик вынужден выцеливать отдельных солдат противника.

В Первую мировую войну основу обороны составляли как раз фланкирующие пулеметы, ведущие продольный огонь по цепям атакующей пехоты. Было достаточно времени, чтобы разместить пулемет в удобном для такого фланкирования месте. Нередко фланкирующие пулеметы находились существенно позади и сбоку от защищаемой ими позиции, в секторе обороны другого подразделения. Пулеметные команды могли не подчиняться командиру сектора обороны, в котором они располагались, поскольку в противном случае в напряженный момент боя он бы потребовал вести огонь в своем секторе, а не защищать соседний.

Сделаем отступление и отметим, что на преимуществах флангового огня основывается один из тактических приемов, применяемый в ряде армий, — так называемый ближний защитный огонь (final protective fire) пулеметов. Когда цепь атакующих делает рывок непосредственно к окопам обороняющихся, пулеметчики одновременно по команде перестают вести огонь по отдельным целям и разворачивают свои пулеметы так, чтобы траектории пуль были почти параллельны обороняемому фронту и проходили на уровне пояса атакующих. Огонь ведется не по целям, а непрерывно вдоль заранее определенной для каждого пулемета линии. Расчет строится на том, что атакующие солдаты сами «вбегут» в поток пуль.

По мере насыщения пехотных подразделений пулеметами они стали неотъемлемой частью вооружения самых мелких групп пехоты, что привело к использованию их преимущественно для ведения огня во фронт по атакующим. Хотя пулеметы зачастую ставят на фланге обороняющегося подразделения, но фланкирующий огонь они фактически не ведут. Реально для фланкирования необходимо так

■ Виды огня относительно цели: сверху слева — фронтальный, снизу слева — фланкирующий, снизу справа — косопрямый, сверху справа — продольный («анфиладный») огонь, который может быть как фронтальным, так и фланговым

располагать пулемет, чтобы фронтальный огонь он вести не мог, иначе пулеметчик обязательно будет защищать в первую очередь сам себя, стреляя во фронт, а не защищать другой фланг позиции, пусть даже последний вид огня более эффективен.

Еще одним существенным моментом является хорошая подготовка пулеметчиков. Стрелять из пулемета на средние и большие дистанции не так просто, как кажется. Правильная наводка требует навыка и знаний. В Первую мировую войну, поскольку пулеметчиков еще учили вести огонь с закрытых позиций и на предельных дальностях как артиллеристов, уровень подготовки наводчиков пулеметов был высок. Позднее пулеметы стали рассматривать как более простое оружие, ведущее огонь на меньшие дальности и прямой наводкой, соответственно уровень требований и, как следствие, уровень подготовки снизился.

Одним словом, вывод о том, что наличие пулеметов гарантированно сорвет любую атаку пехоты, наступающей бегом в полный рост, справедлив далеко не для всех тактических ситуаций. Даже неорганизованная атака толпой при численном перевесе может закончиться победой атакующих.

ЯПОНСКИЕ ПОПЫТКИ

И все же, как кажется, главной причиной успеха «устаревшей» тактики являлось то, что в нее были внесены изменения, которые не были замечены европейскими и американскими военными специалистами. Упор ими был сделан на освоение новых средств ведения войны. Но в то же время сохранялось большое число стран, не имевших индустриальной базы, сопоставимой с военной промышленностью европейских стран или США. И офицерам этих армий приходилось изобретать и придумывать способы борьбы с противником, обладающим полным техническим превосходством. Можно сколько угодно потешаться над несовершенством их военной техники, но все это до тех пор, пока не поставишь себя на место офицера такой армии. Известно, что у противника все намного лучше, но воевать и стремиться победить нужно сейчас, не дожидаясь, пока твоя страна даст тебе сопоставимую технику.

В частности, такая задача встала перед военными специалистами довоенной Японии. Анализируя опыт Первой мировой войны, они стремились найти решение, как атакующей пехоте

достигать атакуемых позиций с минимальными потерями, чтобы завязать штыковой бой в окопах противника. В качестве тактического решения этой проблемы вышедший в 1928 году японский полевой устав особое внимание уделял скрытному сближению с позициями противника, с тем чтобы пехоте оставалось преодолеть одним броском 30–50 метров до его окопов. Расчет был на то, что противник просто не успеет открыть сколько-нибудь эффективный ответный огонь за то время, которое потребуется атакующим для преодоления этих 30–50 метров.

С учетом того, что скрытное сближение с позициями обороняющихся легче производить в условиях ограниченной видимости, упор в подготовке делался на проведение ночных атак. Впоследствии ночные атаки с целью сближения на дистанцию штыкового удара стали своего рода визитной карточкой японской пехоты Второй мировой войны. В принципе такая «подкрадывающаяся атака» — вполне разумный тактический прием, в той или иной степени применявшийся всеми армиями. Однако опыт применения «подкрадывающейся атаки» японцами во время Второй мировой войны показал, что эта тактика часто давала сбои.

История боев американской армии против японцев на островах в Тихом океане знает немало примеров, когда атакующие таким образом японцы несли потери, несопоставимые с достигнутыми результатами, которые были в лучшем случае ничтожны, в худшем — катастрофичны для японских подразделений. Причин тому было несколько.

Далеко не всегда возможно скрытно подползти к окопам противника на требуемые 30–50 метров, если сближение осуществляет сколько-нибудь крупное подразделение. Чем больше количество «подкрадывающихся» солдат, тем выше вероятность того, что кто-нибудь сделает ошибку и выдаст неосторожным звуком либо движением своих. Узнав о незваных «гостях», обороняющиеся обрушат на них свой огонь, и атакующим придется отступать под огнем противника, неся большие потери. Это хороший пример того, что не всегда тактика малых подразделений может быть эффективна для

■ Изображение атаки китайцев «волнами» на обложке журнала морской пехоты США, апрель 1952 года. Атакующие буквально бегут по трупам своих же солдат в очень плотных построениях. Обратите внимание на рожок у солдата слева сверху. Использовался во время войны в Корее для создания паники у обороняющихся

крупных и что невозможность применения какого-то тактического приема крупным подразделением автоматически не означает негодность его для малых подразделений. Отметим, что японцы, обученные в наступательном духе, при раннем их обнаружении (до выхода на расстояние 30–50 метров до окопов противника) все равно поднимались в атаку, что нередко влекло бесполезную гибель всего атакующего подразделения.

«Подкрадывающаяся атака» имела и другой недостаток. Даже при скрытном выходе на требуемые 30–50 метров она работала только против первой линии обороны. Захватив ее, японцы продолжали атаку дальше бегом в полный рост, хотя эффекта внезапности уже не было. Огневые средства, расположенные чуть в глубине обороны, расправлялись с атакующими.

Японский опыт в целом оказался неудачным и, казалось бы, только подтверждал выводы, сделанные в ходе Первой мировой войны, о невозможности пехотных атак бегом в полный рост. Однако постоянные вынужден-

■ По пехоте – огонь!

ные попытки атаковать пехотой, не имевшей существенной поддержки танками, артиллерией, авиацией, технически превосходящего противника привели к тому, что в ходе войны японцы постепенно начали «нащупывать» приемы, которые все же помогали достигать успеха и в таких обстоятельствах.

Приведем ряд приемов японской армии, которые были отмечены в американских разведывательных бюллетенях, извлечения из которых даны ниже.

«Как правило, японские контратаки сопровождалась яростной стрельбой из пулеметов и ружей, а также воем, криками и другими шумами. Очевидная цель такой тактики была напугать американских солдат, вынудить вести огонь, чтобы обнаружить их позиции, а также прикрыть основную атаку. Основная же атака осуществлялась скрытно с другого направления, японцы подползали как можно тише, с примкнутыми штыками, к нашим позициям». (Новая Гвинея, 1944 г.)

«После начала атаки японцы издавали много шума, стреляя из минометов, кидая гранаты, хлопушки (так в оригинале firecrackers. — Прим. авт.), крича и свистя. Шум создавался для того, чтобы спровоцировать на ведение огня... Ночные атаки производились на небольшом фронте, но их минометы били вглубь и по флангам, чтобы создать впечатление атаки большого подразделения широким фронтом. ...Когда наши войска открывали огонь, японцы пытались просочиться во фланг и в тыл, где после сбора... эти группы пытались атаковать наши позиции под прикрытием минометов и огня гранат». (Июнь 1943 г.)

«В ночных атаках японцы направляли авангарды по ложинам через густую растительность, оставляя более открытые возвышенные участки для

основной группы... Основная группа издавала шум, с тем чтобы скрыть шумы, издаваемые авангардами. Авангарды расчищали джунгли вдоль путей дальнейшего сближения для крупных подразделений и обозначали тропы светящейся краской». (Март 1943 г.)

«Зачастую... японцы не использовали предварительную подготовку атаки огнем. После начала перестрелки цепь залегала, а пулеметы стреляли поверх голов [залегших солдат], и открывался огонь из минометов по нашим позициям. Под прикрытием этого огня [японцы] старались подползти так близко, чтобы можно было забросать наши позиции гранатами. Обычно в ходе таких атак враг заменял измотанных солдат из передовых линий на свежие резервы». (Апрель 1943 г.)

«Японская тактика работает на создание испуга, чувства отрезанности от своих войск... [Для этого используется] новое оружие — шум. Одним из средств создания шума является огонь из [«просочившегося»] пулемета в тылу в течение всей ночи. Это очень быстро приводит к возникновению мысли о том, что «мы отрезаны». Иногда некоторое количество снайперов просачивается в тыл с той же целью. Они стреляют в пустоту. Жертв, как правило, нет, но... войска становятся склонны к бегству или сдаче в плен, когда их атакуют с фронта и фланга. Обычно бегство с поля боя через позиции «фантомных» войск, которые их [якобы] окружили, проходит без потерь». (Май 1943 г.)

«Атакующие войска делились на две или более «волны» перед штурмом. Первая «волна», состоящая из штурмовых групп (в оригинале task unit. — Прим. авт.), атаквала заранее определенные огневые позиции. Если эти позиции не

были уничтожены к тому моменту, как вторая «волна» достигала вражеских позиций, вторая «волна» переходила первую и пробивалась в тыл противнику. Иногда зачищающие подразделения следовали за второй «волной» и уничтожали очаги сопротивления, оставшиеся позади передовых подразделений атакующих». (Июль 1945 г.)

«Просачивание. Японцы... высылают патрули в тыл противнику. Эти патрули небольшие, включают от двух солдат до нескольких дюжин. Каждый солдат несет с собой запас еды на несколько дней. На начальном этапе атаки просачиванием небольшие патрули проползают вокруг флангов или через оборонительные позиции с целью их окружения. Эти патрули бездействуют, пока их товарищи с фронта не пойдут в ложную массированную фронтальную атаку. Тогда просочившиеся патрули открывают огонь для создания впечатления прорыва противника в тыл. При этом патрули перемещаются, даже если по ним ведут огонь. Интенсивность огня от необычно большого числа автоматического оружия, имеющегося на руках у патрулей и фронтально атакующих подразделений, создает впечатление, что атакующих больше, чем на самом деле».

К концу Второй мировой войны японская армия не успела полностью обобщить и начать применять весь накопленный тактический опыт. Додумывать пришлось северным корейцам и китайцам в ходе разразившейся вскоре войны в Корее. Им также приходилось атаковать пехотой позиции технически превосходящего противника.

(Продолжение следует)

■ Французская пехота на учениях незадолго до начала Первой мировой войны. Война быстро заставит отказаться от таких построений

ЧЕЛОВЕК В КОЛОННЕ

Портреты на фоне бригады

(Окончание. Начало в № 9)

Олег КОЛОМИЕЦ

Как и прежде, сюда набирают только солдат по призыву. Многие из них не имеют соответствующих категорий для вождения машин с прицепами, для перевозки личного состава, а именно такие специалисты прежде всего нужны бригаде. Поэтому часть водителей отправляют на доподготовку, и этот процесс давно отлажен (занимает он полтора-два месяца). После этого они последовательно проходят в бригаде маршевую подготовку, так как обретение прочных навыков вождения в колонне является главным направлением обучения. Потом выполняют задачи в колоннах как полноценные специалисты. С прежними сроками службы солдат успевал проходить всю необходимую подготовку и еще достаточно прослужить, даже стать своего рода профессионалом. Теперь время его использования как подготовленного специалиста значительно снизится.

«Могу привести такой пример, — сказал мне подполковник Сергей Савельев. — Недавно к нам поступило первое пополнение водителей годичного срока призыва. Из них не более тридцати процентов тех, кто подходит нам по водительским категориям, а остальным нужно будет проходить доподготовку. Потом — последовательно осваивать движение в колонне. То есть полноценно служить таким специалистам

останется всего считанные месяцы...»

Для того чтобы увеличить «коэффициент полезного действия» призывных на год водителей, считает Сергей Анатольевич, нужны прежде всего соответствующие перемены в структуре РОСТО. Если там будут готовить нужное количество специалистов с необходимыми для войск водительскими категориями, исходя из конкретных потребностей армии, то не придется тратить время на их доподготовку уже в войсках. Кроме того, не мешало бы в РОСТО организовать для будущих призывников и освоение маршевой подготовки (то есть вождение в колонне), а не ограничиваться одиночным вождением.

А пока даже из вышеприведенного примера (с тридцатью процентами «годности») видно, что изменения в доармейской подготовке водителей становятся необходимыми уже сегодня, когда пошла первая волна призывных на год солдат.

Что же касается подготовки водителей непосредственно в бригаде, то тут с изменением срока службы по призыву ничего кардинально не меняется. Так, полковник Александр Груданов уверен: «Вполне можно качественно подготовить пришедшего служить на год водителя, если правильно организовать процесс и заниматься

только боевой подготовкой. В бригаде существует давно отработанная и налаженная методика качественной подготовки водителей, просто теперь нужно будет активизировать ее».

Из слов Александра Геннадьевича стало ясно, что интенсивность подготовки водителей теперь должна значительно возрасти, при этом последовательная «схема» останется той же, от простого к сложному: одиночная подготовка, затем слаживание в мелких колоннах (в составе отделения), потом — во взводных (примерно двадцатка машин). Все это, разумеется, выполняется как в дневных, так и в ночных условиях. Верх обучения — совершение многокилометрового суточного марша в составе ротной колонны, после чего водителя можно считать подготовленным к своему боевому предназначению.

Тем не менее вышеобозначенная проблема с малым сроком службы уже подготовленного специалиста все равно остается, и ее придется каким-то образом решать. Скорее всего, за счет совершенствования подготовки в РОСТО, повышения престижа контрактной службы. Если, конечно, такое когда-нибудь будет...

А мы перейдем сейчас к тем, кто непосредственно занят подготовкой личного состава, кто имеет большой

опыт в этом деле. Бывалых офицеров, в том числе и участников боевых действий, в бригаде немало. Мне довелось пообщаться с двумя офицерами, прошедшими Чечню (всего в соединении таких порядка двадцати).

Представлю моих собеседников. Об одном из них я уже упоминал в начале своего материала — это майор Роман Денисов, ныне начальник штаба автомобильного батальона. В Чечне провел почти четыре (!) года — с 1999-го по 2003-й. Попал туда еще лейтенантом, сразу после ускоренного (в связи со второй чеченской кампанией) выпуска из высшего военного автомобильного училища. Прошел на войне должности от командира автомобильного взвода до заместителя командира батальона по технической части. Постоянно выезжал с колоннами в техническом замыкании, исколесил всю Чечню. Впоследствии, уже будучи зампотехом, занимался организацией колонн. Награжден медалью «За воинскую доблесть» I и II степени.

Другой — капитан Джахангир Джораев, окончивший училище в 1996 году. Ныне — начальник командно-диспетчерского пункта (отвечает за контроль перемещения автоколонн). В Чечне был на командных должностях во время второй кампании. Награжден медалью «За воинскую доблесть» II степени.

«ПО ОБРЫВУ, ПО-НАД ПРОПАСТЬЮ...»

Начну с эпизода, рассказанного Романом Денисовым.

«Одно время ходили колоннами на Ботлих, — вспоминает он. — Горные серпантины, пропасти, обрывы, повороты под девяносто градусов. Трудный был путь, а опыта поначалу почти никакого. Тем более у солдат-срочников, прибывших служить в Чечню, как и положено, после полугодовой подготовки. Многие из них до того с горами были знакомы только понаслышке. Представьте, например, ситуацию: поворот под девяносто градусов, слева — пропасть, справа — скала. Если КамАЗ еще кое-как, потихоньку, вприценку впишется с первого раза, да и то не всегда, то каково тому водителю, который ведет КраЗ? Ему приходилось по три-четыре раза разворачиваться, чтобы пройти такой поворот.

Поначалу с раннего утра выезжали и только к ночи «доползали» до пункта назначения. Но потом, со временем, водители набрались опыта и на эту же дорогу стало уходить всего несколько часов. Те же водители-срочники стали,

как профессионалы. Теперь у нас даже на КраЗах научились проходить крутые горные повороты с первого раза. Каким образом? Ну, представьте, например, ту же ситуацию, что описана выше, когда приходилось по несколько раз разворачиваться. Только теперь КраЗ с ходу наезжает правым колесом прямо на скалу. Естественно, его сносит, «задок» разворачивает юзом. Так и вписывается в поворот. Потом газу — и пошел дальше!

Не все, конечно, становились такими мастерами, но многие. Что касается экстремальных ситуаций, то больше запомнились не подъемы, а спуски. Они гораздо сложнее и, скажем прямо, страшнее для водителя.

До сих пор не могу забыть один случай, я тогда шел в техзамыкании колонны. Двигались вниз, и тут, на спуске, у «наливника» КраЗа сгорели тормоза. Его понесло, скорость огромная. Спасло чудо.

Дорожники накануне делали ремонт трассы и нагребли внизу, у пропасти, где кончался спуск и начинался очередной поворот, целую насыпь из камней. КраЗ с отказавшими тормозами влетел на нее и остановился. Чудо в том, что ему до «улета» в пропасть при его бешеной скорости и массе не хватило буквально чуть-чуть. Машина остановилась на самом краю, одно колесо висело над пропастью. А там — огромный отвесный спуск. Облака внизу плывут...

Я подъехал. Боец уже выскочил из кабины. Весь белый, трясется. Как выяснилось потом, уже после рейса, он накануне подрегулировал тормозные колодки, причем не позвал никого из опытных, чтобы проверить, все ли правильно сделал. Ну и «отрегулировался», чуть на тот свет не улетел.

Оценил ситуацию. Нужно выбираться с подстраховкой, то есть при помощи другой машины. Подогнал сзади свой КамАЗ-«летучку», прицепил к нему тросом КраЗ. Суть в чем: оба водителя одновременно дают задний ход и потихоньку выезжают. Говорю водителю КраЗа, чтобы сел за руль. Он — ни в какую! «Я, — говорит, — ни за что не сяду, боюсь!» Натуральная истерика. В шоке, что с него возьмешь? Короче, сел за руль сам.

Потихоньку начали газовать назад вместе с КамАЗом, одновременно. Ощущения непередаваемые, колесо-то над пропастью... Страшно, но мысли сконцентрированы только на том, чтобы сделать все как надо. Одна ошибка — и ты в полете... Словом, выдернули мы этот КраЗ. Солдат и после этого за руль садиться отказался, сказал, что больше вообще не сядет никогда в жизни. Впереди было еще километров десять спуска. Я вел машину, он сидел рядом. Когда спус-

тились, боец наконец отошел. Говорю: «Ну теперь сядешь за руль или так уж и «нет» до конца жизни?» — «Нет, теперь сяду!» Дальше он сам поехал. Кстати, в дальнейшем хорошо проявил себя, классным стал водителем».

Тут же сидящий рядом капитан Джахангир Джораев вспомнил, что у него была практически такая же ситуация. Чечня, он — старший колонны. В крутой поворот на спуске не входит КамАЗ, глохнет. Задняя полуось зависает над пропастью. Водитель в шоке. Выскакивает из кабины, к машине — ни шагу: «Что хотите делайте, за руль не сяду!»

Стоит поперек горного поворота КамАЗ. Стоит и та часть колонны, что за ним. Уходит время. Ни уговоры, ни крики на водителя поначалу не действовали. Наконец боец немного отходит от испуга и все-таки садится за руль. Но только тогда, когда рядом с ним место в кабине занимает Джораев. То есть шокированному бойцу приходит мысль, что раз офицер сел рядом, значит, все в порядке, выберемся! Он не мог знать, что сам Джахангир в это время, не подавая виду, тоже сидел, как он прямо мне сказал, в «легком» ужасе. Чуть не то движение рулем, чуть не вовремя нажатая

педаль газа — и все, поминай, как звали! Внизу нескончаемая пропасть.

«Схема» была точно такой же, как и в случае с Денисовым. Машину зацепил тросом другой КамАЗ. Оба водителя вместе начали потихоньку газовать, сантиметр за сантиметром отводя машину от пропасти. Джораев, стараясь говорить спокойным голосом, руководил действиями водителя. Выехали...

Два офицера — и два почти одинаковых эпизода. Наверное, потому, что судьба у них общая — автомобильная...

Роман улыбнулся тепло, задумчиво: «Недавно мои бывшие бойцы, с которыми колесил по Чечне, позвонили. Приглашали в ресторан на встречу. Очень хотели увидеть. А у меня не получилось пойти, не смог вырваться из-за служебных дел. Но было очень хорошо на душе от того, что они нашли меня. Ведь все из разных городов... Помнят, хоть столько времени прошло. Вообще, такое не забывается. Все это просто невозможно забыть. Договорились о новой встрече...»

ОТ РАЗНОБОЯ — К ЕДИНСТВУ

Тема, которая наверняка будет интересна нашим читателям, — боевой опыт хождения колонн в Чечне. О чем он говорит, чему учит? Моим собеседникам было что рассказать об этом.

Роман Денисов прибыл в Чечню, когда там стояли три сборных автомобильных батальона от разных бригад, в том числе 22-й. Они выполняли задачи разрозненно, каждый в «своем» районе и независимо друг от друга. Это было довольно неэффективно (удалось осуществлять лишь сравнительно небольшие перевозки) и при этом очень опасно. Что там говорить, когда идет небольшая колонна, она уязвима со всех сторон. Поэтому подрывы, нападения на колонны, потери были не редкостью.

Капитан Джораев вспоминает, что колонны вообще ходили тогда с минимальным прикрытием: «Зенитные установки с расчетами из пехоты сопровождения были всем нашим охранением. Хотя оружие это, как известно, серьезное и наиболее подходящее для горных условий — большая дальность, мощь, убойная сила и т.д. Но при нападении на колонну даже машины с установленными на них «зушками» давали всем нам мало шансов уцелеть. Продвижение любой колонны должно быть соответствующим образом обеспечено, в том числе в инженерном отношении, должна

вестись разведка маршрута, прикрытия нужно из бронетехники и т.д. Но ничего этого не было, кто же будет тратить столько сил на маленькую колонну? Вся надежда на то, что как-нибудь прорвемся, доедем...»

Ситуация, как продолжали рассказывать офицеры, коренным образом изменилась в 2000 году, после взятия Грозного. Все три автомобильных батальона, до этого действовавших разрозненно, поставили вместе под Ханкалой. Теперь они стали выполнять задачи по перевозке сообща, в составе Центроподвоза. Формировались большие, точнее сказать, огромные колонны (например, от полутора сотен до трехсот машин). Им давали отличное охранение: через каждые несколько единиц техники — БТР сопровождения. Впереди колонны, метрах в двухстах, — сторожевое охранение на бронетехнике и инженерное обеспечение, позади — соответствующее мощное замыкание. Такую колонну обязательно сопровождали от начала до конца два боевых вертолета Ми-24.

«В результате была обеспечена максимально возможная в тех условиях безопасность, — продолжает майор

ной безопасности. Впереди двигались машины, загруженные вещами, продовольствием, то есть невзрывоопасными и негорючими грузами. За ними — машины с боеприпасами, а уже ближе к «хвосту» шли «наливники». Дело в том, что это самое страшное для колонны, если подрывают «наливник». По дороге растекается море огня, не проехать, начинают гореть другие машины. А сам бензовоз минут за десять превращается в спекшуюся «лепешку»... Поэтому «наливники» и ставили позади. В техническом замыкании шли эвакуаторы — это четыре-пять машин, предназначенных для эвакуации техники в случае, если нельзя на месте устранить неисправность.

Кстати, за те четыре года, что я провел в техзамыкании колонн и зампотехом, набрался такого опыта, который бы, наверное, не обрел больше нигде. Учишься быстро, когда неисправная машина стоит, колонна продолжает двигаться, а у тебя на принятие решения — минут пятнадцать: или устранять неполадку на месте, или цеплять машину тягачом. Пришел в Чечню неопытным лейтенантом, там научился характер неисправности даже на слух, по

Денисов. — «Духи», естественно, опасались открыто нападать на растянувшиеся на несколько километров колонны с мощным прикрытием. Конечно, частыми были обстрелы, но в основном мелкие.

Хорошо были налажены разведка маршрута, обеспечение прохождения наиболее опасных участков. Могли задержать в пути, например, пока инженеры полностью не обследуют тревожащий их участок. Тише едешь — дальше будешь. При этом сам порядок построения колонны тоже был продуман с учетом обеспечения максималь-

работе двигателя определять. Во всяком случае на КамАЗе и «Урале».

Была обеспечена не только безопасность колонн. Существенно усовершенствовалась и вообще вся схема доставки грузов войскам. Теперь полкам на передовой не нужно было отвлекаться на то, чтобы гнать на центральные базы небольшие колонны за продовольствием, боеприпасами и т.д., при этом подвергаться нападениям, подрывам, нести потери. Все военные грузы без исключения стали доставлять воюющим прямо на передовую колоннами Центроподвоза. Причем в

полном соответствии с потребностями. Для этого накануне из частей на базу автомобилистов прибывали офицеры, давали заявки на топливо, боеприпасы, продовольствие и т.д. Соответственно их заявкам и формировалась колонна. По мере прохождения маршрута она «растекалась» по разным точкам, где располагались войска (прикрытие при этом оставалось мощным), потом на обратном пути вновь «сливалась», как малые горные ручьи в мощный поток.

Таким образом, были обеспечены и относительная в условиях войны безопасность людей, техники и грузов, и централизованная доставка всего необходимого непосредственно на позиции воюющих частей без отвлечения с их стороны.

В то же время плохо бывало в тех случаях, когда требования безопасности не учитывались. Роман Денисов с горечью вспомнил, как на его глазах была разгромлена небольшая колонна МВД,двигающаяся без боевого охранения.

«Наша колонна — большая, охраняемая — шла позади, примерно в полутора километрах, — вспоминает офицер. — Так получилось, что события

которые были еще не повреждены, не могли ни столкнуться с дороги горящие автомобили, ни как-то объехать их. Началась паника, люди отстреливались. Бросались в разные стороны, но они были практически беззащитны на открытом месте. «Духи» их начали методично расстреливать из снайперских винтовок... Потом разом прекратили обстрел и растворились в лесу. А мы проезжали потом тот участок. Все горит, дым стелется, подбитые машины, тела... Страшная картина. Нам сказали, чтобы мы как можно быстрее проходили это место...»

Да, правильно говорят, что боевой опыт достается очень дорогой ценой, но поистине трагической — если он не учитывается...

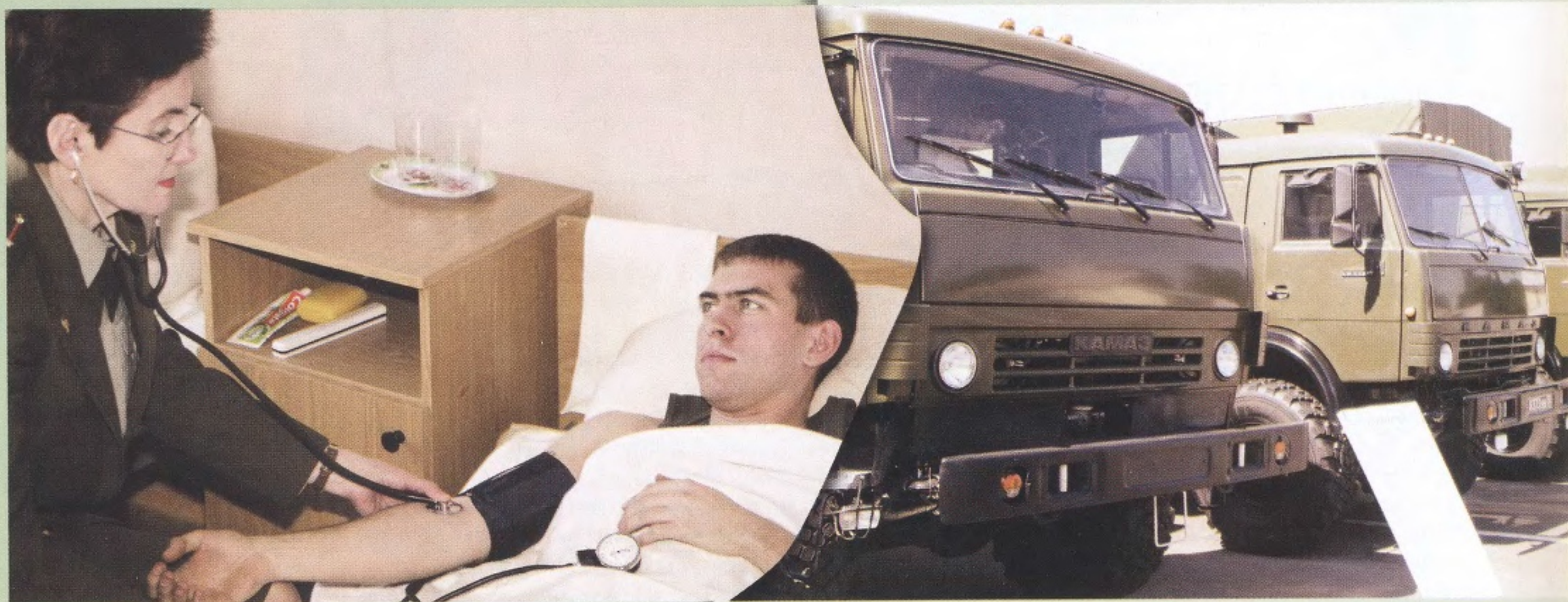
И еще один момент, который особо подчеркнули оба моих собеседника. В любой ситуации, будь то просто небольшой обстрел или организованное нападение, задача колонны — как можно быстрее проскочить опасный участок. Остановка — это смерть. Бой ведет пехота сопровождения (оба офицера просили передать всем им через наш журнал свой низкий поклон), да и то лишь те машины, которые ближе

встречали на разных точках в войсках. Для них мы, прибывшие с «большой земли», с нашими груженными всем необходимым КамАЗами и «Уралами» были самым светлым пятном в жизни!»

ПОСТСКРИПТУМ

Вот и все, что удалось сказать о 22-й автомобильной бригаде, ведь любой материал имеет свои рамки. Но в заключение хотелось бы пожелать соединению в конце концов получить почетное наименование своего предшественника, ведь оно его заслужило по праву. Это во-первых. А во-вторых, очень приятным было впечатление от общения с командованием бригады, офицерами.

Как упоминалось в начале материала, у большинства офицеров нет своего жилья, службой с личным составом они загружены с утра до ночи, «получка» офицерская явно не соответствует затратам их сил, несмотря на все разговоры о «значительном повышении». Все это так, кругом одни проблемы. Таков уж, наверное, испокон веков нелегкий крест русского офицера, ему

развивались на наших глазах, но наше боевое охранение не могло помочь, мы были еще слишком далеко. Тем более что все произошло быстро. Боевики выбрали для нападения открытый участок, по сторонам которого был лес. Оттуда, из «зеленки», они и ударили шквальным огнем. Причем с обеих сторон. Наверняка учли при этом, что дорога шла по узкой насыпи с крутыми склонами. То есть ни разойтись машинам, ни съехать вниз. Сначала они подожгли из гранатомета головную машину, потом среднюю, затем — замыкающую. Те машины,

к противнику. Остальные уходят с колонной, продолжая прикрывать ее дальше.

«Поэтому у солдата-водителя при себе только автомат и всего один боекомплект, то есть четыре магазина, — рассказывали офицеры. — Ему больше не надо — на крайний случай. Его дело — давить на газ, пусть кругом хоть земля на части разрывается, держать дистанцию и не отрываться от впереди идущей машины. Главное — груз должен быть доставлен по назначению, в этом весь смысл нашей службы. Кстати, видели бы вы, как нас

никогда не жилось легко. И при всем этом бригада остается одной из лучших, успешно осваивает новую технику, «гоняет» колоннами по разным точкам, в том числе «горячим». Наверное, таких офицеров не победить ничем и никогда, как это доказали и войны, и неблагоприятные к армии времена, которые приходилось переживать неоднократно. «Прорвемся!» — всякий раз говорят автомобилисты, вытирая пот со лба. Они не унывают. Они действительно знают, что прорвутся. Вот только не знают, когда, в какой «пятиметке» получат собственное жилье... ✖

ВОЕННАЯ МИССИЯ МАЙОРА СКРИПКИ

Михаил БОЛТУНОВ

(Продолжение. Начало в № 9)

На следующий день пришла радиogramма без подписи. Было ясно, она из разведуправления штаба фронта: «Установите связь с командиром отряда Воробьевым и помогите его радистам наладить прерванную радиосвязь. Выполнение донесите».

«Ну что ж, — усмехнулся Иван Скрипка, теперь у него такая жизнь: вчера принимал высокопоставленную иностранную делегацию, а сегодня его опустили с небес на землю, — пора поработать наладчиком радиосвязи».

Сразу чувствовалось: писал свой, знающий, что Стальной может отремонтировать любую радиостанцию. Однако Скрипка понимал и другое: он не может отправить своего радиста в отдаленный район, где находился партизанский отряд. Значит, надо ехать самому. Надо значит надо. Поехал в Модры Камень, забрал с собой радистку Валю Улитину, которая не сумела справиться с капризной радиостанцией, доставил ее в Банска-Бистрицу. За ночь Геннадий Стальной отремонтировал станцию. На этой же станции

доложил в Центр о том, что связь восстановлена. А Валю утром отправили обратно в отряд.

13 сентября на аэродром «Три дуба» прилетели недостающие члены команды Скрипки — радистка Мария Сущева и адъютант Степан Рындин. Со словацким летчиком, который доставил Сущеву и Рындина, Скрипка отправил пробы местного авиабензина для определения его октанового числа.

На аэродром прибывали новые группы партизан. Через горы в Словакию пробивались отряды под командованием В. Карасева, И. Шукаева, Л. Беренштейна, В. Квитинского.

В этот же день из Кива возвратилась делегация повстанческой армии. Она прибыла с рекомендациями создать в Словакии главный штаб партизанского движения. Случилось и еще одно событие — командующему повстанческой армией Яну Голиану было присвоено звание бригадный генерал. Маршал Конев поздравил Голиана и сообщил: «Сегодня наступающие части Красной Армии перешли

словацкую границу северо-восточнее Зборова и продолжают дальнейшее продвижение в глубь Словакии».

Майор Иван Скрипка в задумчивости смотрел на карту Словакии. Вроде надо радоваться телеграмме маршала, только где Зборов, а где Банска-Бистрица. В мирное время рукой подать, а сейчас попробуй пробейся, прогрызись через боевые порядки немцев, через их укрепления. Уж он-то знает, как фашисты умеют обороняться.

А тут еще сообщения, словно вдогонку тяжелым мыслям: пали населенные пункты Превидза и Дильни Кубин. Власовцы и горные стрелки дивизии «Эдельвейс» усердствуют.

15 сентября Скрипка получил радиogramму: «Попросите генерала Голиана подготовить место для приема просимых им самолетов. 16 или 17 сентября встречайте представителя дальней авиации полковника Чирскова с группой обеспечения воздушного моста. Предварительно подготовьте место для размещения группы

и приводной радиостанции». Подписал радиogramму начальник разведки фронта генерал Ленчик.

Задача ясна, надо действовать. Иван Иванович первым делом отправился к начальнику авиагруппы майору Йозефу Тоту. Не раскрывая суть телеграммы, попытался разобраться в проблеме. Спросил: «Если прилетят советские самолеты, где будете их принимать?»

— Смотря какие самолеты, — ответил Тот. — Если транспортные — на аэродроме «Три дуба». Есть еще площадка в Брезно, но она маловата. Для истребителей готовим новый полевой аэродром в районе села Звольна.

— Понятно. А приводную радиостанцию, ежели пришлют, где лучше разместить?

— Мы свою размещаем в Звольна. Наши самолеты заходят для посадки с юга на север, да и ваши так же делают. По-другому у нас и не получится.

— А можно приводную станцию разместить на этой же линии, но ближе к аэродрому?

— Можно. Но не ближе села Гайники. Оно южнее аэродрома. Дальше только поле, никаких строений нет.

Скрипка поблагодарил начальника авиагруппы. После разговора с ним кое-что прояснилось. Он дождался генерала Голиана и изложил суть проблемы.

— Группу полковника Чирскова разместим, а вот станцию предлагаю поставить в Звольна, где располагается и наша приводная, — предложил командующий повстанческой армией.

Пришлось не согласиться. Объяснил, что советские специалисты на фронте привыкли приводные станции размещать на самом ближайшем расстоянии от себя. Где воюем, там и станцию ставим.

Генерал улыбнулся:

— Фронтной закон и для нас закон. Могу предложить санаторий Слиач, это в километре от «Трех дубов».

— Простите, господин генерал, Слиач тоже не подойдет. Надо, чтобы станция была на линии захода самолетов для посадки.

— Тогда поехали на аэродром. На месте разберемся.

Майору Скрипке стало неловко. Сам командующий должен выбрать место для установки станции.

— Разрешите, я поеду один, господин генерал, — попросил Иван Иванович, — у вас и своих дел невпроворот.

Голиан согласился. И Скрипка выехал в село Гайники. Все посмотрел, оценил, прикинул. Понравился ему

костел с просторными постройками. Позвонил генералу — узнать насчет священника. Голиан дал самую лучшую характеристику святому отцу: «Это наш человек, активист подполья». Священник действительно все понял с полуслова.

— Вы единственная страна, помогающая нашему восставшему народу. Я молюсь за ваших солдат и наших повстанцев и сделаю все, что в моих силах, — сказал он.

Договорились, что отец разместит у себя группу Чирскова, там же поставят и приводную радиостанцию.

Вышло, что этот день у майора Скрипки получился полностью авиационным. Не успел он возвратиться в Банска-Бистрицу, как Голиан предложил выехать в село Звольна — посмотреть, как строится новый полевой аэродром. Поехали. Работы шли полным ходом. Солдаты заканчивали строительство взлетно-посадочной полосы.

Скрипка видел, как угрюм и задумчив генерал Голиан. Обстановка на фронте ухудшалась с каждым днем. Немцы господствовали в воздухе, бомбили города и села, передний край повстанцев, подъездные дороги.

Скрипка видел, как угрюм и задумчив генерал Голиан. Обстановка на фронте ухудшалась с каждым днем. Немцы господствовали в воздухе, бомбили города и села, передний край повстанцев, подъездные дороги.

Фашисты рвались в направлении села Мартин и в Турчанскую долину. «Как их остановить?» — думал Голиан, думал штаб. Майор Носко предложил нанести отвлекающий удар на другом участке фронта. Вскоре такой участок был определен — это восточная сторона, где действует тактическая группа полковника М. Ширица, которая защищает подходы к Гронской долине.

Узнав об этом, Скрипка подумал: «Значит, скоро выезд на этот участок». И не ошибся. Голиан во время очередной встречи предложил:

— Поедем, пан майор, в Терлгарт, посмотрим, как воюет «железный капитан» Ян Станек. Он в прошлом начальник разведки братиславского министерства обороны, перешедший на сторону восставших. Воюет умело и

смело. Вместе с партизанскими бригадами не пускает фашистов в Гронскую долину.

Пока ехали к Станеку, командующий рассказал Скрипке, что разведчики повстанческой армии перехватили распоряжение наместника Гитлера — Франка — расстреливать всякого, кто, нарушая словацкую границу, придет на помощь восставшим.

— Меня беспокоит противник, — сказал Голиан, — фашисты насаждают

■ Аэродром «Три дуба». Делегация Словацкого национального совета в готовности вылететь в Лондон для информации правительства Бенеша о восстании. 1944 г.

и с запада, и с севера, и с востока. Тихо пока только на юге, на венгерской границе. Но это тоже ненадолго. Правительство Венгрии выдвинуло против советского фронта две дивизии.

В Терлгарте командующий провел совещание командиров. На нем присутствовали капитан Ян Станек, начштаба сектора Ян Новак, командир партизанской бригады Эрнест Биелик, начальник штаба бригады Егорова А. Ржецкий, командиры подразделений Мартин Кучера и Ян Фртус. Говорили о наступлении.

В штаб генерал Голиан и майор Скрипка возвратились поздно ночью. Командующий сказал, что завтра прилетает англо-американская миссия, предложил приехать, познакомиться.

Стальной доставил несколько радиogramм. Две из них весьма важные: первая — о прилете на аэродром «Три дуба» чехословацкого истребительного полка и вторая — о прибытии ночью группы полковника Чирскова.

Судя по всему, на завтра опять складывался авиационный день.

Утром точно в расчетное время над аэродромом «Три дуба» появились американские самолеты: две «летающие крепости» «Либерейтор» и истребители «Мустанг». «Крепости» приземли-

лись, истребители остались в воздухе для прикрытия.

Жорж Крайгер, полковник из 15-го авиакорпуса, доставил американскую военную миссию в составе шести человек. Возглавлял миссию капитан Холт Грин.

Полковник Крайгер очень спешил, от приглашения отобедать отказался и быстро улетел.

Через три часа прилетел чехословацкий истребительный полк на советских самолетах Ла-5. Командовал полком штабной капитан Франтишек Файтл. Все они прежде пилотировали английские машины, потом переучивались в Москве, пересели на «Лавочкины».

Файтл доложил Скрипке о результатах анализа бензина. Октановое число было действительно занижено, и советское командование решило десантировать на «Три дуба» емкости с жидкостью, которая улучшит качество топлива.

Полк уже следующим утром нанес неожиданный удар по немецкому аэродрому в Печанах. Знатный был удар. Немцы, привыкшие безраздельно хозяйничать в воздухе, были в растерянности. Чехословацкие летчики уничтожили десять фашистских самолетов и столько же подбили. Немцы на время прекратили полеты, пытаясь выяснить, кем и откуда был нанесен удар.

А ночью на аэродроме зажгли партизанский сигнал — конверт из пяти костров. Первый же самолет приземлился удачно. Он развернулся и подъехал к

ной у него — автоматчики.

Скрипка представился:

— Офицер связи 1-го Украинского фронта майор Студенский.

— Полковник Чирсков. Мы еще вчера ночью прилетали, но сигналов не было. Улетели. А как же ты сюда добрался, майор?

— На словацком самолете от маршала Конева, — ответил Иван Иванович. — Держу связь со штабом фронта. Получил приказ о вашем прилете. Подобрал место для обустройства группы и развертывания приводной радиостанции. Что касается отсутствия сигналов вчера, то вечером немцы сильно бомбили аэродром. Воронки вокруг были. Едва успели восстановить полосу.

Ехать сразу в Банска-Бистрицу полковник Чирсков отказался, решил для начала осмотреть аэродром, определить объем работ. После рекогносцировки двинулись в столицу восстания. Скрипка представил подполковника дальней авиации Красной Армии генералу Голиану. После знакомства сразу перешли к делу. Чирсков попросил для проведения работ на аэродроме людей, фонари, несколько машин со щебнем, трамбовки и другой инвентарь.

Голиан обещал свою помощь.

Вечером того же дня после проведенных работ полковник Чирсков отправил на «большую землю» радиogramму о том, что аэродром «Три дуба» готов к приему самолетов. Не успел радист передать последнюю группу знаков, как над аэродромом зависла «рама» — самолет-разведчик, а следом за ним пришла девятка фашистских

шутку забеспокоились. Радиogramма ушла, и наши самолеты могли вскоре вылететь. Пришлось все начинать заново. Словаки понимали важность задачи, работали дружно, азартно и успели восстановить полосу.

Вскоре услышали гул родных самолетов. Радиостанция приняла условный сигнал: «Свой. Прошу разрешения на посадку».

Машины сажались, их быстро разгружали словацкие солдаты, и они без задержки вылетали обратно. Так начал действовать «воздушный мост». Теперь каждую ночь аэродром «Три дуба» принимал советские самолеты. В первую ночь военные грузы доставили 106 машин, в последующую неделю по 60 транспортных самолетов в темное время суток сажались и поднимались с ВПП аэродрома «Три дуба».

На восставшую территорию доставляли не только оружие, боеприпасы, медикаменты, продовольствие, но что особенно важно — партизанские, организаторские группы. Они были небольшими по составу, комплектовались опытными бойцами и командирами. Так, группа подполковника И. Диброва насчитывала 21 человека, В. Козлова — 12 военнослужащих, А. Садиленко — 39. Вскоре они пополнялись местными партизанами и разворачивались в отряды, а потом и в бригады. И становились серьезной силой в боях с фашистами.

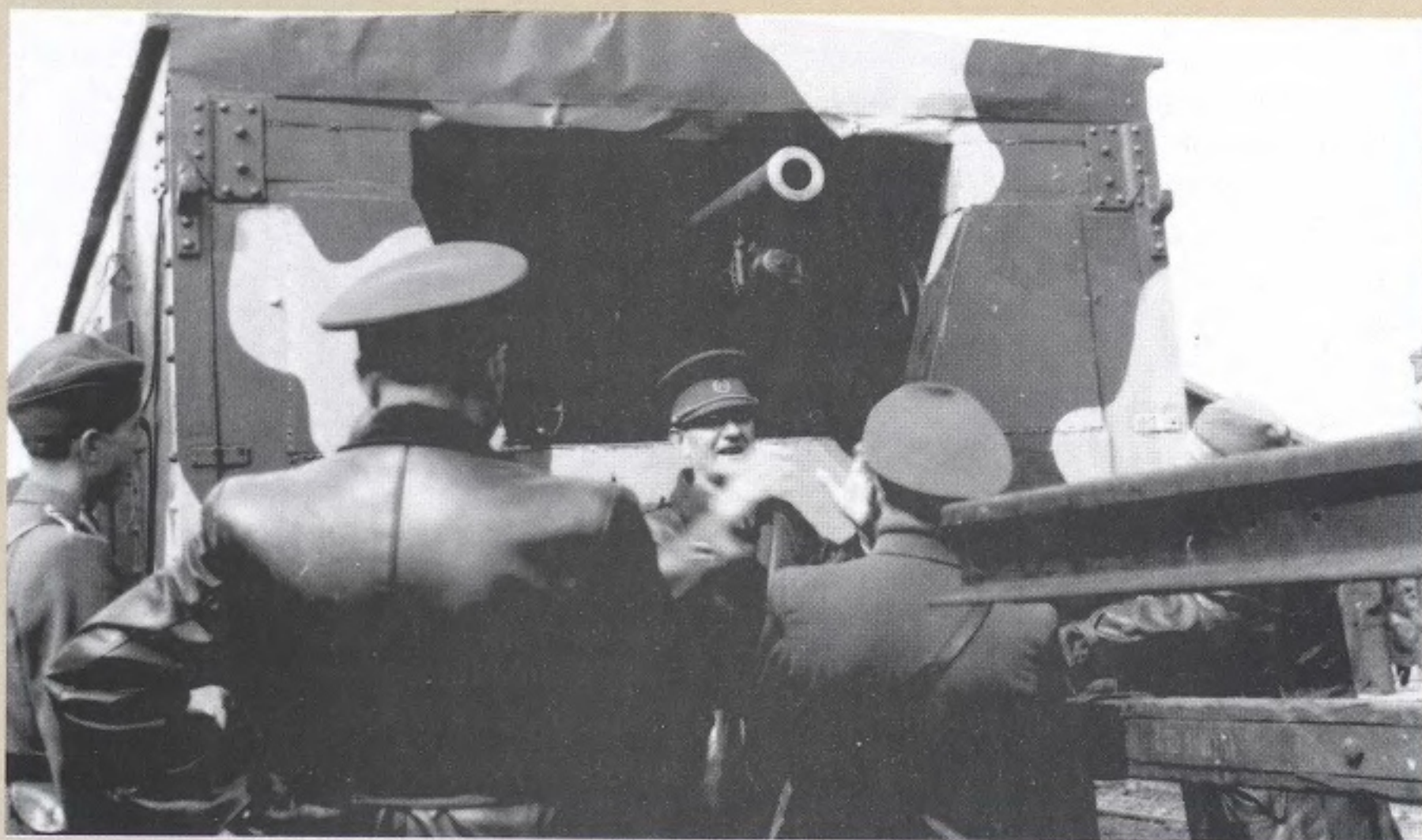
Обстановка была весьма противоречивой. С советско-германского фронта поступали радостные известия: наступающие части Красной Армии освободили первый населенный пункт на словацкой земле — назывался он Калинов. И в то же время пришло сообщение: немцы взяли город Мартин. Командование повстанческой армии было вынуждено отдать приказ об отводе своих войск из долины.

25 сентября 1944 года началась авиационная переброска в Словакию 2-й чехословацкой десантной бригады, которой руководил полковник Владимир Пршикрыл. Прежде десантники воевали в составе войск 38-й армии генерала Москаленко.

Аэродром работал с максимальным напряжением. Порой самолеты сажались с интервалом в одну минуту. Такая нагрузка стала серьезным испытанием для всей аэродромной службы.

Как правило, эти ночи майор Иван Скрипка проводил на аэродроме, рядом с полковником Чирсковым.

В последних числах сентября из Киева прилетели полковник Алексей Асманов, советник по партизанским действиям, а также представители

■ Полковник Якуб Глухи проверяет готовность к бою артиллерии словацкого бронепоезда «Гурбан»

аэродромному зданию, остановился. Летчик выключил мотор. Открылась дверь. В проеме стоял человек в кожанке, за спи-

бомбардировщиков. Они обильно посыпали взлетно-посадочную полосу бомбами. Чирсков и Скрипка не на

московского чехословацкого руководства: Ян Шверма, Рудольф Сланский и Марек Чулем.

Однако если в сентябре было тихо, ясно, как говорят пилоты, стояла летная погода, то в октябре зарядили дожди, туманы... «Воздушный мост» стал работать с перебоями.

Теперь каждый полет советского самолета в таких условиях был сродни подвигу.

Три года, проведенные на войне, в разведке, научили Ивана Ивановича умело анализировать обстановку. Вот и теперь его, как никогда, стало беспокоить южное, пока вроде бы спокойное направление. Опыт, а может, интуиция подсказывали ему, что немцы вскоре ударят с юга. Скрипка поделился своими соображениями с начштаба Коско, командующим Голианом. Оказалось, их мнения совпали. Южное направление вызывало тревогу и у руководства повстанческой армии. Туда были переброшены партизанские бригады Величко, Карасева, нацелены подразделения Козлова.

Вскоре их прогнозы оправдались. Фашисты ударили с юга. Готовые к бою партизанские бригады задержали продвижение гитлеровцев.

В начале октября на аэродром «Три дуба» прилетела делегация во главе с министром эмиграционного лондонского правительства Франтишеком Немцем. В ее состав входил и генерал дивизии Рудольф Виест. Он вступил в командование повстанческой армией и назначил генерала Голиана своим заместителем.

А обстановка тем временем продолжала ухудшаться. По данным разведки, с 18 октября, чтобы задушить словацкое восстание, гитлеровцы усилили свою группировку. Теперь против повстанцев воевали не четыре, а девять фашистских дивизий.

24 октября передовые части карателей прорвались к Звольна. А это означало, что они уже находились в пяти километрах от аэродрома «Три дуба» и в трех от базы полковника Чирского в селе Гайники.

Ночью на самолете А. Васильева были увезены во Львов золотой запас восстания и наиболее ценные, секретные документы. Последним самолетом на «большую землю» улетел и полковник Чирсков со своими людьми.

Скрипка за эти недели сдружился с Чирсковым. Попрощались они тепло. Полковник обещал передать жене Полине, которая уже перебралась в Москву, маленькую посылочку. Главное, что теперь она из первых рук узнает, что муж ее жив и здоров.

■ Капитан Ян Станек, бывший начальник разведки министерства обороны Словакии, стойко защищавший восточный сектор восстания

Самолеты улетели, а майор Скрипка остался с повстанцами. Завершилась работа «воздушного моста». За неполных два месяца советские пилоты перевезли 1.750 бойцов и командиров из 2-й чехословацкой десантной бригады, более 1.200 партизан, около 400 тонн оружия и боеприпасов, 350 тонн авиационного бензина, правительственную делегацию из Лондона.

С территории восстания на «большую землю» были вывезены 800 раненых военнослужащих, 250 словацких летчиков для переподготовки их в Советском Союзе, правительственные делегации, семьи руководящего состава СНС.

Утром 25 октября руководители американской военной миссии капитан Джеймс Грин и английской — майор Джон Сегмер просили Скрипку отправить в Союз летчиков, сбитых над территорией Словакии. Но, увы, такой возможности уже не было. «Воздушный мост» был закрыт.

Через тридцать лет американский военный атташе расскажет Ивану Скрипке, что в военных учебных заведениях США изучают операцию «Воздушный мост» как образцовую. Что ж, хоть там, в Штатах, не забыт наш боевой опыт.

«ЭТО НАШИ ГОРЫ, ОНИ ПОМОГУТ НАМ...»

Фронт приближался к столице восстания. Пали Брезно и Звольна. Фашистские дивизии наступали на Банска-Бистрицу. В штабе повстанчес-

кой армии слышалась артиллерийская канонада.

27 октября гитлеровская авиация нанесла удар по городу, по колоннам беженцев, которые пытались покинуть Банска-Бистрицу. Было много жертв. По обочинам дорог, ведущих в горы, стояли разбитые, сожженные автомашины, повозки, телеги.

За день до фашистского налета Кароль Шмидке и полковник Алексей Асмолов вместе с радиоузелом штаба партизанских отрядов покинули Банска-Бистрицу и вышли в район населенного пункта Турецка, а потом и дальше — в Низкие Татры, в село Доновалы.

На всем пути повстанцев преследовали фашистские стервятники. Они постоянно бомбили, обстреливали партизанские колонны, беженцев.

В некоторых местах немецкие самолеты встречал огонь зенитных средств словаков. Но этих установок было слишком мало, чтобы бороться с десятками самолетов.

Повстанцам помогали родные горы. Узкая долина среди скал, склоны, поросшие лесом, хорошо скрывали людей и не давали фашистам вести прицельную бомбежку.

Однако война есть война. И на войне бывает всякое. На некоторых участках фронта под ударами фашистской авиации началась паника. Повстанческие войска бежали. Командир 1-й тактической группы полковник Тлах со своим штабом вышел в село Турецка. Доложил, что немцы прорвали фронт, его бойцы разбегаются. Как запишет в своем дневнике начальник оперативного отдела капитан Кухта: «По поведению Тлаха было видно, что он раздумывает, куда бежать дальше».

Руководство главного штаба партизанских отрядов в это время находилось в бригаде А. Егорова. Комбриг Егоров предложил полковнику Асмолову уходить через Доновалы на его запасную базу на высоте 1.648.

По дороге та же картина. Отходящие группы повстанцев, повозки, медленно ползущие в горы, несколько танков. А немцы тем временем все бомбят и бомбят.

С приходом Асмолова и его людей в Доновалах собралось все руководство повстанческой армии и партизанских отрядов. На совместном совещании генералов Виеста, Голиана, а также Шмидке, Швермы, Гусака, Сланского, Асмолова было принято решение: рано утром 28 октября все подразделения уходят в горы.

В 6 часов утра, еще затемно, армейские колонны двинулись в направле-

■ На квартире генерала Яна Голиана за картой восстания: слева направо — майор Иван Скрипка, подполковник Микулаш Ферьенчик, генерал Ян Голиан, майор Йозеф Тот

нии Козий Хребет — Хабенец — Дюмбиер. В этих колоннах — танкисты, американские и английские летчики, сбитые в боях под Словакией, офицеры и солдаты повстанческой армии.

В долинах лежал туман, постоянно шел дождь со снегом. Погода была мерзкая, но она спасала от немецких бомбежек.

Вместе с отступающими шел и майор Скрипка-Студенский со своей группой. Накануне ему пришлось уничтожить громоздкую радиостанцию А-1Д, с собой взять стрелковое оружие, продовольствие, боеприпасы, а также агентурную станцию «Север». Как и положено офицеру связи, Скрипка находился в одной колонне с генералом Голианом. Перед входом в лес они остановились вместе. Мимо них шли усталые, с опущенными головами повстанцы. Голиан молчал, а потом тихо заговорил:

— Командующий решил идти к вершине Низких Татр, потом свернуть на юг и через реку Грон двигаться на Поляну.

Скрипка, услышав такое, удивленно посмотрел на генерала.

— Он почему-то считает, что там находятся основные силы армии. Какие силы? — Голиан пожал плечами и тяжело вздохнул: — Я не согласен с ним. На этом пути нас на каждом шагу ждут немцы, все переправы охраняются. Но я его заместитель и должен идти за ним.

Генерал умолк, глядя куда-то вниз, в горный распад. Скрипка знал обстановку на фронте, где находятся части и подразделения повстанцев, и понимал Голиана. Действительно, какие силы имеет в виду Виест? Было

ясно, он ведет своих людей на гибель. Неужели не понимает? Странно...

Голиан прервал молчание:

— Я хочу попросить вас, пан майор, переговорить с командующим. Может, удастся его переубедить.

— Хорошо, — согласился Скрипка. — Когда будет привал?

— Остановимся, видимо, за Козьим Хребтом, — ответил генерал.

Майор Скрипка знал, что командующий находится в голове колонны. Охрана несла его на носилках. Сам он ходить не мог, страдал радикулитом. Скрипка размышлял, когда удобнее подойти к Виесту. Важно было и другое: как сказать, что генерал ошибается? Сделать это непросто. Он всего лишь майор. Офицер связи станет советовать, как поступать командующему? Да кто он, собственно, такой?..

Пока Скрипка обдумывал, взвешивал, откуда-то из южной части леса застрочили автоматы. Немцы, по звуку определил он. Наши не отвечали. После короткой паузы снова обстрел. На этот раз фашистам ответили бойцы из десантной бригады, прикрывающие отход штаба.

Дул холодный ветер с дождем и снегом, пробирал до костей. Скрипка вспомнил свою теплую фронтную шинель. Как жаль, что он не взял ее с собой, натянул кожаное словацкое офицерское пальто и теперь сильно мерз.

«Надо подойти к порученцу командующего Михаилу Пьетро», — решил Скрипка. С Михаилом они знакомы давно. Иван Иванович еще действовал на Украине, и улетаая с аэродрома соединения Сабурова в Москву, встретился случайно с командой Яна

Налепко, в состав которой входил и Пьетро. Михаил — врач, служил в чехословацкой миссии в Москве и был назначен порученцем к Виесту, когда тот через Советский Союз прибыл в Словакию.

К горе Козий Хребет идет одна горная тропа. Слева — отвесная скала, справа — пропасть. Под ногами хлябь, скользота. Радистка Тамара Суцьева вела под уздцы лошадь. На тропе лошадь поехала вниз, едва не утащив с собой радистку. Суцьева была опытным специалистом и поэтому станцию несла на себе, через плечо. Перегрузила сумку на лошадь, и группа Скрипки лишилась бы связи.

Повстанцы карабкались в горы, а позади гремели и гремели выстрелы. Фашистские каратели вместе с влазовцами шли по пятам. С огромным трудом штабная колонна поднялась на гору Козий Хребет. Объявили привал. Бойцы, сбившись в группы, измотанные, замерзшие, отдыхали. В отдалении Скрипка видел генерала Голиана, дальше со своими штабными офицерами сидел майор Носко.

Он так и не решил — стоит ли идти ему к командующему. Как воспримет Виест вмешательство советского майора?

«И все-таки следует идти, — решил Иван Иванович, — как бы это ни воспринял командующий. Он тоже командир, ответственен за жизни своих людей и потому хочет знать, куда идут, что их ждет».

Майор решительно шагнул к генералу Виесту. Командующий был бледен и мрачен. Но увидев Скрипку, пригласил его перекусить, поддержать силы. Они съели по кусочку шоколада, и Иван Иванович начал разговор, спросил о дальнейших действиях.

— Вопрос своевременный, — сказал Виест, — я и сам собирался с вами поговорить, да все недосуг.

Генерал замолчал, словно собираясь с силами, потом заговорил медленно и глухо:

— Сейчас мы идем к неминуемой смерти. Фашисты будут преследовать нас по пятам, пока не уничтожат. Есть данные, что немцы сосредоточили большие силы именно здесь, в Низких Татрах. А наши основные силы — в Поляне. Выходит, все мои войска там, а я с небольшими подразделениями — здесь.

— Прошу простить меня, господин генерал, — ответил Скрипка, — но вы же понимаете, что ждет вас на пути в Поляну.

Виест утвердительно покачал головой: мол, понимаю. Однако майора не удовлетворило это, он решил подкре-

пить свой вопрос вескими, как казалось ему, аргументами.

— Все села, городки вдоль реки захвачены немцами. Естественно, особенно тщательно ими охраняются мосты, переправы. Это же ловушка. Почему они сейчас палят сзади, не прекращая? Чтобы выдавить нас из Низких Татр. Здесь, в горах, зимой им воевать с нами тяжело, опасно. Значит, повстанческим частям надо объединиться с партизанами в единую силу и воевать.

— Какие партизаны? Единого управления нет, есть только разрозненные отдельные отряды. Я ни с кем не могу связаться по радио, даже с командиром десантников, которые прикрывают наш отход.

Политическое руководство в Доновалах приняло решение уходить в подполье. Но нам уходить некуда, я же не могу бросить войска. Не могу оставаться с одним батальоном, если рядом меня ожидают полки.

Скрипка еще раз попытался разубедить Виеста. Но тот лишь коротко бросил:

— Нет. Не имею права. Решение принято.

Через много лет после войны Иван Иванович Скрипка скажет, вспоминая тот разговор: «Я продолжал убеждать бывшего сановитого генерала, а сейчас побледневшего, согбенного человека. Может, на его роковое решение повлияли суровые условия гор и болезнь? Потому я и не хотел соглашаться. Пытался сказать, что он единственный генерал в Словакии, имеющий богатый опыт командования, что он перенес много трудностей и ему верят словаки. Его авторитет как командующего не пошатнется, если он останется здесь и будет вместе с партизанами руководить борьбой с фашистами».

Но слова Скрипки не встречали понимания. Генерал твердил, что он сам отдал приказ всем идти в Поляну и теперь этот приказ должен быть выполнен.

Вскоре майор понял, что переубедить генерала Виеста не удастся. Осталось одно.

— Господин генерал, — сказал Скрипка, — мне тяжело об этом говорить, но прошу мою миссию считать завершенной. Желаю вам удачи. Доложу об обстановке маршалу Коневу. Сам хочу выйти в западные районы Словакии и продолжить борьбу.

Майор возвратился к своей группе и рассказал о беседе с командующим.

Так разошлись их пути. Каждый пошел навстречу своей судьбе.

РОКОВАЯ ОШИБКА ГЕНЕРАЛА ВИЕСТА

Генералы Виест и Голиан попадут в лапы фашистов и будут казнены в застенках гестапо в начале 1945 года. Иван Скрипка уже в послевоенные годы станет по крупицам собирать материалы о гибели этих двух словацких патриотов.

Рудольф Виест по национальности словак, проходил службу в чехословацкой армии. Командовал дивизией, которая дислоцировалась в Словакии. В 1939 году выехал за границу. В Лондоне от имени эмиграционного правительства был назначен заместителем министра обороны.

В 1944 году с делегацией лондонского чехословацкого правительства посещает Москву. С началом восстания принимает на себя командование повстанческой армией в Словакии.

Ян Голиан — словак. 24 августа 1944 года поднял восстание, повернул оружие против фашистов и их прислужников из братиславского правительства. До прихода Виеста возглавлял повстанческую армию. Был повышен в звании до бригадного генерала.

Их обоих выследили эсэсовцы. Они окружили сеновал, где уставшие генералы отдыхали, и приказали сдаться. Виеста и Голиана доставили сначала в Банска-Бистрицу, потом в Братиславу.

3 ноября генерал СС Геффле доложил в Берлин: «Живыми пленены военные руководители повстанческого движения генералы Виест и Голиан. Начальник генштаба полковник Пекник был убит. (До восстания Пекник был начальником генштаба словацкой армии).

Противник понес потери, около 150 убитых и 2.000 пленных».

Душитель чешского и словацкого народов Франк пытался использовать пленение Виеста и Голиана в пропагандистских целях. Он предлагал считать Виеста чрезвычайно важным политическим пленным, который располагает секретными сведениями о мероприятиях в лагере противника как в Лондоне, так и в Москве. Франк просил допрос генералов поручить лично ему.

Рейхсфюрер СС Гиммлер не посчи-

■ Начальник ГШ ПД майор И. Скрипка и командующий партизанским движением Чехословакии полковник А. Асмолов. 1944 г.

тался с мнением Франка. Он приказал пренебречь международными конвенциями и допрашивать Виеста и Голиана как партизан.

Как погибли словацкие антифашисты, доподлинно неизвестно и доныне. Ивана Ивановича Скрипку многие годы волновал один вопрос: почему опытный генерал Рудольф Виест сделал этот трагический шаг? Погубил себя, своих заместителей, полторы сотни офицеров и солдат, тысячи пленных угодили в фашистские концлагеря.

О том, что Виест ведет своих людей на гибель, понимал Голиан, сам Скрипка, даже разведчики его группы, хотя никто из них не обладал таким военным опытом и знаниями, как командующий повстанческой армией.

Со временем он пришел к выводу: два обстоятельства сыграли роковую роль — болезнь генерала и оглядка на лондонское эмигрантское правительство. Что сказал бы Бенеш, останься Виест в горах вместе с партизанским руководством? Именно поэтому командующий отвергал предложения о переходе армии к партизанской тактике борьбы. Но ведь в истории Второй мировой войны тысячи примеров, когда армейские подразделения, части, исходя из обстановки,

переходили к партизанским методам. Главное — нанести наибольший урон врагу.

Сам же майор Иван Скрипка действовал именно так. Простившись с генералами и их штабом на Козьем Хребте, группа советских разведчиков двинулась в направлении горы Прашива.

На первом же привале он послал радиограмму в штаб фронта, рассказал о беседе с генералом Виестом и просил определить его группе дальнейшую боевую задачу, не исключал выхода в западные районы страны.

Далее группа пошла на северо-восток. По дороге встречались бойцы повстанческой армии. Разные бойцы. Одни хотели продолжать борьбу и искали воинские части или партизанские отряды, другие, бросив оружие, спасали свою шкуру в горах. Видели советские разведчики и паникеров, и тех, кто, услышав русскую речь, убегал подальше. Однако были и те, кто про-

пан Рындин доложил: видит большую группу людей. Кто такие? Оказалось, это колонна, в составе которой были руководство восстания, партизаны и часть 2-й чехословацкой десантной бригады.

Скрипка встретился с полковником Асмоловым, а также со Сланским, Швермой, рассказал о решении генерала Виеста.

Асмолов подтвердил слова Скрипки, вспомнив, что генерал еще раньше отстаивал мнение: словаки, мол, не умеют воевать партизанскими методами.

— Что поделаешь, — добавил Асмолов, — он выполняет решение своего лондонского правительства.

— Пусть идет, — сказал Шверма, — мы не сможем его повернуть назад. Это его выбор. Нам надо думать о своих делах.

И тут же Асмолов объяснил, что за дела. Оказалось, руководство восстания решило уйти на нелегальную работу, а его назначили командующим

начальником главного штаба партизанского движения Словакии».

Теперь все было ясно. Предстояло незамедлительно сформировать штаб и начать работу. Дел неспорно. Нужно срочно подготовить указания подразделениям десантной бригады. Асмолов уже готовил шифровки в штабы 4-го Украинского фронта и Украинского партизанского движения. Сам Скрипка должен был выслать радиограмму в штаб 1-го Украинского фронта.

Переночевали в лагере на горе Прашива, а с рассветом двинулись на северо-восток. Фашисты сопровождали партизан на всем пути. А путь оказался еще сложнее, чем в прежние дни. Сказывались накопившаяся усталость, недоедание. Не переставая шли дожди со снегом. На склонах и обрывах было скользко и опасно. Только утром 1 ноября после двадцатикилометрового изматывающего перехода партизаны спустились по крутому склону с горы с отметкой 1.725 в относительно тихую долину под названием Клячанска.

Утром майора Скрипку представили как начальника штаба. Начальником оперативного отдела был капитан Марцелли. С ним Скрипка разработал план разведки района — сел Дубрава, Клячаны. Предусмотрели пути выдвижения фашистов из Важской долины в сторону нынешнего партизанского лагеря.

Караульную службу несли десантники из бригады Пршикрыла.

Также Скрипка и Марцелли определили места постов и секретов, выделили дежурные подразделения на случай внезапного появления противника.

По данным разведки, практически во всех селах расположились достаточно сильные гарнизоны фашистов. Разведчикам работало трудно, но местные жители как могли помогали партизанам.

Иван Скрипка, несмотря на занятость, не забывал своих радистов, часто заходил к ним, справлялся о делах. Как-то радист Каплин молча протянул начальнику штаба наушники. По братиславскому радио шла передача о фашистском параде в Банска-Бистрице. Записав его на пленку, немцы крутили репортаж повторно.

На площади, по которой недавно ходили повстанцы, теперь маршировали солдаты вермахта, празднуя победу. Зачитали обращение командующего фашистскими войсками в Словакии генерала СС Геффле, затем шло вручение наград. Выступил профашистский президент Тисо. Он призывал бороться с большевизмом, провозгласил здравицу в честь Гитлера и великой Германии.

■ Группа ГШ ПД: капитан Г. Стальной, старший радист лейтенант С. Шанев, радисты М. Сущева, В. Каплин, адъютант С. Рындин, кассир Асмолова, В. Кантек, разведчик Н. Шумилов

сил принять их в группу Скрипки.

Майор к тому времени был опытным разведчиком, потому действовал осторожно, с оглядкой. Брали не всякого. И тем не менее скоро их группа уже насчитывала десяток словаков.

А переход оказался тяжелым. Зимние горы — суровые горы. Чтобы выжить и уцелеть, Скрипка вел своих подчиненных не по хоженным дорогам, а по тропинкам, по бездорожью, по откосам Низких Татр.

Однажды на привале часовой Сте-

партизанским движением Словакии.

Полковник Асмолов пристально посмотрел Скрипке в глаза.

— Нам нужен человек, который возглавит главный штаб партизанского движения. Эта должность предлагается вам.

Предложение Асмолова стало полной неожиданностью для Скрипки. Он сказал, что сообщит обо всем маршалу Коневу и будет ждать от него приказа. Вскоре приказ пришел: «Даю согласие на назначение майора Студенского

Выйдя от радистов, Иван Скрипка встретился с Асмоловым, Швермой, Сланским, рассказал им о передаче братиславского радио. Решение было единогласным: главному штабу следует усилить антифашистскую пропаганду, больше выпускать листовок, рассказывающих о боевых успехах Красной Армии, шире распространять их в населенных пунктах.

8 ноября партизан ждал новый удар. Начальник радиоузла главного штаба Игорь Аколовский вручил майору Скрипке текст одной из передач братиславской радиостанции. В нем говорилось о пленении в Низких Татрах генералов Виеста и Голиана. Оказывается, их арестовали еще пять дней назад, но сообщили только теперь.

Майор Иван Скрипка читал текст и не верил своим глазам: как же так, военные руководители восстания, заслуженные генералы и сдались в плен к фашистам?... Снова нахлынули сомнения: мог ли он переубедить Виеста? Может, доказывал плохо, говорил неубедительно. Скрипка вновь и вновь вспоминал тот разговор на Козьем Хребте.

Видя, как переживает майор, полковник Асмолов обнял начальника штаба за плечи:

— Ты, Ваня, не мучайся, они сами выбрали свой путь.

Да, это так. Но есть одно обстоятельство, о котором нельзя не сказать.

■ Руководители Словацкого восстания: слева направо — полковник Алексей Асмолов, Ян Шверма, Йозеф Льетавец и Рудольф Сланский

Впоследствии, анализируя ход партизанской войны в Словакии, Иван Иванович Скрипка пришел к выводу: арест

генералов Виеста и Голиана, всех, кто был с ними, возможно, спас жизни оставшимся в горах повстанцам.

Ведь фашисты захватили столицу восстания Банска-Бистрицу, провели там парад, наконец, пленили военных руководителей повстанцев. Иными словами, цель была достигнута. Об этом генерал СС Геффле поспешил доложить в Берлин. А коли так, все боевые дивизии, находившиеся в Словакии, были отозваны на фронт. Им теперь предстояло сдерживать все нарастающий натиск Красной Армии.

Немцы продолжали местные карательные операции, но на тотальную борьбу против партизан сил не хватало. Кто знает, может, это и спасло голодных, плохо одетых, обутом, слабо вооруженных, уставших людей, укрывшихся в заснеженных горах.

Разумеется, не будь всего этого — парада в Банска-Бистрице, пленения словацких генералов, фашистам все равно пришлось бы снять эти дивизии и бросить их навстречу наступающим советским частям. Но в данном случае и то и другое совпало. И разделить эти события невозможно. Да и не нужно.

(Продолжение следует)

STURM

Военно-туристическое снаряжение

www.sturm-moskva.com

e-mail: sturm-moskva@mail.ru

Одежда, обувь, снаряжение из Германии со складов НАТО

129164 г. Москва, Проспект Мира 124, корпус 12
(недалеко от м. ВДНХ и м. «Алексеевская»)
тел.: (495) 686-14-48.

Часы работы: пн-пт с 10.00 до 20.00,
сб с 10.00 до 18.00, вс — выходной

ГАЛЕРЕЯ

Автоматические винтовки «Галил» (по отечественной терминологии такое оружие называется автоматом) различных версий разработаны в Израиле коллективом конструкторов под руководством инженера Исроэла Галили (Антон Блашников), выходца из России. Осуществлял контроль за работой над оружием заместитель генерального директора государственного предприятия Israel Military Industries (IMI) в Тель-Авиве.

Разработка этого оружия была обусловлена тем, что в войне 1967 года Израиль с Египтом, Сирией и Иорданией винтовки FN FAL, в большом числе находившиеся на вооружении израильской армии, в условиях боевых действий в пустыне оказались ненадежными. Захваченные израильтянами в это же время в качестве трофея автоматы советского производства АК47, АКМ и АКМС были безотказными в любых условиях.

Работы проводились по весьма жесткому тактико-техническому заданию (ТТЗ), составленному израильским высшим военным руководством. В ТТЗ был оговорен калибр оружия — 5,56 мм и предусматривалось создание ряда его модификаций. При этом не скрывалось, что за основу создаваемых образцов взят советский автомат АК.

Скопировав практически полностью советскую систему АК, израильские разработчики к этому процессу подошли творчески, внося в нее ряд удачных улучшений, к которым следует отнести использование более точного диоптрического прицела и легких сошек, одновременно являющихся приспособлением для резки проволоки. Кроме этого, был модернизирован неудобный при переключении предохранитель-переводчик автомата АК (кстати, являющийся конструктивным аналогом предохранителя самозарядного карабина «Ремингтон» обр. 1908 года). Модернизация свелась к применению дублирующего устройства на левой стороне затворной коробки в виде флажка, который удобно переключать большим пальцем. К подобному решению позже пришли и ковровские конструкторы, использовав для перемещения щитка переводчика-предохранителя на автоматах АЕК-971 поворотный флажок.

В конечном итоге фирма IMI выпустила систему «Галил», состоящую из базовой модели, в трех исполнениях: SAR, AR и ARM.

Модель SAR — это основная модель с длиной ствола 322 мм, используемая в качестве автомата. AR имеет удлиненный до 533 мм ствол и представляет собой автоматическую винтовку. У ARM длина ствола с дульным насадком 460 мм, и эта модель снабжена складными сошками и транспортировочной рукояткой.

Модель «Галил ARM» может применяться в качестве автоматической винтовки и ручного пулемета.

После большого объема заводских испытаний винтовка в марте 1969 года была представлена на войсковые испытания. Официально эта винтовка, названная по имени руководителя разработки «Галил», была поставлена на вооружение израильских вооруженных формирований в 1973 году вместо различных версий винтовки FN FAL.

С начала 1980-х годов для экспорта производилось оружие «Галил AR» под 7,62-мм патрон стандарта НАТО.

С принятием на вооружение системы «Галил» пистолеты-пулеметы, выпускаемые в большом количестве для собственных нужд и на экспорт, продолжали находиться на вооружении всех родов войск.

По типу автоматики оружие

«Галил» относится к газоотводному типу с отводом газов через боковое отверстие в канале ствола, с жестким запирающим канал ствола поворотным затвором.

Ударно-спусковой механизм куркового типа с «перехватом» курка допускает стрельбу одиночным огнем и очередями.

В отличие от подавляющего большинства аналогов, при производстве которых используется технология изготовления затворной коробки из стального листа методами холодной штамповки и сварки, разработчики системы «Галил» предпочли эту же деталь изготавливать обработкой стальной поковки на металлорежущих станках.

Питание патронами осуществляется из секторных магазинов на 35 и 50 патронов с двухрядным расположением патронов и двухрядным их выходом. Корпуса магазинов выполнены из стального листа.

Прицельные приспособления состоят из мушки с предохранительным кольцом и перекидного диоптрического прицела, устанавливаемого для стрельбы на дистанциях 300 и 500 метров. Конструкция этих узлов заимствована у финского автомата «Вальмет 62».

Для повышения меткости стрельбы на оружие может быть установлен оптический прицел.

5,56-мм автоматическая винтовка

«Галил ARM»

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Калибр, мм	5,56
Начальная скорость пули, м/с	980
Тип патрона	5,56x45
Вес винтовки с магазином на 35 патронов без патронов, кг	4,8
Длина винтовки с откинутым плечевым упором, мм	980
Длина винтовки со сложенным плечевым упором, мм	750
Длина ствола, мм	460
Длина линии прицеливания, мм	475
Темп стрельбы, выстр./мин.	650
Емкость магазина, патр.	35 и 50
Вес снаряженного магазина на 35 патронов, кг	0,69
Вес пустого магазина на 35 патронов, кг	0,3
Вес снаряженного магазина на 50 патронов, кг	1,00
Вес пустого магазина на 50 патронов, кг	0,44

Предохранитель-переводчик режима огня и рукоятка заряжания могут приводиться в действие с обеих сторон, что удобно для стрелков-левшей.

Принцип конструкции складного, укладываемого на правую сторону оружия, плечевого упора заимствован у винтовки FN FAL. Плечевой упор может быть заменен на пластмассовый или деревянный приклад.

Питание патронами осуществляется из секторных магазинов емкостью на 35 и 50 патронов с двухрядным расположением патронов и двухрядным их выходом.

Из этого оружия возможна стрельба кумулятивными, дымовыми и осветительными винтовочными гранатами с помощью вышибных патронов, снаряжаемых в специальный 12-зарядный магазин.

Система «Галил», кроме Израиля, принята на вооружение и в ЮАР.

Олег КОЛОМИЕЦ

РАБОТА НЕ ДЛЯ СЛАБОНЕРВНЫХ

На войне у каждого свое предназначение и свое место. Но без саперов не обходятся нигде. И в обороне, и в наступлении, и на марше, и в разведке они идут первыми. «Чистят» маршрут или, наоборот, минируют подходы перед позициями, выполняют множество других задач по боевому обеспечению.

Смерть постоянно смотрит в глаза саперу, а ему нужно хладнокровно, без малейшей суеты делать свое дело. И при этом не ошибиться. Легко сказать...

Офицер Сергей Богатый не ошибся ни разу за все свои три командировки в Чечню. Хотя рисковал, как и другие коллеги по профессии, постоянно. Что поделаешь, такая работа — на краю. Спасение одно — профессионализм. А что касается «железных» гарантий, то их нет и быть не может в принципе.

ФУГАС

...Такое действительно бывает — холодный пот. А внутри какая-то пустота и тоже холод — скользкий, дрожащий, берущий цепкими пальцами прямо за горло. Но движения рук аккуратны, неторопливы и точны. Это потом ладони может трясти так, что невозможно закурить. Потом, когда все останется позади.

Над местом закладки фугаса, над полотном дороги, — вывод антенны. Чья-то пара глаз сейчас, может быть, смотрит из «зеленки», что метрах в трехстах от дороги. А может быть, неудавшийся подрывник уже ломится через кусты, убегая как можно дальше, ведь туда, к лесу, уже бегут несколько автоматчиков из пехоты сопровождения. Но они его не достанут. Впереди, перед лесом, мелкая речушка, на переход через которую вброд уйдет время. Все учел, сволочь. Затаившись на своей «лежке», он ждал колонну. Не дождался. Не ожидал, что его «закладка» будет обнаружена.

«Дух» наверняка хорошо видел, как у его фугаса остановились саперы. Может быть, сейчас он решил привести его в действие. У него есть еще целая бесконечность времени, чтобы «нажать кнопку». Это всего доля секунды. А потом еще успеть уйти. Но и тут он не угадал. Работает генератор помех — это специальное устройство, которое блокирует радиосигналы.

Так отчего же ежесекундное ощущение смертельной опасности, к которой человеку просто невозможно привыкнуть?

Оттого, что ни одно разминирование не похоже на другое. Ни одно. Никогда заранее не знаешь, что тебя ждет на этот раз. Например, под радиоуправляемым фугасом может быть вторая, глубинная «закладка». Ставят на сапера, извлекающего фугас. Одно неосторожное движение — и ты уже на том свете. Возможно, рядом кроется еще какой-нибудь «сюрприз». Словом, может быть все что угодно. Много вопросов, а один-единственный, пока еще неизвестный, ответ — прямо перед тобой, закопанный под полотно дороги.

...Стараешься гнать от себя мысль: только бы все было в порядке с генератором помех. Он проверен перед выходом, но техника есть техника, и всякое может случиться. Вообще, саперы знают, что генератор тоже не дает стопроцентной гарантии безопасности.

...Что кольнуло, когда проходили это место, проверенное не раз? Черт его знает. Этого не объяснить. Предчувствие. Хотите верьте, хотите нет.

Факт тот, что на войне неверующих не бывает, и «укол» в груди означает только одно — остановись! Наверное, это оттого, что каждый день перед прохождением колонн «чистишь» эту дорогу. Знаешь каждый ее пятачок. Непонятно, необъяснимо, но ОСТАНОВИСЬ!

...Сержант смотрит несколько недоуменно. Молчит, конечно, но по глазам видно, что считает поставленную задачу перестраховкой. И действительно, казалось бы, что можно закопать на этом открытом, просматриваемом с блокпоста месте? Ведь недавно его проходили! Да и ни разу здесь еще не было «закладок», все его до сих пор считали безопасным. Парня надо взбодрить, чтобы «землю носом рыл». Но это не значит, что нужно напрягать голосовые связки. Голос совершенно спокоен, но от этих спокойных слов выражение лица сержанта на глазах меняется: «Слушай внимательно. Там что-то есть, я в этом уверен. Бери ребят и обшаривайте все по сантиметру. Очень аккуратно. Иначе кто-то может взлететь, понял? Обнаружите «закладку» — даете знать, как обычно».

Несколько саперов уступом движутся по дороге и обочине. Пока все спокойно. Может, действительно ни черта там нет, просто нервишки у ротного шалят, фугасы на каждом шагу мерещатся?

Один боец вдруг остановился. Присел. Что-то рассматривает перед собой на дороге. Потом машет руками: «Товарищ капитан, вывод антенны! Похоже, фугас радиоуправляемый!»

Вот те раз... Можно обмануть миноискатель, но профессиональное чутье не обманешь.

Солдаты отправлены в укрытие. Они свое дело сделали, а теперь им лучше находиться подальше. На всякий случай...

...И вот оно, это липкое холодное чувство. В дорогу вкопана целая канистра с гексогеном. Ничего себе «сюрприз». Это ж сколько здесь взрывчатки... От танка мало что осталось бы. Два электродетонатора подключены к исполнительному механизму.

Согласно всем инструкциям, фугас нужно подрывать накладным зарядом, чтобы не подвергать себя риску. Но если сейчас рвануть накладным целую канистру с гексогеном, мощным взрывчатым веществом, то этот участок дороги станет непроходимым. Здесь просто будет огромная яма, которую не обойти. Колонне придется стоять. Ждать, пока восстановят дорогу.

Решение одно — разминировать.

Это решение, хоть и идет вразрез с инструкциями, не авантюрно. Оно основано на большом опыте. С разными «штуковинами» приходилось иметь дело. Разберемся и с этой.

По-прежнему непрерывно работает генератор помех, блокирующий возможные радиосигналы. На фугас накидывается «кошка». После этого — в укрытие. Рывок за веревку, к которой привязана «кошка». Фугас сдернут. Тишина. Значит, «сюрприза» под ним, то есть второй, глубинной «закладки» нет. Теперь можно аккуратно приступить к обезвреживанию взрывного устройства...

Все это — канистра с гексогеном, электродетонаторы, антенна — будет сдано на исследование в штаб группировки. В дальнейшем этот обезвреженный фугас будет использоваться как экспонат для обучения саперов.

Таких «экспонатов» в ту пору капитан, командир саперной роты Сергей Богатый сдал в штаб группировки примерно с десяток. Естественно, разных. Там же скопилось немало обезвреженных взрывных устройств, снятых его коллегами. Все это — предмет тщательного изучения. Сапер-профессионал должен знать все возможные «схемы», применяемые боевиками. Так что такого рода «музей» имеет неоценимое практическое значение для обучения.

«КСЮША»

Про вышеописанный случай с фугасом, а дело было в районе Старых Атагов, ныне подполковник Сергей Богатый рассказал мне чуть ли не как об обыденном факте уже под конец нашего разговора. Некоторые подробности пришлось узнавать буквально по крупицам. Хотя это был один из первых радиоуправляемых фугасов, которые ему довелось разминировать. Запомнился ему этот случай как раз потому, что, как упоминалось, «кольнуло» предчувствие. Такое бывало и до, и после этого. Объяснения он не находит, но отмечает: «Со временем и с опытом рождается какое-то чутье. Своего рода «шестое чувство». Это не только у меня. У других так же...»

Сергей поначалу ничего не хотел говорить лично о себе. Скромный человек, я бы сказал, скромнейший. Сейчас он является адъюнктом Военного института (инженерных войск) Общевойсковой академии Вооруженных Сил. Меня познакомили с ним как с офицером, чей боевой опыт вызывает чувство уважения у его же коллег. Но на встречу он согласился не сразу — не считал себя «фигурой для статьи».

А между тем у этого скромного человека — орден Мужества и две (!)

медали «За отвагу». Вообще, боевые награды у саперов — в порядке вещей. Чечню прошли многие, потому что «минная война» там всегда на первом месте. А еще потому, что профессионалов всегда не хватало, ведь все сложные задачи выполняют офицеры. Но чтобы две медали «За отвагу» — редкость. Сергей по этому поводу только улыбнулся: «Дважды отважных не бывает. Может быть, представляли к другому виду награды, я не знаю...» Опять же за шуткой про «дважды отважного» старается скрыть смущение от внимания к его персоне. До этого, например, на вопрос о личном боевом опыте опять же ответил шуткой: «Боевой опыт, как и половое бессилие, приходит с возрастом». Увидев, что я «заценил» фразу, добавил: «А что, не слышал? Не я придумал, хохма известная...»

Факт тот, что о своих боевых наградах говорить не хотел: «Давай я лучше про других расскажу». Но причина, как я понял, не только в скромности. Просто он принимал участие в некоторых операциях с определенными силовыми структурами, о чем нельзя рассказывать. Так что об этом история умалчивает. Тогда для «завязки» разговора я спросил его, как он впервые из трех раз попал в Чечню, какие задачи выполнял. Сергей ответил, что он в ту пору был лейтенантом после окончания в 1995 году Калининградского высшего военного инженерного училища (ныне расформированного). В Чечне оказался в мае 1996 года в составе 205-й отдельной мотострелко-

вой бригады. Находился в должности командира взвода инженерной разведки 93-го отдельного инженерно-саперного батальона бригады, выполнял задачи по сопровождению колонн.

Как известно, главные события в 1996 году начались в августе, когда боевиками внезапно был захвачен Грозный. Особенно ожесточенные бои шли в центре города, в районе Дома правительства, где, будучи со всех сторон заблокированными, оборонялись сотрудники ФСБ, МВД, комендатуры, других подразделений. 205-я бригада шла на штурм Грозного, чтобы освободить его от бандитов и выручить обороняющихся. Было сформировано несколько общевойсковых колонн бригады. Подразделение саперов было распределено по этим колоннам для инженерного сопровождения.

— В начале штурма, когда в город заходили колонны, я не участвовал, — сказал Сергей. — Болезнь помешала. Отит прихватил — воспаление уха, так что ушли без меня. Поучаствовать пришлось потом. Но я хочу рассказать про нашего товарища, который во время штурма Грозного совершил действительно героический поступок. Погиб... Вот про него стоит написать. Это старший прапорщик Петров. По-моему, Алексеем его звали...

Старший прапорщик Петров во время штурма возглавлял саперное отделение, сопровождая одну из колонн. Как и положено саперам, шли в «голове». БТР, на котором рас-

полагалось саперное отделение, носил нежное имя, написанное краской на борту машины, — «Ксюша». Тут есть своя маленькая предыстория. Сергей Богатый мне рассказал, что инженерно-саперный батальон бригады первоначально, в том же 1996-м, был сформирован на основе роты. А в той роте многие офицеры давали бэтэрам имена своих дочек. БТР «Ксюша» был одним из таких, «именных». До этого он уже успел «засветиться», приняв участие в подрыве дворца Дудаева в начале 1996 года.

Петров со своими саперами провел колонну, куда и предназначалось, до Дома правительства и возвращался обратно. Сказать, что провел «без проблем», было бы просто смешно. Город стрелял, горел, машины жгли в проемах улиц. Факт тот, что они возвращались на базу и встретили новую колонну. Командир полка, который ее вел, остановил Петрова и потребовал, чтобы тот разворачивался и шел с ними на сопровождение. Видно, не хватало саперов. У старшего прапорщика была своя задача от своего командования, что он и пытался доказать офицеру. Но тот пригрозил ответственностью за невыполнение приказа в боевой обстановке.

Пришлось разворачиваться. «Ксюша» пошла второй машиной в голове колонны, за ведущей БМП.

В теснине грозненских улиц колонна попала под шквальный обстрел. Были подбиты бронемшины в «голове», середине, хвосте.

Как только вспыхнула головная БМП, Петров дал команду механику-водителю резко сдавать назад, чтобы уйти из-под обстрела. «Ксюша» на задней передаче стала отъезжать, когда в нее на полном ходу врезалась БМП, идущая следом на большой скорости. Встречное столкновение было настолько мощным, что у БТР вырвало кардан. Саперы стали покидать ставшую недвижимой «Ксюшу». При выходе был убит пулеметчик.

...На асфальте, чуть впереди от «Ксюши», лежал тяжело раненный лейтенант. Его выкинуло из подбитой головной БМП. У него были перебиты ноги. Лейтенант корчился, будучи совершенно беспомощным под огнем, просил о помощи.

Со всех окружающих домов, слева и справа, велся непрерывный огонь. Несмотря на это, старший прапорщик Петров решил вытащить офицера. Подчиненные пытались отговорить его, да он и сам наверняка прекрасно осознавал, что шансы вынести раненого и уцелеть самому практически

равны нулю. Дорога открыта со всех сторон, стреляют чеченские снайперы. Но все-таки бросился к лейтенанту, успел добежать до него...

И погиб вместе с ним.

— По-другому он поступить не мог, — сказал Сергей. — Такой был человек... Посмертно его наградили орденом Мужества.

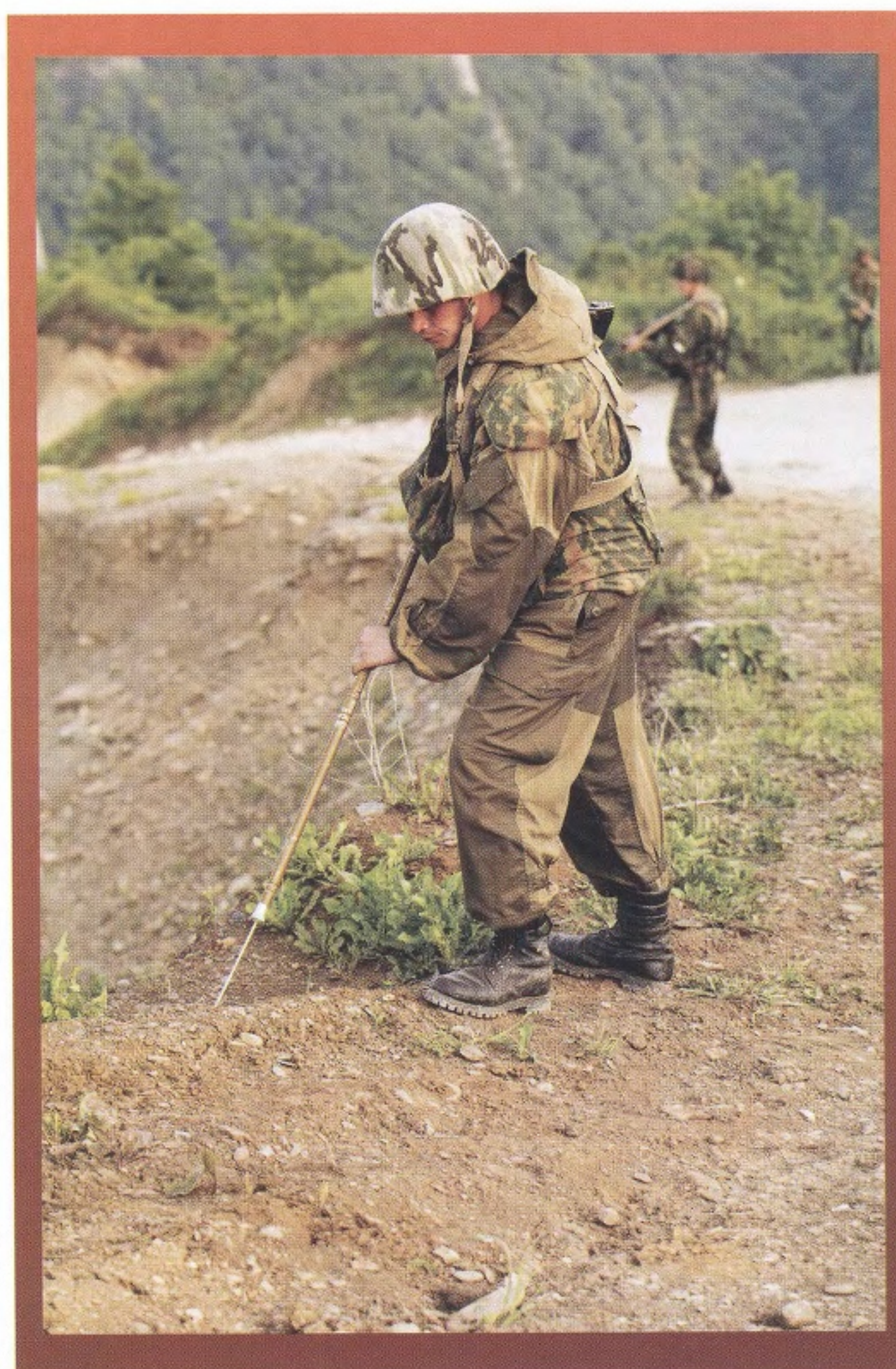
— А что было с колонной? — спросил я.

— Естественно, вся колонна была сожжена. Ее просто расстреляли на улице со всех сторон. Кто успел, тот ушел. Наших, саперов, которые ехали с Петровым, из семи уцелело трое. Выходили они к нам целых две недели... Потом обо всем и рассказали подробно. А «Ксюшу», когда ее расстреливали из гранатометов, «духи», оказывается, снимали на видеокамеру. Снимали именно ее. Значит, машина была давно «заказана». Боевики не забыли участие в подрыве дворца Дудаева. За такие «заказанные» машины им выплачивали особое вознаграждение. Потому и фиксировали на видеокамеру.

— А что было с другими колоннами бригады? — спросил я у Сергея.

— Горели так же. Почему спрашиваете? Да потому, что вошли в город наобум. Всем, насколько мне известно, была поставлена задача прорваться к центру, к Дому правительства. А кто ж колоннами по улицам прорывается? Вот и жгли их со всех сторон. Наверное, на авось хотели прорваться, уж не знаю. Повторю — я всего лишь лейтенантом был, командиром взвода. Но, конечно, о сложившейся обстановке всем было известно. По-моему, пять или семь колонн наших шло. За потери точно сказать не могу, но они были не маленькими. Можно судить по тому, что БМП были, а пехоты на них уже не хватало. Во всяком случае, в двух батальонах бригады — точно. Там в качестве пехоты на броню сажали уже батальон материального обеспечения, больше некого было...

Вот такая картина штурма Грозного, рассказанная офицером. Все это напоминает первый штурм города, в новогоднюю ночь с 1994 на 1995 год, когда началась первая чеченская. Выходит, соответствующие выводы еще не были сделаны... Их сделали только во вторую чеченскую.

— Вторая от первой отличалась кардинально, как небо и земля, — сказал мне подполковник Богатый. — Грозный штурмовали поквартально, боевиков выдавливали из города, как это и должно быть.

Сам же он на вторую попал с самого начала, в августе 1999 года.

ВЕРХОМ НА «УРКЕ»

— Я тогда командовал саперным взводом в составе войсковой маневренной группы (ВМГ), представляющей из себя мотострелковый батальон со всеми средствами усиления, — рассказывает Сергей Богатый. — Пошли сначала на Буйнакск, оттуда — дальше. Потом меня с экипажем УР-77 направили для выполнения задачи в район населенных пунктов Карамахи и Чабанмахи. УР-77 — это устройство разминирования на базе МТЛБ-У. Мы его обычно между собой «Змей Горынычем» или, еще короче, «уркой» называем, от названия первых букв аббревиатуры...

В войсках «Змей Горыныча» хорошо знают. Мощнейшая вещь. Предназначен для разминирования проходов в минном поле. На базе МТЛБ-У — две ракеты, то есть можно сделать два запуска и обеспечить два коридора прохода. Благодаря принципу действия и зовут «Змей Горынычем». Действительно похоже. Выстреливается ракета, которая раскручивает за собой, грубо говоря, длинный «рукав», наполненный пластиком. Все это «змеей» падает на землю. Потом подрывается. В результате — сплошная полоса разрывов, все мины под ней и рядом уничтожаются. Образуется коридор, по которому спокойно может пройти подразделение.

Но это — прямое назначение УР-77, больше ориентированное на широкомасштабную войну. В локальной же войне, где зачастую нет ни фронта, ни флангов, его бесценные боевые качества нередко использовались по-другому.

— «Урка» очень хорошо себя оправдывал при взятии укрепленных пунктов боевиков, — продолжает свой рассказ Сергей. — К

примеру, участок с инфраструктурой, дотами, скрытыми траншеями и т.д. То есть так просто оттуда «духов» не выкурить, даже артиллерийским огнем. В таких случаях пуск ракеты «Змей Горыныча» давал великолепные результаты. При подрыве получается, что не только взрывчаткой, но и огромнейшим давлением уничтожает живую силу, куда ни заройся. Сплошная взрывная волна идет, направленная вниз. В какую щель ни спрячешься, пусть перекрытую сверху, все равно достанет. В зоне пуска по сути ничего живого не остается. Естественно, применялись таким образом УР-77 в случае острой необходимости. И такая необходимость возникла под Карамахи и Чабанмахи. Дело в том, что боевые действия некоторое время шли с переменным успехом, позиции переходили из рук в руки. То наши «духов» выбьют, то потом они — наших. Бои шли тяжелые, а результата не было. Поэтому командование и приняло решение выполнить боевые пуски «Змей Горыныча» по позициям боевиков.

Я уже хотел узнать у Богатого про эпизоды тяжелых боев, про боевой пуск УР-77, и как-то не обратил внимания на то, что он уже второй раз возвращается к вопросу, показавшемуся мне сперва малозначительным.

— Но перед тем, как сделать пуски, мы ночами раненых и убитых в тыл эвакуировали на нашей «урке», боеприпасы подвозили, — снова повторил Сергей.

Эвакуация — святое дело, но мне казалось, что этим должен заниматься кто-то другой, во всяком случае не саперы, и что это какой-то случайный эпизод на фоне «сплошных боевых». Но теперь, после второго упоминания о нем, не мог не спросить об этом. Он начал рассказывать, и становилось ясно — именно это и запомнилось ему больше всего! Привожу вам короткий рассказ Сергея про эвакуацию, и вы сами, читатель, все поймете.

— Там в основном «вованы» (то есть Внутренние войска) были, у них только БТРы имелись. А дорога была одна-единственная. Предгорья, место представляет собой как бы своеобразный цирк — низина, окруженная горами. Хлынули проливные дожди, и эта дорога сразу стала практически непроходимой для любой колесной техники, в том числе БТР. А из «гусениц» — одна наша «урка» (она, напомним, на базе МТЛБ-У) и еще две БМД у десантников. И все. Кроме нас, по этой дороге проехать никто не мог. Вот нам и пришлось заняться подвозом на боевые позиции боеприпасов. А оттуда обратным рейсом эвакуировали с поля боя раненых и убитых. То есть все

перевозки — на нас. Работали ночами, — начал рассказ Сергей.

— Вы же, получается, одной машиной шли, на вас нападали, наверное, приходилось отбиваться? — задал я вопрос.

— Да нет, не нападали. Там просто лупили со всех сторон, а откуда именно — не поймешь. В горах попробуй разбери, откуда стреляют. То есть шли под постоянными обстрелами. Если кто-то говорит, что это, дескать, не страшно — а я таких встречал, — значит, он просто врет. Черта с два — «не страшно». Страшно до того, что руки и ноги колотит. Мы же все нормальные люди, никому на тот свет не хочется. Но главная-то суть была в том, что мы под этими обстрелами верхом на «урке» ехали...

Он, улыбаясь, посмотрел на меня, считая, что дальше все понятно без слов. Но я «не догонял». Ну, на «урке», и что?

— Да то, что под нами две с половиной тонны пластика, — непринужденно объяснил Сергей. — Это суммарный вес взрывчатки на УР-77. Если по нам конкретно из чего-то попадут, то потом от нас даже мокрого места не останется. Нас просто не найдут. На нашем месте только большая, ну о-о-очень большая яма будет. А учти, мы еще боеприпасы везем. Вот так и катались. Едешь, кругом «шмаляют», а ты думаешь — попадут или не попадут. Как видишь, не попали!

Тогда мне и стало все ясно.

— И сколько вы так... ездили?

— Несколько ночей, — ответил он...

И продолжил:

— Ну а что касается боевых пусков из нашей «урки» по позициям боевиков, то все прошло нормально. Когда принимали решение на наши пуски, естественно, в первую очередь учитывалось то, что мирного населения в том районе давно не было, оно сразу после начала боевых действий ушло в горы. А потом там шли бои, о которых уже упоминалось. Так что на том месте были одни боевики, и досталось им по полной программе. Операция была спланирована неожиданно, о предстоящих пусках знал очень ограниченный круг лиц. Мы вышли на место (правда, не без проблем, но это другой разговор). Подошли незаметно. Сделали запуск первой ракеты, потом осуществили подрыв. Море огня... Затем бомбанули второй ракетой, уже в другом направлении. Получилось качественно. Скажем так — на этом участке активная фаза боевых действий была закончена...

После этого продвигались с боями дальше, в горы. Но это уже другая история, которую Сергей не стал рассказывать. Воевал он до середины декабря 1999-го. Упомянул лишь, что тогда он получил свою первую награду — медаль «За отвагу». Вручил ее лично генерал Шаманов.

У ВОЛЧЬИХ ВОРОТ

Мирная жизнь была для сапера недолгой. Уже в мае 2000 года Сергей вновь оказался в Чечне. Он был направлен в качестве командира саперной роты в район Старых Атагов, у знаменитых Волчьих ворот. Там отвечал за участок горной дороги протяженностью пятнадцать километров.

«В плане минирования тот район считался страшным участком, — вспоминает офицер. — Мы это поняли буквально сразу, как только начали располагаться лагерем в стороне от дороги. Еще не успели тогда принять под ответственность свой участок маршрута. То есть дорогу еще не проверяли, только прибыли. А тут уже звонят — подрыв на таком-то участке, срочно прибыть саперам! Понеслись туда. Стоит «Урал», взрывом фугаса оторвано колесо. Жертв, к счастью, нет. Сразу начинаем тщательно проверять окружающую местность на наличие взрывоопасных предметов (ВОП). «Закладок» больше не было. Старший начальник приказал нам ждать вышедшие к нам танк и БМП, чтобы оттащить «Урал» на базу. Оттащили. Тут опять вызов — уже на другом участке подорвалась БМП. Несемся

туда — фугас. У БМП вырван ведущий каток. Без жертв. Пока мы проверяли участок, пехота погналась по следам подрывника. По проводам нашли его «лежку», самого же «духа» отыскать не удалось. Стали эвакуировать БМП.

И все это, можно себе представить, в первый же день! Таким было наше знакомство с вверенным участком. Мы сразу тогда поняли, что нас ждут «великие события». Их развитие не заставило себя ждать. Буквально на второй день, когда приступили к проверке маршрута, вновь подрыв. На небольшом «кусочке», причем в стороне от трассы, — его мы еще не успели проверить. Прибыли на место — там МТЛБ, подорвавшийся на фугасе. На этот раз был тяжело раненный — механику-водителю оторвало ногу. Остальные были целы.

И в дальнейшем фугасов было много. Очень много. Только подрывов на нашем пятнадцатикилометровом участке с того времени, как мы полностью приняли маршрут, не было. Ни одного. Все фугасы удалось обезвредить. А находились мы в том районе больше трех месяцев. Нашей основной задачей была проверка маршрута перед выходом колонн. Что касается взрывных устройств, приходилось иметь дело с разными. Вначале в основном закладывали фугасы, управляемые по проводам. Потом пошли радиоуправляемые, причем стабильно, — видно, у бандитов прогресс тоже не стоял на месте... Старались уничтожать взрывоопасные предметы накладными зарядами. Правда, случалось по-разному. Нередко приходилось и разминировать».

Как раз тут, отвечая на мою просьбу привести примеры, Сергей и рассказал мне про случай с разминированием фугаса, упомянутый в начале этого материала. Хоть и рассказывал он об этом скупно, но, думаю, я в своем описании ничего не приукрасил. Скорее, наоборот. Мне кажется, в «нормативной» лексике вообще нет таких слов, которые могут передать ощущения

сапера при обезвреживании взрывного устройства...

— Сергей, а разминированием действительно занимались только офицеры и прапорщики?

— Однозначно. Солдат находит ВОП, дальше работает офицер. Мы же не можем подставлять бойцов. Другое дело, учили их обращению с минами, занятия проводили. Они к нам после «учебки» вроде и подготовленные приходили, но у них руки тряслись, когда ставили настоящую, а не учебную мину. Это ведь уже не шутки... Поэтому мы занимались с ними. Главным было выработать у них не только умение, но прежде всего хладнокровие. Справлялись с этим успешно, бойцы потом работали с минами нормально. Но что касается разминирования взрывного устройства — тут работает только профессионал. Это правило.

Кстати, о солдатах. Подполковник Богатый говорил о них с особой теплотой. Сказал, что многие проявили в Чечне истинное мужество. Отметил, что примеров мог бы привести много, но это тема отдельного разговора. Улыбнулся: «Я приведу один случай, несколько необычный. Всем известно, что снайперов у саперов нет и не может быть. У нас — был».

...В саперном подразделении на должности водителя служил рядовой Никифоров, родом из Волгограда. Солдат считался из неблагополучной семьи — там сидели все, кроме мамы и него самого. А парень был умница.

— Он все хотел, чтобы его вооружили снайперской винтовкой, — рассказывает подполковник. — Ну прямо покоя не давал. Такое оружие нам, естественно, по штату не положено. Но в преддверии штурма Грозного он-таки упросил нас, да и сами подумали: почему бы и нет, вдруг способным окажется?... Будет свой снайпер в роте! На нашем складе РАВ (а там можно было выписать то что нужно без особых проблем) нашлась старенькая ржавая СВД, почти полностью «убитая». Разве что ствол не кривой. Вручили ему, как положено. Он ее полностью привел в порядок, вычистил, смазал. Стрелять его из «снайперки» учили мы, офицеры, в свободное время. Ну а какие из нас, саперов, стрелковые инструкторы — сам понимаешь. Общее представление. Тем не менее он как-то сумел научиться, пристрелялся.

И вот вошли в Грозный. Снайперы «чехов» достают сплошь и рядом. Сложилась такая ситуация. Наш Никифоров со своей СВД залег за бетонными блоками, ведет наблюдение. А позади него неудачно «нарисовался» начальник штаба бригады. Давал кому-то указания и, видно, на минуту забыл об осторожности, силуэт его четко просматривался. В этот момент Никифоров стреляет. Еще никто ничего не может понять, а боец уже машет рукой в сторону полуразрушенного дома метрах в трехстах: «Я снайпера чеченского завалил!» Как потом оказалось, снайпершу. Выяснилось: в прицел Никифоров четко увидел, что она целится в начальника штаба,

и опередил ее. Причем свалил первым же выстрелом! Как говорится, невероятно, но факт. Начальник штаба потом к нам в лагерь приходит: «Где ваш водитель, который мне жизнь спас?» Обнял его, сказал, что жизнью обязан. Вот такие бывают случаи на войне...

Продолжаем разговор о проверке дорог.

— Не подсчитывали, сколько ВОП удалось обезвредить там, в районе Старых Атагов?

— Если брать всех офицеров роты, фугасов сняли много. Специально не подсчитывали.

— Каково мнение о квалификации противника?

— Конечно, сложные случаи были, когда видно, что работает профессионал. Но ничего принципиально нового они не придумали. «Подковой» мы чистили все. Как уже упоминал, при нас не было ни одного подрыва в колоннах.

Мне не раз сами же саперы, с кем доводилось общаться, рассказывали про «подкову» — так называется общепринятый метод проведения инженерной разведки. Назван он так потому, что само построение саперов и пехоты прикрытия напоминает подкову. Сейчас же заинтересовало, может, подполковник Богатый использовал какие-то свои методы?

— Да нет, ничего нового я не придумал, — ответил Сергей. — Метод «подковы» общеприемлем, он стократно выверен боевым опытом. Главное — следовать ему неукоснительно и делать все добросовестно, не на авось. Вот и весь секрет. Строились мы обычным порядком, уступом вправо — влево: саперное отделение и прикрытия из пехоты, не меньше взвода. Сзади идет машина — генератор помех. Также генератор помех — переносной — может быть у одного из саперов. Но переносные мы имели далеко не всегда. Плюс сзади движется сопровождающая нас бронетехника. Один из нюансов в том, что бойцы, которые обследуют не саму дорогу, а прилегающую к ней местность, должны идти от нее метрах в сорока — пятидесяти. Дело в том,

что вблизи дороги «духи», как правило, успевают «замести» следы. То есть прикапывают провод, убирают разные демаскирующие признаки установки фугаса — чтобы ничего не было видно с дороги. А в стороне уже зачастую оставляют провод открытым. Если боец наткнется на провод, первое, что он делает, — обрезает его и дает знак о находке. Потом мы занимаемся обезвреживанием под прикрытием пехоты, а пара человек из сопровождения направляется по проводу, чтобы попытаться поймать «духа». Хотя это удается редко. А прикапывать провод, кстати, «духи» успевают не всегда. Например, однажды мы буквально спугнули подрывника, провод был виден. Фугас на основе артиллерийского снаряда (обычное дело) был установлен в кроне дерева на обочине. Мы тут же рубанули провод, занялись обезвреживанием, а несколько бойцов рванули по еще тепленькому следу, ведь где-то рядом «дух» был. Бесполезно, ушел. Но это второстепенно. Для нас

главное — обезопасить дорогу.

Не избежать было и тяжелого вопроса. Он возник сам собой, когда Сергей, говоря о том, что в Старых Атагах у них все обошлось без жертв, вскользь упомянул: «Но это у нас. А вот за нами, я уже вернулся из Чечни домой, был подрыв. Страшный подрыв. Наш офицер-сапер подорвался, с ним еще несколько человек. Всего шестеро...»

Да, вопрос тяжелый, но он неизбежен: «В чем была причина?»

О мертвых, как говорят, или хорошо, или ничего... Но это, наверное, не совсем правильно. Слишком велика цена ошибки при разминировании. А в данном случае, как выяснилось, причиной послужила именно ошибка. Генератор помех был неисправен и не обеспечивал полностью замкнутого круга действия. Съездить предстояло за водой, это было совсем недалеко. Решили, видно, что обойдется — рядом же. Но не обошлось. Машина взорвалась на радиоуправляемом фугасе. Как раз по той причине, что генератор помех не обеспечивал кругового сектора прикрытия.

Когда Сергей мне сказал об этом, я просто мысленно представил себе, что могло быть, если бы в том случае с разминированием фугаса у него тоже был бы неисправный генератор помех... Но задавать этот вопрос не стал. И так все ясно.

Что ж, настал черед заканчивать рассказ об офицере, которому, как и тысячам других, прошедших Чечню, выпали все тяготы своего поколения. Только работа у него особая. Трудно представить, сколько жизней наших военнослужащих спасают они — саперы. Добросовестно «вычищенный» маршрут в районе Старых Атагов — один из таких примеров. Каждый из множества снятых за три месяца фугасов — это чьи-то сохраненные жизни и здоровье.

Напоследок я спросил, когда он получил две другие награды. Оказалось, орден Мужества Сергею Богатому вручили в том же, 2000 году буквально в день рождения. Это было еще в Чечне. А вторую медаль «За отвагу» он получил уже в 2006 году. Долго «ходила» награда. Но это уже не имеет значения. Главное — дошла. Вполне заслуженно. ✱

Юрий ВАСИЛЬЕВ

В НЕБЕ ВОЙНЫ

В начале 1990-х годов эти данные стали общеизвестны и доступны благодаря средствам массовой информации. Вызвали они большое недоумение и удивление. Касались они истории нашей страны и задевали нашу национальную гордость. Гордость победителей Великой Отечественной.

Мы вдруг узнали, что наши лучшие летчики времен войны оказались отнюдь не лучшими, если сравнивать их результаты с победами немецких асов. Имелись у фашистов якобы и такие танкисты, которых у нас даже сравнивать не с кем.

Все это было очень неожиданным. Казалось бы, с тех пор прошло достаточно времени и пора разобраться во всем. Но этого не произошло, споры продолжаются и по сей день. Победы, если бы все ограничивалось только спорами. В некоторых работах на исторические темы авторы, приводя сравнение голых цифр, делают неверные выводы, тем самым вводя читателей в заблуждение.

Вот тому пример. Попала как-то мне в руки книга «Танковый погром 1941 года», автор Владимир Бешанов. О чем она? Название говорит само за себя. Этим автором написано несколько книг, и все на военно-исторические темы. Но речь о его «Танковом погроме 1941 года» я завел не случайно.

Во второй части книги, названной «Летний разгром», он приводит интересные данные: «...на Восточном фронте Эрих Хартманн довел счет своих побед до 352 самолетов. А всего за войну из 45 тысяч советских машин 24 тысячи сбили 300 немецких асов (то есть в среднем по 80 машин на каждого). Для сравнения: трижды Герой Советского Союза И.Н. Кожедуб сбил 62 самолета». Имеется ссылка на книгу «Чертова дюжина

■ Германский ас Эрих Хартманн. 352 сбитых самолета. Был сбит 14 раз

асов люфтваффе», откуда взята эта информация.

Владимир Бешанов использует эти данные в своей книге, при этом не дает никаких объяснений. А напрасно. Эти цифры нуждаются в пояснениях.

И еще. Уже собирая материал для данной работы, я листал знакомую мне, неплохую, на мой взгляд, книгу В. Грызуна «Как Виктор Суворов сочинял историю». Она написана своеобразно, весело и толково. В ней была одна фраза, сразу обратившая на себя внимание: «Не просто так появились трехзначные цифры сбитых немецкими асами самолетов, на фоне которых неважно выглядят 62 самолета Кожедуба и 59 Покрышкина».

Фраза, как говорится, зацепила. А если попытаться самому разобраться в этом вопросе? Так что же все-таки происходило в небе войны?

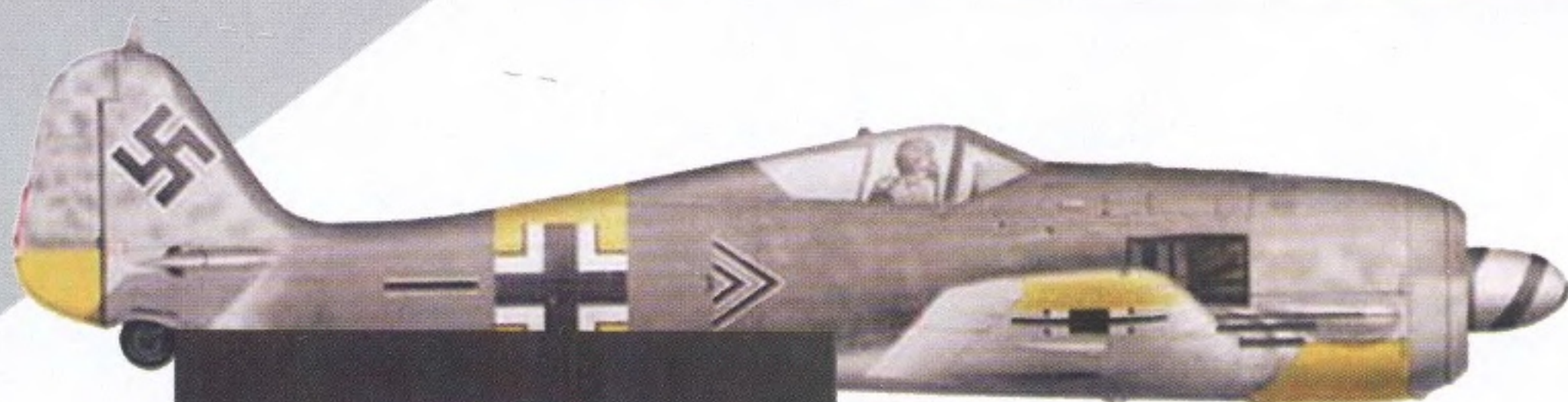
Итак, число 352. Много

это или мало? Смотря что считать и смотря что измерять. В данном случае это количество воздушных побед германского летчика Э. Хартманна. Это сбитые самолеты. Наши. Одним Хартманном. Конечно же это много. Есть и еще одна цифра из того же ряда — число 301. Она принадлежит другому германскому летчику Герхарду Баркхорну. Это тоже количество воздушных побед, тоже сбитые самолеты. Цифры серьезные, если сравнивать их с результатами советских летчиков. Победы наших лучших асов в 5–6 раз скромнее. За своих даже как-то сразу становится обидно, складывается впечатление, что и в боевом мастерстве они уступали немцам во столько же раз. Но это только на первый взгляд.

Один из германских асов как-то заявил: «Мы русских сбивали, как гусей». Имеется в виду, что это им удавалось делать легко и без особого риска. Пусть этот треп останется на его совести. Ведь на самом деле все было далеко не так. И примеров тому предостаточно.

На этот счет боевая биография того же Э. Хартманна является во многом интересной и поучительной. Он был сбит 14 раз (по другим данным — 12), дважды ему приходилось пользоваться парашютом, в октябре 1943 года он побывал в нашем плену.

Начал воевать на Северном Кавказе в октябре 1942 года. Среди своих имел

прозвище «Буби» («Малыш»).

К русским относился с ненавистью, считая их всех тупыми. Но это пагубное заблуждение русские очень быстро выбили из его головы, сбив Хартманна в первом же бою. Он едва не погиб, спас парашют. Через некоторое время Хартманн ради пижонства покрасил носовую часть своего истребителя в черный цвет. Видимо, за это советские летчики стали звать его «Черным» или «Чертом», и устроили на него облаву. Он быстро поумнел, верно при этом оценив свои шансы, и вернул своему самолету стандартную окраску. 19 октября 1943 года был сбит нашим зенитным огнем и попал в плен. На этот раз выручили хорошее знание русского языка, хитрость и невзрачная внешность: малый рост и худощавое сложение. Удалось обмануть конвоиров, прикинувшись больным и несовершеннолетним, и бежать из плена. Свою последнюю победу он одержал 8 мая 1945 г. у чешского города Брно, сбив советский истребитель Як-7. А далее — русский плен и 10 лет лагерей.

Второй по результативности ас люфтваффе Баркхорн был сбит 9 раз, дважды тяжело ранен и долгое время находился на излечении. Среди своих имел прозвище «Герд», считал себя рыцарем неба и старался воевать поджентльменски. Во всяком случае, имеются свидетельства, что Баркхорн старался вести огонь по самолету противника так, чтобы не поразить пилота. Естественно, насколько это было возможно в бою.

И такая картина имеет место в отношении практически каждого наиболее результативного летчика люфтваффе, все они неоднократно были сбиты и истребителями, и зенитным огнем. Можно привести еще примеры: Эрих Рудорффер — 222 победы, сбивали 18 раз, Генрих Бэр — 220 побед, сбивали тоже 18 раз. Справедливости ради следует заметить, что их сбивали не только советские пилоты, доставалось им также и от англичан с американцами, те тоже кое-что умели делать. Но ведь и в число своих побед немцы включали не только советс-

кие самолеты, но и американские с английскими. Как бы там ни было, но чаще всего они падали с неба все-таки на русскую землю благодаря мастерству и отваге советских летчиков.

Есть еще один интересный и поучительный факт, который следует привести. На Восточном фронте в числе прочих воевала немецкая истребительная эскадра JG54, которая всего за первый месяц войны потеряла 37 летчиков убитыми и пропавшими без вести из имевшихся 112. Это треть от первоначального состава. Треть!!! И кто тут кого сбивал, как гусей? Так пусть не врет немец, что с русскими ему было легко воевать.

Наши пилоты никогда не заявляли, что им было легко. И тем не менее...

Иван Кожедуб начал воевать с марта 1943 года, на фронте до последнего дня войны. За все время ни разу не был сбит. Ни разу!!! Есть и еще один интересный факт. Две последние победы Кожедуб одержал в самом конце войны в бою, как ни странно, с американцами. По ошибке его атаковали два американских истребителя Р-51 и с большой дальности открыли по нему огонь. В ходе ответных атак нашего аса один из них упал в районе расположения наших войск, другой взорвался в воздухе. Пилот упавшего самолета остался жив, им оказался очумевший от пережитых неприятностей здоровенный негр. Он все пытался доказать, что его сбил немецкий истребитель.

■ Эрих Рудорффер — 222 победы. Сбивали 18 раз

Так что для Кожедуба все обошлось благополучно, дело замаяли, но эти самолеты ему в зачет, естественно, не пошли.

Александр Покрышкин на фронте с первого дня войны. В боях его сбивали дважды, причем один раз он был сбит своим же зенитным огнем. Первую «победу» одержал 22 июня 1941 года, атаковав и сбив по ошибке наш самолет Су-2. Благодаря неразберихе первых дней войны это сошло с рук, хотя ошибку ему еще долго припоминали. А ведь время непростое было, мог и под топор попасть. Бог миловал.

Итак, теперь у нас есть еще один показатель, кроме побед в воздухе, по которому можно сравнивать. Хартманна сбивали 14 раз, Баркхорна — 9, Покрышкина — 2, а Кожедуба — ни разу. Как видим, здесь баланс в нашу пользу, причем с решающим перевесом. Отметим тот факт, что у немецких летчиков боевых вылетов было гораздо больше, чем у наших, потому и сбивали их чаще. Но именно это обстоятельство и является одной из причин того, что у немцев и побед больше, чем у русских.

У Эриха Хартманна боевых вылетов числится 1.425, воздушных боев проведено 825. Герхард Баркхорн совершил 1.800 боевых вылетов, проведя 1.104 воздушных боя. Следует оговориться, почему у немцев взяты именно эти данные. Хартманн, например, на Восточном фронте совершил 1.404 боевых вылета и одержал 345 побед, на Западном фронте он сделал 21 вылет и одержал 7 побед. Но здесь, во избежание путаницы, приводятся общие цифры, так как на западе эти пилоты мало воевали и одержали мало побед.

Иван Кожедуб имеет 330 боевых вылетов и 120 проведенных воздушных боев, у Александра Покрышкина эти цифры соответственно 600 и 145 (по иным данным — 156).

Очень просто подсчитать, сколько воздушных боев пришлось провести каждому летчику на одну одержанную победу. Получаем следующий результат: Хартманн — 2,3,

Баркхорн — 3,6, Кожедуб — 1,9, Покрышкин — 2,4. Выходит, что каждый из названных асов в среднем одерживает одну победу на два проведенных воздушных боя, только у Баркхорна эта цифра несколько больше, чем у остальных, ему приходилось более трех раз вступать в поединок, чтобы поразить самолет противника. Так где же подавляющее превосходство немецких летчиков над нашими? Его нет. Здесь рассматриваются данные только двух лучших асов с каждой противоборствующей стороны, можно эти списки расширить, взяв с каждой стороны любое количество лучших летчиков, и вновь сравнить. Результат будет тот же. Причем воевать им пришлось далеко не в равных условиях, особенно в начале войны. Да и задачи ими различные выполнялись. В данном случае речь идет об истребительной авиации.

Сначала сравним характеристики советских и немецких истребителей. Такие параметры самолетов, как максимальная скорость, вооружение, маневренность, скороподъемность, и многие другие являются весьма важными, порой определяющими в бою. Но для обсуждения эта тема — практически бесконечна, можно сколько угодно долго спорить, сравнивая

уступая им практически по всем параметрам.

Советский истребитель И-15 был совершенно беспомощным в небе лета 1941 года. То, что он уже не годится для ведения современной войны, стало ясно еще в боях на Халхин-Голе в 1939 году. Кроме того, большое число этих истребителей находилось в сильно изношенном состоянии, даже простейшие задачи они выполняли с трудом. А слабое вооружение снижало и без того невысокую боевую ценность этих машин. Шансов на победу в бою они практически не имели.

Истребители И-153

■ Иван Кожедуб и его «боевые кони». Сбил 62 самолета. Не был сбит ни разу

советских летчиков, хотя полного технического превосходства достичь еще не удавалось, немецкие самолеты продолжали превосходить наши. Превосходства полного — и количественного, и технического — ВВС Красной Армии над

люфтваффе удалось достичь только к 1944 году с принятием на вооружение таких самолетов, как Ла-7, Як-3, Як-9У.

Германия начала войну, имея хорошие самолеты и хороших летчиков. Истребительный парк состоял из 1.233 единиц, из них Me-109E имелось 423, Me-109F — 593, а Me-110 было 217. Как видим, общее количественное превосходство на стороне ВВС Красной Армии, но по новым машинам люфтваффе превосходит более чем вчетверо, а, как уже говорилось ранее, остальные советские самолеты были совершенно не равнозначны немецким. Так, истребитель Me-109F, именуемый «фридрихом», по многим параметрам превосходил наши машины по 1943 год в к л ю -

характеристики самолетов. Впрочем, совсем миновать этот вопрос в данном случае никак нельзя.

Советский Союз начал войну, имея в пяти западных округах 304 истребителя нового типа. Это такие машины, как МиГ-3, ЛаГГ-3, Як-1. К началу войны они были недостаточно освоены летным составом и техническим персоналом. Кроме того, по своим основным характеристикам они все же уступали германским истребителям.

Имелось большое количество, а именно 3.156, истребителей устаревших моделей — И-15, И-153 «Чайка», И-16. Эти самолеты и вовсе не могли на равных противостоять немецким,

«Чайка» и И-16 сами по себе были неплохими. Их достоинства дополнялись тем, что они были хорошо освоены промышленностью, а летный и технический состав воинских частей имел большой опыт эксплуатации этих самолетов. Не обладая достаточно высокой максимальной скоростью, они

имели приличную маневренность, что позволяло им вполне успешно вести оборонительные воздушные бои. Но перехватить инициативу у противника они не могли. Враг, используя более высокие возможности своих машин, навязывал им свой сценарий ведения боя. Немалое количество истребителей И-16 и некоторая часть И-153 имели

читель-
но. Кроме
того, к Курс-
кой дуге у фашис-
тов появилась еще

более мощная модель «мессершмитта» Me-109G-2, имевшего на вооружении уже три пушки калибра 20 мм и два пулемета.

Делая сравнительный анализ, надо учитывать и тот факт, что нашими и немецкими истребителями порой выполнялись разные задачи. И об этом следует поговорить, многое тогда станет понятней.

Задачи люфтваффе были, в общем, очень просты: сбивать как можно больше самолетов противника. Германское командование часто прибегало к практике сосредоточения и использования мощных воздушных группировок на отдельных, особо важных участках фронта, добиваясь на них подавляющего численного превосходства. Для этого им приходилось постоянно перемещать части люфтваффе с одного участка фронта на другой. Определенный эффект в этих приемах имелся. Так, например, при проведении наступательных действий наземными силами удавалось хорошо прикрыть свои войска от ударов с воздуха. Это благоприятствовало успешному выполнению вермахтом поставленных задач.

Но при этом имела и обратная сторона: в этих случаях летный состав и материальная часть использовались максимально интенсивно, с высокой нагрузкой. Пилотам люфтваффе приходилось выполнять по 6–7 вылетов в сутки, такое представить трудно, не то что выдержать. Стоит ли после этого удивляться столь непомерному количеству боевых вылетов, как у Хартмана, Баркхорна и многих других.

Чтобы выполнить поставленную задачу по уничтожению максимального количества самолетов противника, необходимо было применять соответствующую тактику. У летчиков люфтваффе она имела и была достаточно эффективной. По многочисленным свидетельствам самих же асов, эта тактика заключалась в том,

■ Александр
Покрышкин сбил
59 самолетов
противника.
Сбит 2 раза

чтобы, не ввязываясь в открытый маневренный бой с самолетами противника, найти удобную для себя позицию и выжидать. Обнаружив подходящую цель, неожиданно атаковать ее и, завершив атаку, сразу уйти в сторону. Если обстановка позволяла, то атаку можно было повторить, опять же с выгодной позиции, зайдя, по возможности, со стороны солнца. Потому очень часто можно было наблюдать ситуацию, когда наши штурмовики громили немецкий передний край, а их истребители спокойно наблюдали за этим, находясь в стороне. Обнаружив оторвавшийся от строя по какой-либо причине штурмовик, они его немедленно атаковали и, сбив, снова уходили в безопасное место. Подобная тактика способствовала быстрому увеличению количества побед, но мало радовала собственную пехоту, уничтожаемую советскими штурмовиками и бомбардировщиками.

Совсем иной подход был в Красной Армии. Авиацию стремились использовать в первую очередь в интересах наземных войск. Правда, далеко не всегда это получалось, особенно в начале войны. Но в то время у нас многие вопросы в плане организации хромали на обе ноги.

Советская истребительная авиация имела несколько задач. Она сопровождала и прикрывала свои штурмовики и бомбардировщики, защищала свои объекты и свой пере-

дний край от налетов вражеской авиации. При этом у наших летчиков-истребителей никак не получалось просто отбивать номер в воздухе, им там приходилось «конкретно пахать». А в маневренных боях с немецкими истребителями было не до увеличения своих боевых счетов, дай-то бог самому голову не потерять.

А еще Нарком обороны товарищ Сталин постарался, приказ издал. Приказ № 0685 от 9 сентября 1943 года назывался «Об установлении понятия боевого вылета для истребителей». Много о чем в этом приказе говорилось: и как летать, и как воевать, а если плохо будут летать и воевать, то сразу перспективы обрисовывались. Весьма безрадостные перспективы. Так что напрасно

говорят, что товарищ Сталин в этих вопросах плохо разбирался. Очень хорошо он в них разбирался. Вот и приходилось нашим летчикам на истребителях стараться воевать хорошо, иначе можно было запросто уйти воевать из авиации в пехоту. Да не в простую пехоту, а в штрафную. Совсем гиблое дело.

Все это вместе взятое не способствовало быстрому росту личных боевых счетов наших пилотов, но очень помогало более эффективному использованию авиации в целом.

Можно обратить внимание еще на один момент, хотя в данном случае он не является основным и очень важным. Просто он сам по себе интересен. Как же велось все-таки подтверждение и как осуществлялся учет воздушных побед у одних и у других?

В ВВС РККА были попытки организовать строгий учет и подтверждение побед. Возвратившись из полета и претендуя на победу, наш летчик докладывал официальным письменным рапортом в произвольной форме. Если считал нужным, прилагал к рапорту схему боя. Для подтверждения победы требовались показания двух свидетелей или наземных служб, например постов ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение, связь). В случае, когда на самолете был установлен фотопулемет, результат атаки оценивался и по проявленным фотокадрам.

Но в реальной обстановке дело

выглядело гораздо сложнее. После успешной атаки самолета противника нашему летчику, как правило, некогда было следить за его дальнейшими действиями, в небе хватало других забот, требующих внимания. А свидетелей своей победы где взять? Другие пилоты тоже ведь в это время не скучают, своих дел достаточно. Наземные службы зачастую могут подтвердить, что с неба что-то упало, но с дальности в несколько километров не всегда можно было определить, что это за самолет и чей он.

С фотопулеметом также имелись проблемы, ведь он включался только тогда, когда пилот открывал огонь из бортового оружия. Поэтому и фиксировал только попадания во вражеский самолет, да и то не все. Несколько последних не фиксировал, так как отключался сразу после прекращения огня. К тому же не на всех советских самолетах фотопулеметы устанавливались.

В мемуарной литературе и свидетельствах ветеранов войны довольно часто можно встретить интересный факт: молодому летчику, недавно прибывшему в часть и только начавшему воевать, в первых же боях засчитывали неподтвержденную, а то и незаслуженную победу. Как ни странно, но это давало вполне ощутимый эффект, в первую очередь моральный. Этот летчик сразу становился воздушным бойцом, уверовав в свои силы и возможности, начинал меньше бояться врага, вступая с ним в схватку.

Имели место и иные случаи. Сбитый самолет противника падал за линией фронта на территории врага, наши наземные службы подтвердить падение не могли, свидетелей этой победы не было. Тогда она нашему летчику и не засчитывалась. А подобных фактов было немало.

Так что неразберихи и ошибок в этих вопросах более чем хватало. Все попытки строго учитывать потери противника должного эффекта не приносили. Вражеские потери, согласно данным наших штабов, в 3–4 раза, а то и больше, превосходили потери фактические, подтвержденные немецкими документами.

Наглядный тому пример. Началось сражение под Курском, 4 июля 1943 года, южный фас Курской дуги. В районе села Черкасское и лесного массива Журавлиный наши войска прикрывают истребители 5-го истребительного авиакорпуса 2-й воздушной армии. Нашими летчиками доложено об уничтожении 10 немецких самолетов, немецкие дан-

ные подтверждают потерю лишь двух машин, причем одна из них была сбита зенитным огнем. Комментировать здесь нечего, цифры говорят сами за себя.

Между прочим, в люфтваффе с этими вопросами дело обстояло куда веселее. Учет побед у немецких летчиков был совсем упрощен. После возвращения из полета немецкий летчик заполнял специальный бланк, отпечатанный на машинке, давая ответы на стандартные вопросы. Кроме того, практически на каждом их истребителе был установлен фотопулемет, его кадры подтверждали поражение самолета противника. Если имелись свидетели одержанной победы — очень хорошо, а если нет, то пилоту верили на слово. Уж не в этом ли кроется ответ на вопрос, откуда у немецких асов трехзначные числа одержанных в воздухе побед?

Уместно снова привести пример. И вновь вернемся к Курской дуге. Тот же день, 4 июля 1943 года, Воронежский фронт. Советское командование решило силами 2-й и 17-й воздушных армий нанести упреждающий удар по вражеским аэродромам. Всего в авианалете участвовало 296 штурмовиков и истребителей.

Одни работали по наземным целям, другие их в это время прикрывали. Расчет ставился на внезапность, но ее не получилось. У немцев имелись радиолокационные станции, благодаря которым им заранее удалось обнаружить наши атакующие группы. Навстречу им устремились немецкие истребители, завязался тяжелый бой. Потери обеих сторон были высоки, а удар по наземным целям ожидаемых результатов не дал. Но дело даже не в этом.

В ходе боев наша 2-я воздушная армия потеряла 20 самолетов, а 17-я — 15, всего 35 машин. Немецкая сторона заявила об уничтожении 120 русских самолетов. Разница в цифрах, как видно, стандартная, почти четырехкратная.

И все же, наверное, не следует брать под сомнение такие значительные числа одержанных в воздухе немецкими асами побед. Они общепризнанны и, скорее всего, никогда не будут пересмотрены, как бы мы к ним ни относились. А если считать, что они не верны, то почему нельзя найти оснований, чтобы засомневаться в количестве побед, одержанных советскими асами?

Факт тот, что у Германии были очень хорошие летчики, обученные, бесстрашные, инициативные, воевали они на хороших машинах,

■ Герхард Баркхорн провел 1.104 воздушных боя, второй по результативности ас люфтваффе. Сбит 9 раз

на должном уровне у них были организация и связь. Все это делало их очень серьезным и опасным противником в бою. И весь разговор велся не к тому, чтобы доказать обратное, а понять, что наши асы были ничуть не хуже немецких, а в некоторых вопросах и лучше, с целым рядом задач они справлялись успешнее, хотя были поставлены в гораздо более сложные

условия. И сравнение голых цифр одержанных побед ни о чем не говорит. ✖

Сергей ДМИТРИЕВ

ЗАЩИТИТЬ ПРЕЗИДЕНТА

Опыт работы секретной службы США
по обеспечению безопасности высших руководителей
Америки

(Окончание. Начало в № 9)

СОВРЕМЕННЫЕ БУДНИ «СИКРЕТ СЕРВИС»

Как у любой крупной организации, хватает огрехов и у секретной службы. Так, в октябре 1996 года Бобу Доулу в сопровождении своей охраны надо было пройти пару кварталов по Нью-Йорку. Внезапно его окружила толпа «совсем незапланированных» прохожих, так как руководители операции позабыли перекрыть боковую улицу. Правда, тогда обошлось. А во времена Клинтона у Белого дома неожиданно приземлился легкий самолет-нарушитель, хотя территория всячески контролируется и даже находится под защитой ракетных установок «земля—воздух». Предусмотреть такие способы проникновения и атак пришлось после случая 1974 года, когда разорившийся бизнесмен, страдающий психическим расстройством, пытался угнать авиалайнер в вашингтонском аэропорту с целью тарана здания Белого дома. Он застрелил сотрудника охраны аэропорта и двух пилотов, но покончил с собой, убедившись, что не может поднять самолет в воздух. В том же 1974 году военнослужащий армии США угнал военный вертолет и беспрепятственно пролетел над Белым домом. Здесь необходимо упомянуть и о серии террористических актов 11 сентября 2001 года,

когда авиационные атаки «Аль-Каиды» привели к многочисленным жертвам, а один из упавших лайнеров предположительно «предназначался» Белому дому.

В 1997 году в Финляндии во время переговоров глав США и России Клинтон, с ногой в гипсе, передвигался только на инвалидной коляске. В зале отеля, где проходила встреча, имелся наклонный проход, и агент «сикрет сервис» умудрился упустить своего президента в «свободный спуск» по наклону. Предотвратить эту «гонку» президента США сумел руководитель охраны российской делегации Анатолий Кузнецов, который не только остановил коляску президента и предотвратил падение, но и галантно продолжил ее плавное движение дальше по проходу к месту назначения. Еще не так давно «желтая» пресса смаковала эпизод, когда в ноябре 2006 года у дочери президента — Барбары Буш злоумышленники выхватили в кафе сумочку с мобильным телефоном и кредитной картой. Несмотря на наличие агентов, им удалось скрыться. Инцидент произошел в столице Аргентины Буэнос-Айресе в районе Сан-Тельмо. В 2007 году произошел случай на посту охраны периметра Белого дома, тогда из-за некорректных действий у специального агента произошел самопроизвольный выстрел из табельного пистолета, в результате которого

двое агентов были ранены (один в ногу, другой рикошетом в голову).

В разные годы штат секретной службы по различным и противоречивым сведениям колебался от двух до сегодняшних почти пяти тысяч специальных агентов и сотрудников обеспечения. Из них в боевых подразделениях служат 66%, а 34% — это специалисты, управление и персонал. Доподлинно известно, что на 1963 год количество агентов составляло 412 человек, а с 70-х годов прошлого века — уже более 2 тысяч, не считая персонала остального аппарата обеспечения. Для сравнения, число их российских коллег в 5—10 раз меньше. Бюджет секретной службы составляет около миллиарда долларов (в 2002 финансовом году он составил 857 миллионов), что также позволяет содержать более 120 представительств в США, включая Пуэрто-Рико, Аляску, и около 15 за рубежом. Это бюро в Париже и Лионе (Франция), Монреале (Канада), Москве (Россия), Лондоне (Великобритания), Бонне (Германия), Риме и Милане (Италия), Никосии (Кипр), Боготе (Колумбия), Маниле (Филиппины), Бангкоке (Таиланд), Сянгане (Китай) и другие. Во время важнейших мероприятий, таких как мировое турне или визит в Россию, стеснения в

■ Непосредственно за плечом охраняемого объекта постоянно держит позицию старший звена

ские специалисты быстро нашли весьма оригинальный

выход из создавшейся ситуации. Из СССР в Рейкьявик в спешном порядке прибыли пассажирские теплоходы «Георг Отс» и «Балтия», на которых потом

была размещена делегация страны. Отметим, что противодиверсионная охрана кораблей была доверена разведчикам-спецназовцам советского Балтийского флота. Военные разведчики с помощью специальной водолазной техники и оружия успешно осуществили подводную и надводную защиту кораблей с находящимися на них государственными деятелями...

В конце 40-х годов прошлого столетия секретная служба начала реально применять различные приемы пешего эскорта. Некоторые эксперты считают, что они основывались на спортивно-тактических приемах, используемых игроками в американский футбол. По некоторым сведениям, большинство персонала службы того времени были членами футбольной лиги и играли в американский футбол. Они прибегали к своему богатому спортивному опыту при создании форм эскорта. В американском футболе игрок, у которого находится мяч, пытается продвигаться вперед к линии ворот, а его охраняют другие полевые игроки, которые препятствуют попыткам соперников отобрать мяч. Таким образом, в ту пору внедрялась концепция концентрических кругов безопасности: вместо мяча мы понимаем VIP, вместо игрока с мячом подразумеваем офицера персональной охраны либо личного телохранителя, или старшего агента, а вместо полевых игроков — телохранителей в эскорте. Методика простая: задача офицера персональной охраны — увести от опасности или прикрыть VIP, в то время как внешняя оборонная фаланга телохранителей должна действовать против нападающих. Пионером этого метода была секретная служба, а с течением времени он был принят большинством правительственных служб охраны и в Великобритании: 22-м полком SAS, а с середины 60-х и до середины 70-х годов прошлого века — королевской военной полицией, британской полицией, специальным отделом и группой охраны королевской семьи и дипломатов. Последовавшие за этим несколько

громких убийств все же выявили недостатки этой системы. Тем не менее по этой системе еще продолжают обучать телохранителей в некоторых общественных и частных школах.

Объем и характер проводимых мероприятий по охраняемым лицам в принципе идентичны. К лицам, которым положена постоянная охрана, как, например, президенту и его супруге, прикрепляется по одной постоянной группе специальных агентов-охранников (не менее 3—5 человек), которые несут круглосуточную службу. Другим категориям охраняемых лиц, например кандидатам в президенты или иностранным государственным деятелям, выделяются сотрудники безопасности из различных филиалов секретной службы США.

Современная система обеспечения безопасности лиц, подлежащих охране, включает в себя комплекс мероприятий, разрабатываемых в соответствии с условиями пребывания и передвижения охраняемого лица.

Каждый маршрут охраняемого лица, будь то из комнаты в комнату в сенате или в Белом доме, заранее спланирован, и прохождение по нему изучено и отработано агентами «сикрет сервис». Перед тем как выйти к аудитории, агенты секретной службы заводят президента или кандидата в заранее подготовленную безопасную комнату — «отстойник», чтобы еще раз проверить помещения, аудитории и до последнего момента держать в секрете появление охраняемого лица.

Накануне поездки охраняемого лица руководитель выездной группы службы составляет план обеспечения безопасности. Его группа работает в тесном взаимодействии с группой сопровождения охраняемого лица и сотрудником безопасности местного подразделения секретной службы. Выездная группа из Вашингтона обследует каждое место пребывания и остановки, включенное в программу посещения охраняемого лица во время визита. Эксперты изучают застройку, рельеф и другие особенности местности и зданий, выбирают запасные маршруты следования, ближайшие квалифицированные медицинские учреждения и пути эвакуации на случай возникновения непредвиденных ситуаций. В постоянную готовность приводятся пожарные команды, пункты неотложной помощи и спасательные службы. Для общего руководства всеми мероприятиями создается центр наблюдения за обстановкой, оборудованный специальными средствами связи. Для надежного обеспечения намеченных оперативных

финансировании и обеспечении эта служба явно не испытывает, о чем свидетельствует тот факт, что количество сотрудников, сопровождавших визит президента США в Россию, достигало 800—900 человек на 8—10 самолетах. Из этого количества всего лишь 15—20 человек тогда составляли непосредственно политики и чиновники, участвовавшие в самом переговорном процессе, а также не более 50 сопровождающих бизнесменов и светских лиц. Во время стандартной поездки президента США количество агентов составляет не менее 250. Также отметим, что США и Россия — одни из немногих стран, которые позволяют себе перевозить авиатранспортом к месту визита бронированные и специально оборудованные президентские автомобили. Соответственно это три специальных автомобиля, из которых два президентских (основной и дублирующий), а один — спецсвязи и обеспечения «ядерного чемоданчика». На каждый визит берется не менее двух водителей на каждую машину, а также специалист-механик.

Образцом мобильности и отличного финансирования секретной службы может служить и давняя встреча президента США Рональда Рейгана с главой СССР Михаилом Горбачевым в Рейкьявике 11-12 октября 1986 года. Тогда, лишь только были достигнуты договоренности во время телефонного разговора глав государств о встрече на «нейтральной» территории, равноудаленной от двух столиц, через два дня «вся» секретная служба и обеспечение были уже в Рейкьявике. Причем американская делегация заняла и забронировала абсолютно все номера в гостиницах этого не очень большого городка Исландии, оставив ни с чем делегацию СССР по переговорам и охрану из 9-го Управления КГБ СССР. Правда, совет-

■ **Современная система обеспечения безопасности лиц, подлежащих охране, включает в себя комплекс мероприятий**

Один из современных вариантов построения агентов вокруг подопечного — построение «ромбом» (или октаэдром), внутри которого, непосредственно за плечом охраняемого объекта, постоянно держит позицию старший звена, готовый в любой момент

при возникновении опасности и нападения вывести его толчком из зоны обстрела или повалить на пол и закрыть. Когда президентский лимузин движется в колонне

эскорта, агенты в головных и замыкающих машинах, так же как агенты на постах вдоль трассы и контрснайперские группы, ведут наблюдение за потенциально опасными местами, где могут находиться стрелки и снайперы. Часто перед въездом в тоннель или места, удобные для засад, агенты в пустом лимузине-дубле неожиданно вырываются вперед и въезжают туда раньше машины президента. Практикуется и смена места машин в кортеже по ходу движения между пунктами назначения. Во время публичных мероприятий внешняя «ненавязчивость» работы секретной службы обманчива: сколько бы журналистов и зевак ни толпилось вокруг президента, за ними всегда наблюдают, а любые попытки дотянуться и «пощупать» VIP мгновенно пресекаются. Оружие агентам подбирается согласно их специализации и роли в охране: 9-, 10-, 11,43-мм пистолеты, автоматы МР-5 «Хеклер и Кох», пулеметы, снайперские винтовки, гранаты, телескопические дубинки и многие другие марки оружия (используемые модели постоянно обновляются), отвечающие требованиям и задачам охраны.

Существует в секретной службе и «взвод четвероногих», который состоит из псов бельгийских и других пород. Собаки обнюхивают на предмет взрывчатки все вещи входящих в Белый дом посетителей, а также президентский лимузин и вертолет — каждый раз перед отправлением. После них агенты делают еще одну проверку самостоятельно. Имеются аналитическое подразделение секретной службы и подразделение, которое изучает корреспонденцию, адресованную президенту, если она содержит угрозы или важную информацию, а также реагирует на них и принимает превентивные меры.

На сегодняшний день секретной службой также охраняются: вице-президент, бывшие президенты и их жены, дети, правительственные здания, главы

иностранных государств, находящиеся в США с официальным визитом, обеспечиваются зарубежные визиты высокопоставленных представителей администрации США. Службой расследуются наиболее крупные случаи финансовых махинаций, в том числе финансовые преступления с использованием современных компьютерных технологий и подделка ценных бумаг. Однако все охраняемые лица, за исключением самого президента и вице-президента, могут отказаться от положенной им охраны, а срок охраны ушедшего с поста президента ограничен с 1997 года десятью годами.

Секретной службой при подборе охраны и ее руководителей учитываются и личные особенности охраняемого лица: характер, возраст, здоровье, привычки и многое другое. Например, при охране Боба Доула приходилось учитывать такую важную особенность: его правая рука была парализована. Специальные агенты предусматривали возможные в связи с этим ситуации в охране и житейских ситуациях. Также в свое время при выборе нового директора секретной службы Элджея Баурона для нового президента Билла Клинтона предусмотрительно учитывались не только его квалификация и компетентность, важным аргументом был и его сравнительно молодой возраст — 42 года. Дело в том, что Клинтон являлся гораздо более непоседливым и любящим встречаться с общественностью, чем его предшественники в Белом доме Рональд Рейган и Джордж Буш-старший. Популистская готовность Клинтона, имевшего прозвище от охраны — «Орел», заговаривать с прохожими и стремление напрямую пообщаться с людьми создавали дополнительные проблемы. Тогда Белый дом и решил, что у охранников молодого энергичного президента США тоже должен быть такой же молодой и энергичный руководитель. На самом деле Баурон не являлся новичком в работе правоохранительных органов: свою карьеру он начинал в полицейском управлении Детройта, затем, в 1974 году, перешел на работу в секретную службу, где до последнего назначения трудился помощником директора этой службы и отвечал за текущие «защитные операции» по охране самого президента и вице-президента. Период охраны самого Клинтона нельзя назвать спокойным, так как у этого президента хватало «недоброжелателей». Ведь он проводил агрессивную, а иногда и противоречивую, внешнюю и внутреннюю политику. Его решения и поступки порой трудно было предсказать.

Большую часть сотрудников секретной службы (9 из 10) составляют

мероприятий используется поддержка со стороны местных полицейских и военных подразделений, федеральных, окружных и местных органов исполнительной власти. До прибытия на место охраняемого лица руководитель выездной (передовой) группы должен ввести в курс дела всех участвующих представителей служб, для чего проводится инструктаж персонала на местах, определяются варианты связи и радиочастоты, намечается порядок действий в экстремальных и нестандартных ситуациях. Незадолго до проезда охраняемого лица на маршруте устанавливаются контрольные пункты, вводятся ограничения на свободный проход и проезд посторонних лиц. Основная роль в этих мероприятиях отводится местным полицейским подразделениям. Во время поездки центр (секретная служба в Вашингтоне) координирует действия выездной группы, а после поездки осуществляет анализ и подведение итогов, изучение письменных отчетов о проведенном мероприятии. Если визит планируется в какие-либо «проблемные» страны, то передовая группа охраны прибывает заранее. Это время может быть от двух недель до двух месяцев.

При обеспечении визита (поездки) используется штатное контрснайперское подразделение, а также усиление — контртеррористическая группа (с 1970 года), которая способна силовыми действиями нейтрализовать нападавших и обеспечить эвакуацию президента из зоны обстрела и нападения до прибытия подкрепления.

мужчины, средний возраст которых примерно 36 лет, как правило, поработавшие в других федеральных правоохранительных органах или министерстве обороны и, конечно, положительно там себя зарекомендовавшие. Специальные агенты проходят службу попеременно в различных подразделениях, чем достигается универсальность их специальной подготовки и дается возможность продолжать карьеру агента с изменением возрастной категории. В их составе имеется большое количество квалифицированных специалистов по вопросам безопасности, электроники, связи, оружия и взрывного дела, полиграфии, разведки, психологии, юриспруденции, экспертов по компьютерной технике и программистов, химиков, специалистов в других необходимых областях. В конце карьеры специальные агенты имеют право на досрочную пенсию из-за больших нагрузок и нервного истощения на службе. Зарплата сотрудников секретной службы (свыше 4.000 долларов США) и льготы значительно превышают денежное довольствие их коллег из других силовых ведомств. Те агенты «сикрет сервис», которые попадают на глаза простым обывателям и журналистам на выездных мероприятиях или в Белом доме, обычно имеют спортивный, подтянутый вид, правильные манеры. Они пользуются скрытой гарнитурой связи и темными очками при необходимости скрытного контрнаблюдения или защиты от яркого света (солнца, вспышек), а на их одежде иногда могут быть значки круглой формы, обозначающие принадлежность к службе безопасности. Иногда подобные знаки специально изготавливают под отдельные важные события, они служат для упрощения идентификации и быстрого взаимодействия во время мероприятий с представителями других служб и ведомств.

Получить работу в секретной службе США весьма непросто, несмотря на то, что эта работа связана с риском для жизни и здоровья (к примеру, за 1999 год погиб 31 сотрудник секретной службы). Обычно свободных вакансий немного, а прием осуществляется на конкурсной основе. Кандидат должен быть гражданином США, иметь возраст от 21 года до 35 лет, диплом бакалавра о высшем образовании (если он претендует на должность специального агента) и трехлетний стаж работы, из которых два года службы в уголовной полиции. Кандидат должен иметь права на вождение автомашины, свидетельство о безупречном прохождении службы в полиции, добропорядочную личную биографию, а также справку о

состоянии здоровья с указанием пригодности к службе в полиции (отсутствие случаев приема наркотиков). Все кандидаты, отвечающие приведенным требованиям, подвергаются письменным экзаменам и проверке физической подготовки. Только тогда лучшие из них приглашаются на дальнейшее личное собеседование, которое завершается проверкой на детекторе лжи. Кандидаты без высшего образования могут претендовать в будущем только на должности охранников. Лица, успешно сдавшие экзамены и прошедшие все испытания, вносятся в списки ожидания кандидатов и лишь при освобождении соответствующей должности могут быть приняты в будущем на работу в одно из подразделений секретной службы США. Подготовка специальных агентов проводится сначала в учебном центре (Federal Law Enforcement Training Center) в Гленко (штат Джорджия), а затем в Академии секретной службы в Белтсвиле (штат Мэриленд) свыше 11 недель. Также проводится подготовка в специальном учебном центре секретной службы в Вашингтоне (федеральный округ Колумбия), а начальная подготовка (9 недель) — в Куантико (штат Джорджия). Основными учебными дисциплинами являются: огневая и оперативная подготовка, тактика, приемы физической защиты (взаимодействие в группе), уголовное право, ведение криминальных расследований, дипломатический протокол, законодательство о полиции, самооборона (боевые искусства), неотложная медицинская помощь, психология, работа с общественностью. Изучение теоретических предметов подкрепляется обязательной практикой в различных полицейских подразделениях. Для получения квалификации специального агента секретной службы США особое значение имеют оценки и результаты по огневой подготовке и спортивным дисциплинам, которые во многом определяют дальнейшую карьеру сотрудника. В отличие от охранника секретной службы специальные агенты имеют право самостоятельного расследования и получают больший курс подготовки.

Примечательно, что в секретной службе существует программа привлечения молодых кадров: на временную работу клерков и на решение других второстепенных задач привлекаются школьники (с 16 лет) и студенты высших учебных заведений. В ходе работы

у учащихся появляется возможность немного заработать, а у службы — приоткрыться и подобрать себе будущие ценные кадры.

Опыт секретной службы предоставляется лояльным США спецслужбам других стран. Если рассмотреть опыт и навыки осуществления личной охраны и безопасности в Японии (управление охраны особо важных лиц при главном полицейском управлении Японии), то выяснится, что первые уроки современной организации системы охраны VIP-персон японцы скрупулезно брали у американской секретной службы. Необходимые деловые контакты японской охраны с секретной службой США появились во время визита в Токио 38-го президента США Джеральда Форда в 1974 году. Тогда помнили и ножевое ранение посла США Эдвина Рейшауэра в 1964 году, и совершенные нападения на самих японских премьер-министров, а также других видных политических деятелей этой страны, приведшие к их ранениям и даже гибели. Примером дальнейшего успешного взаимодействия и сотрудничества с японской спецслужбой можно считать последовавший визит Рональда Рейгана в ноябре 1983 года в Токио, где, по словам Джорджа Симпсона (в то время бывшего начальником охраны американского президента), «было сделано все, и даже немного больше», а также все последующие визиты в Японию президентов и высокопоставленных чиновников администрации США.

Путь становления секретной службы США — это более чем 140-летний путь побед и поражений, но во всем мире она уже давно признана одной из лидирующих мировых школ — по обеспечению личной безопасности и работе телохранителей. Количество сотрудников секретной службы за XX век выросло в 100 раз, и она занимает достойное место среди силовых структур США. ★

■ Агент «сикрет сервис»

ЗОНДЕР-ПАТРОНЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Автор этого материала Юрий Бушин на протяжении нескольких лет занимается исследованием истории разработки безгильзовых боеприпасов. Данная тема до сих пор еще недостаточно изучена, многое в ней остается малоизвестным для широкой читательской аудитории. Поэтому мы и сочли нужным опубликовать эту статью, посвященную немецким разработкам малокалиберных активно-реактивных патронов. Как указывает автор, данный материал базируется на собранных им отчетах о послевоенном изучении союзниками трофейной документации и образцов, вывезенных в США, Францию и Великобританию.

Юрий БУШИН

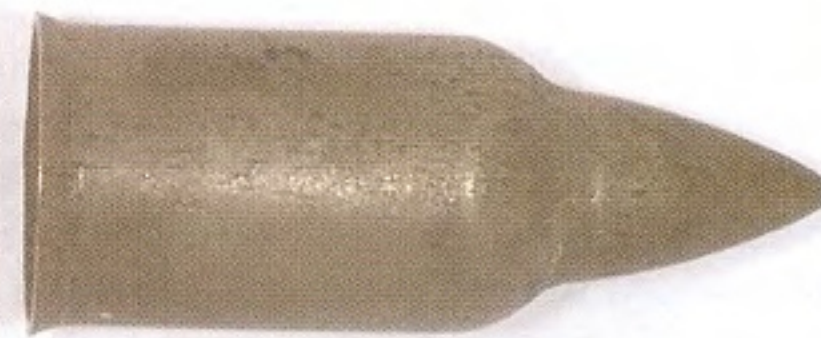
Автор выражает благодарность Мэлу Карпентеру, Лью Куртису, Джину Ренарду, Филиппу Регенштрейфу, Тони Уильямсу, Биллу Вудину и Woodin Lab за оказанное содействие и предоставленные материалы.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вот уже более шестидесяти лет минуло с тех пор, как перестали быть секретом ракетные разработки третьего рейха. Однако и сегодня не перестают изумлять масштабы и достижения немецких ракетчиков. За десять лет ими были созданы ракеты с жидкостными и твердотопливными двигателями, крылатые и баллистические, управляемые и неуправляемые, ракеты различного базирования, противотанковые гранатометы и первые переносные зенитные ракетные комплексы. Вклад инженеров третьего рейха в ракетостроение огромен. Вместе с тем активно искались пути практического применения ракетных разработок и в других областях, включая стрелковое оружие. Описанию именно такого весьма оригинального применения принципов реактивного движения посвящена данная статья.

Необходимо отметить, что немцы не были первооткрывателями в области разработки малокалиберных реактивных боеприпасов. Первые активно-реактивные выстрелы появились в XIX веке. Так, в 1834 году в Дании была разработана реактивная мушкетная пуля Восса, а в США в 1848 году появилась реактивная пуля Ханта.

Заслуга немецких разработчиков состоит в том, что они вывели конструкцию и технологию изготовления этих боеприпасов на более высокий уровень. Работы над такими боеприпасами в Германии начались в 1930-х годах и велись по двум направлениям. У выстрелов первого типа метательный заряд полностью выгорал до выхода пули из канала ствола, и она покидала его, продолжая полет по обычной

■ Примерно так могла выглядеть пуля Вебера со сворачиваемой оболочкой. На фото аналогичная послевоенная разработка

баллистической траектории. Вторым направлением было создание боеприпасов, вылетающих из ствола оружия с работающим двигателем. При этом разгон пули до максимальной скорости происходил на траектории.

КОНСТРУКТИВНЫЕ ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Ради чего немцы решили заняться разработкой патронов принципиально новой конструкции? Безусловно, ради тех выгод, которые сулил активно-реактивный выстрел. Таковым он является потому, что в рассматриваемых боеприпасах процесс выстрела происходит с закрытой камерой. Благодаря этому разгон пули обеспечивается как за счет действия реактивной силы истекающих пороховых газов, так и за счет давления, создаваемого этими же газами в канале ствола и воздействующего на донную часть пули. Плюсы от использования реактивного двигателя заключаются в следующем:

1. Из-за низкого давления в канале ствола (на порядок меньше, чем в обычном стрелковом оружии) уменьшается импульс отдачи от выстрела, появляется возможность значительно

сократить массу ствола и запирающих механизмов. А это ведет к облегчению оружия, к уменьшению расхода высоколегированных материалов и упрощению конструкции и технологии производства наиболее трудоемких деталей.

2. В таких боеприпасах отсутствует гильза. То есть в реактивной пуле вся конструкция боеприпаса участвует в поражении цели. В обычном унитарном патроне гильзе отводится роль сборочного элемента, назначение которого сводится к обеспечению obturation пороховых газов и объединению воедино пули, порохового заряда и капсюля-воспламенителя. Также гильза защищает порох и капсюль-воспламенитель от негативного воздействия окружающей среды при хранении и транспортировке боеприпасов. При этом на паразитную массу гильзы приходится до 50 процентов от массы всего патрона. Гильза является очень трудоемким в производстве элементом, для изготовления которого требуется выполнение более двухсот различных операций. Несмотря на очевидные достоинства конструкции унитарного патрона, во время стрельбы именно гильза становится одной из основных причин возникающих задер-

жек и поломок оружия. А для обеспечения экстракции стреляной гильзы используются сложные устройства, на которые приходится существенная часть стоимости оружия.

3. Если пуля обычного патрона теряет скорость, начиная с момента выхода из канала ствола, то использование пули с реактивным двигателем позволяет обеспечить различные режимы полета, например, низкоскоростной старт с дальнейшим разгоном до максимальной скорости на траектории.

Теперь отметим минусы, свойственные такой системе.

1. Для обеспечения равных скоростей с пулей унитарного патрона реактивной пуле понадобится значительно больший пороховой заряд. А это означает, что размеры такого боеприпаса при равном калибре и массе в сравнении с обычной пулей будут значительно больше.

2. Перегрузки, действующие на пулю при выстреле, создают проблемы с обеспечением стабильности работы порохового заряда двигателя. При этом всегда сохраняется вероятность получения стрелком травмы от газов пули, вылетающей из ствола с работающим двигателем.

3. Большое удлинение пули создает проблемы с ее стабилизацией в полете, что приводит к ухудшению кучности стрельбы.

4. Воздействие реактивной струи пороховых газов на канал ствола способно привести к его быстрому изнашиванию.

5. При равной массе по сравнению с пулями унитарного патрона реактивные пули будут иметь худшие параметры бронепробиваемости.

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ, ПЕРВЫЕ ПАТРОНЫ

О ранних разработках активно-реактивных малокалиберных выстрелов в Германии известно немного. Так, в 1930-х годах доктором Вебером была предложена конструкция реактивной пули с деформируемой оболочкой. Внутри патрона-пули размещался пороховой заряд. В донной части пули располагался капсюль-воспламенитель. Большая часть оболочки пули имела диаметр, больший диаметра канала ствола. При выстреле и входе пули в канал ствола ее оболочка обжималась и сворачивалась, принимая выгодную аэродинамическую форму. Такая схема требовала, чтобы материал оболочки пули обладал специфическими свойствами — он должен был быть прочным и выдерживать действие

разнонаправленных сил и одновременно мягким, чтобы снизить потери энергии при деформации и трении о стенки ствола. Для создания деформируемой пули предполагалось использовать сплав на основе редкоземельных металлов, например платины.

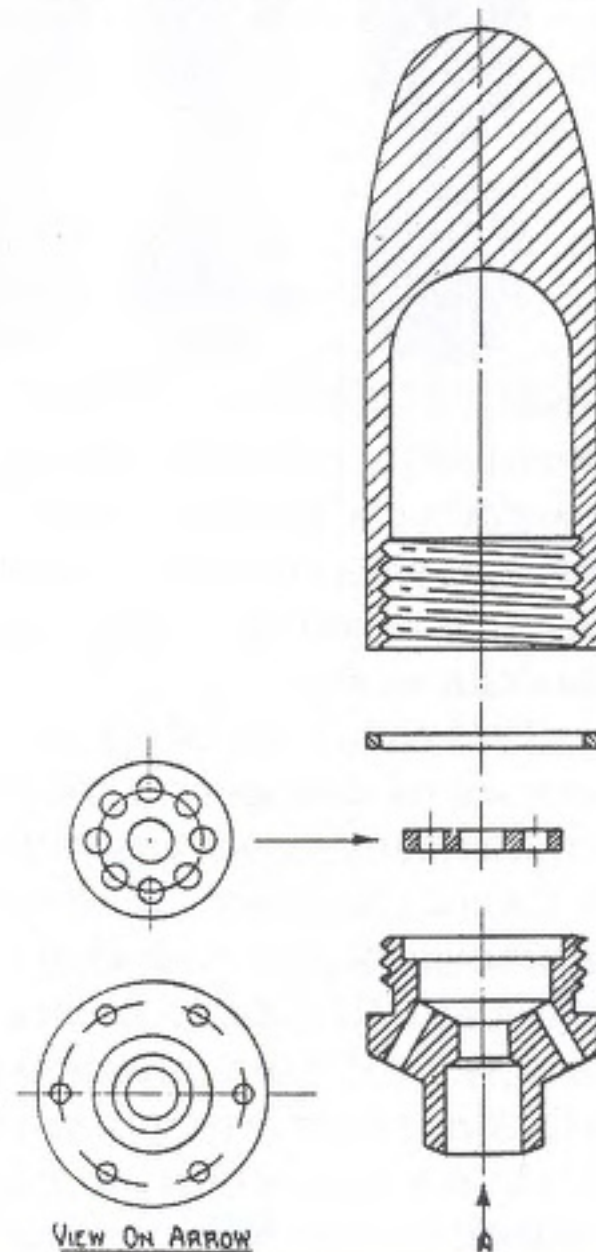
В 1935 году доктором Манфредом Земпером из Гамбурга был получен патент, описывающий уже не столь экзотическую конструкцию малокалиберного активно-реактивного патрона для ручного автоматического оружия. Патрон Земпера представляет собой обычную 9-мм пулю «парабеллум» с удлиненной оболочкой. В образующую за свинцовым сердечником полость (примерно 1/3 от длины пули) помещается прессованный пороховой заряд. Капсюль-воспламенитель ударного действия фиксируется в донной части закраины оболочки пули. В каком-то смысле предложенная конструкция патрона является реактивной пулей Ханта, только на более современный лад.

Основные же разработки подобных боеприпасов связаны с именем доктора Генриха Лангвайлера, известного специалиста по баллистике. В июне 1939 года им был опубликован доклад под названием «Impuls-Antrieb» (импульсное движение), в котором была предложена концепция улучшения баллистических характеристик пули за счет обеспечения постоянной величины давления пороховых газов в канале ствола. Достигнуть этого предполагалось созданием активно-реактивного выстрела, состоящего из обычной гильзы, насыпного порохового заряда и пули, снаряженной пороховой шашкой, форма пороховых зерен и состав которой были подобраны таким образом, чтобы поддерживать в стволе оружия постоянную величину давления пороховых газов вплоть до выгорания всего метательного заряда и выхода пули из ствола. Как считал Лангвайлер, такая схема устройства позволила бы значительно увеличить начальную скорость пули.

В Германии довольно серьезно отнеслись к этому предложению, и в начале 1940-х годов к изучению перспективного направления был привлечен ряд немецких предприятий. Первые опыты были проведены на базе HASAG в Берлине. Первый активно-реактивный патрон был создан на основе обычного патрона калибра 7,92x57 мм «маузер» с трассирующей пулей. Гильза снаряжалась навеской обычного пороха массой 2,9 грамма, а заряд трассера в пуле заменен шашкой нитроцеллюлозного пороха массой 0,3 грамма. Воспламенение дополнительно-

го порохового заряда происходило при выстреле действием пороховых газов. По результатам стрельб из баллистического ствола длиной 1.000 мм было зафиксировано увеличение начальной скорости пули по сравнению с аналогичным патроном с обычной пулей на 45 м/с. В дальнейшем в лабораторных условиях Лангвайлером была достигнута максимальная скорость пули — 2.790 м/с. Фактически же величину скорости пули ограничивали только удельный импульс реактивного двигателя и механическая прочность пули.

По итогам этих экспериментов

■ Схема устройства 9-мм ракеты Лангвайлера из британского отчета

немцы пришли к решению о необходимости разработки принципиально новой конструкции патрона. Было решено отказаться от вышибного заряда и гильзы патрона и увеличить внутренний объем пули, поместив весь пороховой заряд внутри нее. Выбор был остановлен на патроне калибра 8,9 мм.

Патрон, известный как Sonder Patrone (зондер-патрон, то есть специальный патрон (нем.), или 9-мм Langweiler Rakete (ракета Лангвайлера), по некоторым данным, разрабатывался под контролем специалистов СС. Сведения о том, какие фирмы и что именно разрабатывали, неполны и противоречивы.

ПО СЛЕДАМ СЕКРЕТНЫХ РАЗРАБОТОК

Информация, которая приводит-ся далее, по мнению автора, внушает доверие и позволяет оценить уровень

■ Различные варианты 9-мм реактивных пуль Лангвайлера

разработок активно-реактивных боеприпасов в третьем рейхе, а также демонстрирует последующий высокий интерес к ним со стороны специалистов стран-победителей.

В апреле 1945 года Хуго Шмайсер и его брат были взяты под арест и допрошены британскими разведчиками и военными специалистами. В отчете капитана британской разведки Поларда говорится, что Шмайсер показал на допросе: для стрельбы опытными активно-реактивными 9-мм патронами использовался переделанный пистолет-пулемет его конструкции с гладким стволом. По утверждению Шмайсера, в ходе испытаний отрабатывались патроны с различными марками пороха.

Что касается разработки активно-реактивного патрона калибра 7,92 мм, то конструкция, судя по показаниям одного из немецких специалистов, была неудачной, и интерес к ней был практически сразу потерян всеми ведомствами, за исключением люфтваффе. Последних заинтересовала перспектива получения боеприпасов и оружия значительно меньшей массы по сравнению с состоящими на вооружении системами.

Полард отмечает, что британцы располагают сведениями о выпуске на фабриках Walther партии опытных 9-мм ракет — порядка 5.000 штук. Патроны были отправлены для снаряжения на одну из фабрик D.W.M. в Борзигвалд или в Виттенберг, но обе фабрики попали в советскую зону влияния, и британцы не смогли установить их дальнейшую судьбу.

Из показаний, данных британцам главным инженером Хагнером, химиком Штреке и другими специалистами

ми D.W.M., следует, что на фабрике в Любеке также велись разработки аналогичных боеприпасов для проверки идей Лангвайлера на практике. Например, там был разработан специальный баллистический ствол, в стенки которого в специальные желоба запрессовывался пороховой заряд. По мере движения пули по стволу она поджигала порох, горение которого поддерживало постоянную величину давления газов в канале ствола. Для опытных активно-реактивных патронов Штреке разрабатывался специальный порох, состоящий из гранул различного профиля, смешанных и

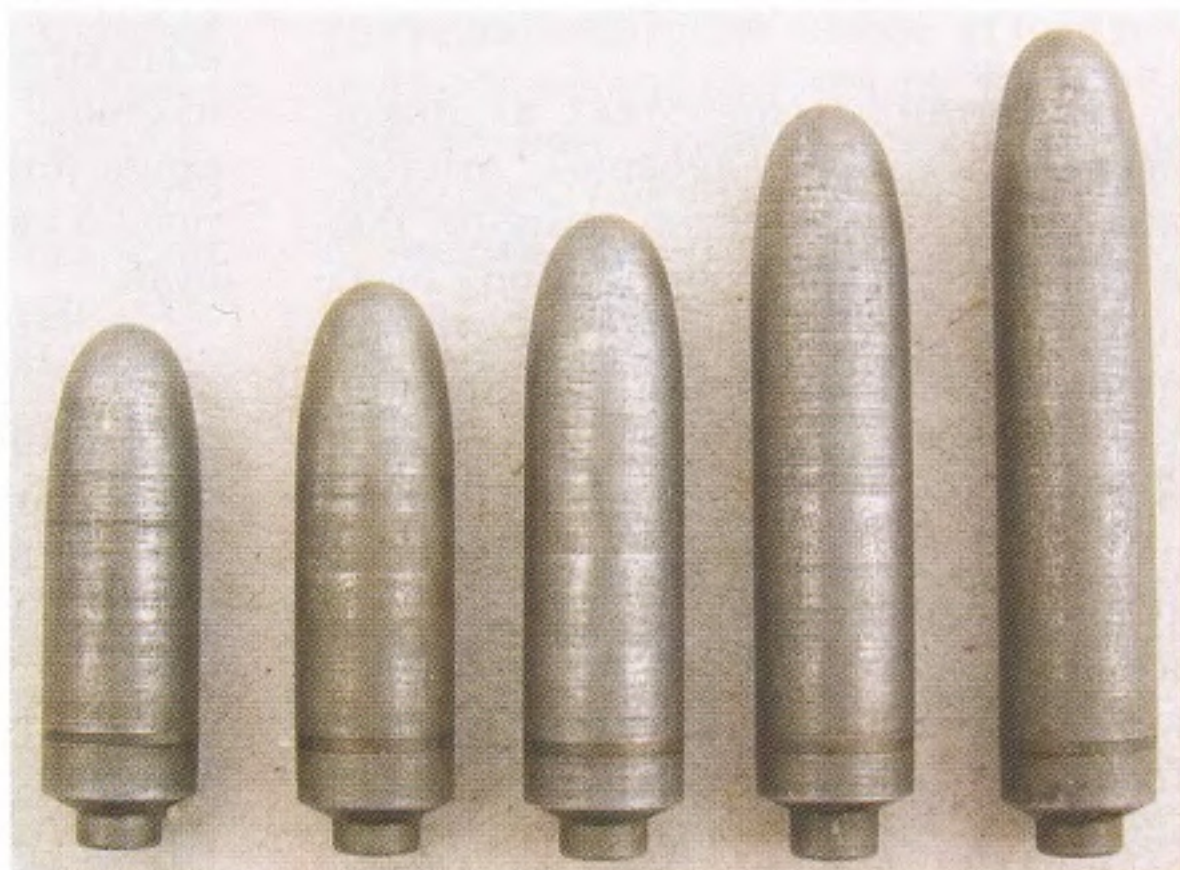
сориентированных в особом порядке. Несколько 9-мм ракет, найденных английскими специалистами на фабрике в Любеке, было отправлено для изучения в Великобританию.

Определенно известно, что в разработке зондер-патронов участвовали компании Polte (Магдебург) и Zelia-Mehlis, отвечавшие за подготовку чертежей и переделку оружия. Всего в промежуток с 1943 по 1945 год было разработано минимум семь вариантов ракет, отличавшихся длиной — от 29,35 мм до 48 мм — и рядом других конструктивных особенностей. Все ракеты вытачивались из стальной заготовки и состояли из двух частей: передней — баллистического колпачка, повторяющего форму обычной 9-мм пули, и донца пули, ввинчивающегося в колпачок. В донце пули размещался капсюль-воспламенитель, вокруг которого располагалось от 6 до 8 сопел, сориентированных параллельно продольной оси ракеты или наклоненных на 25°. Диаметр сопел варьировался у разных типов ракет в пределах 1,5–2 мм. Ранние конструкции ракет снаряжались шашкой из прессованного пороха марки RPF № 43. Некоторые типы опытных ракет имели вкладную диафрагму в виде диска с шестью отверстиями диаметром 1,5–2 мм. Диафрагма предназначалась для предотвращения закупорки сопла несгоревшими пороховыми зернами, что могло привес-

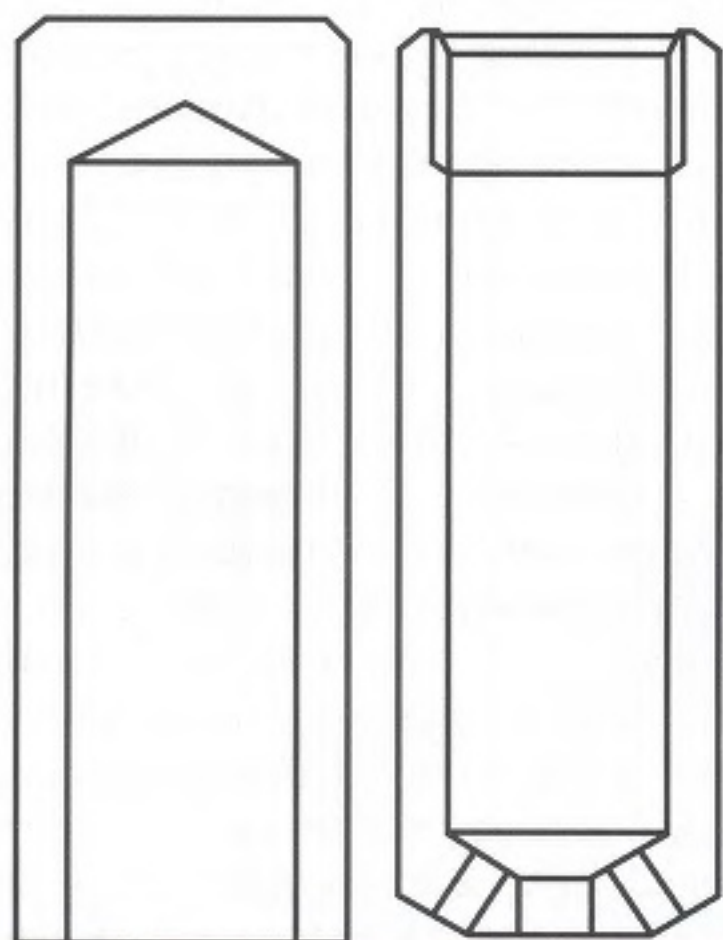
ти к скачку давления внутри ракеты и ее разрушению. В дальнейшем немцы отказались от использования диафрагмы, чему может быть несколько объяснений: либо была разработана пороховая шашка, не разрушающаяся на крупные куски при горении, либо испытания показали, что разрыв ракет от закупорки сопел не происходило.

При выстреле пиковое давление в патроннике оружия не превышало 25 МПа, что было на порядок меньше по сравнению с обычным 9-мм патроном. Максимальная скорость ракеты на выходе из ствола составляла 365 м/с. Тестовые стрельбы осуществлялись из гладкого баллистического ствола длиной 500 мм. Поперечник рассеивания на дальности 20 метров составлял порядка 200 мм (более подробные данные о характере испытаний отсутствуют). Известно, что для опытных стрельб использовался не только доработанный пистолет-пулемет Шмайсера, но и пистолет Walther с гладким стволом. Низкая кучность стрельбы, скорее всего, объяснялась плохой стабилизацией ракеты, не имевшей закрутки, в чем убедились британцы после воссоздания по немецким чертежам аналогичных ракет.

Согласно британским источникам, на фабрике Walther проектировали активно-реактивный патрон с капсюлем электрического воспламенения, что, по мнению конструкторов, позволило бы улучшить характеристики воспламенения порохового заряда и увеличить начальную скорость пули до 520 м/с. Также в Walther прорабатывались возможные варианты конструкции патронов с разрывной пулей и другими боевыми частями. Но все наработки инженеров Walther

■ Обнаруженные в 1970-е годы 9-мм реактивные пули с ведущим медным пояском разработки Шурка, D.W.M.

■ Схемы устройства британских реактивных 9-мм пуль. Слева – проект № 341/56, справа – № 338/56

были безвозвратно утеряны или уничтожены работниками фабрики до захвата союзниками.

...Уже в 1970-х годах в ФРГ, после смерти конструктора А. Шурка, работавшего на фабрике D.W.M., было обнаружено несколько вариантов 9-мм ракет. Они имели медный ведущий поясок, образуемый вкладной медной шайбой между двумя частями корпуса ракеты. Вероятно, в поисках путей улучшения баллистических характеристик выстрела немцы пробовали перейти на нарезное оружие.

А тогда, в 1945 году, одним из первых на фабрике Walther побывал американский полковник Констент, вывезший в США большую часть документации по зондер-патронам. В то же время полковник Джарретт вывез из офиса Walther в США 11 экземпляров 9-мм ракет. Никому из союзников не удалось обнаружить оружие, использовавшееся для испытаний боеприпасов, которое было либо спрятано, либо уничтожено немцами. Известно лишь, что оружие и патроны испытывались на полигоне Polte в Магдебурге, попавшем в советскую зону влияния.

«ВТОРАЯ ЖИЗНЬ» ТРОФЕЙНЫХ ЧЕРТЕЖЕЙ

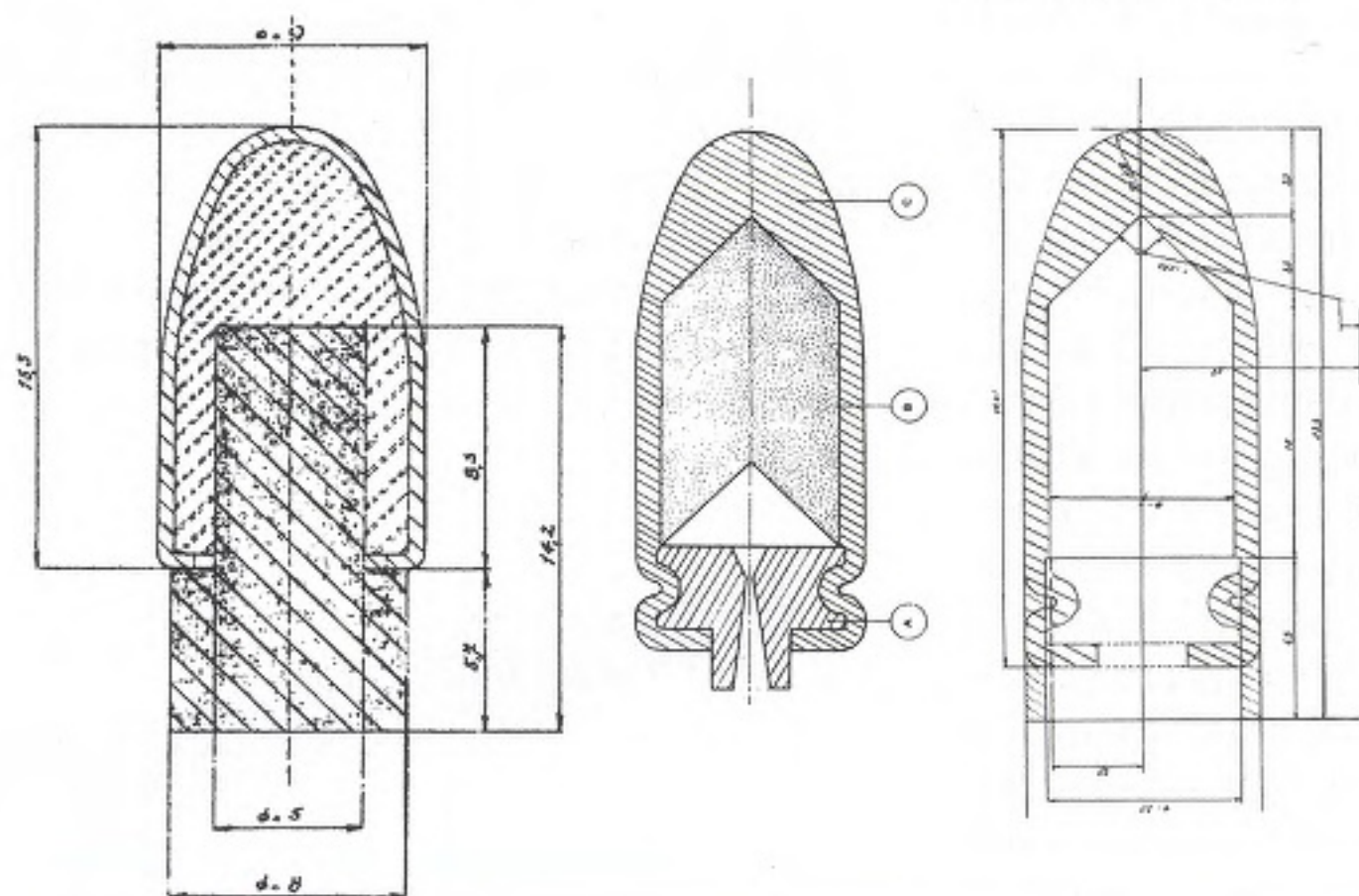
Активному изучению немецкие разработки подверглись сразу по окончании войны – в Великобритании и Франции, а позднее и в США.

В августе 1945 года англичане развернули собственные опытно-конструкторские работы по созданию 9-мм активно-реактивных патронов на основе трофейных чертежей. К январю 1946 года были изготовлены первые прототипы

ракет. Работа шла сразу по нескольким направлениям – копирование немецкого патрона и создание более дешевого аналога собственной разработки, известного как «British 9-mm Rocket Bullet». Проект № 341/56 представлял собой примитивную ракету, вытачиваемую из стальной заготовки. Ракета снаряжалась капсюлем-воспламенителем от дробового патрона 12-го калибра. Опытные стрельбы, осуществлявшиеся из гладкого баллистического ствола, доказали жизнеспособность проекта.

Следующий проект № 338/56 представлял собой упрощенный аналог немецкой ракеты. Ее корпус состоял из цельной точеной детали с донцем, аналогичным немецкой ракете. Вокруг капсюля под углом 30° располагалось шесть сопел. Сверху в корпус ракеты запрессовывалась дюралева втулка. В ходе испытаний на полигоне англичане столкнулись с рядом проблем. Например, дюрелевая втулка не выдерживала давления внутри ракеты, что приводило к ее разрушению. Проблему удалось решить изготовлением втулки из стали. На базе этой ракеты англичанам удалось отработать систему воспламенения метательного заряда.

Для дальнейшей доработки был выбран проект № 341/56. К марту 1947 года была изготовлена небольшая партия патронов с корпусом от ракеты проекта № 341/56 и донной частью от ракеты проекта № 338/56 в количестве 250 штук. Для улучшения баллистических характеристик ракеты снаряжались порошком прогрессивного горения марки P.16454. Но 29 августа 1947 года программа по разработке реактивных пуль была закрыта ввиду малой эффективности боеприпасов.

■ Схемы устройства французских реактивных пуль конструкции Рожерона. Слева – опытный патрон с прессованной пороховой шашкой, справа – два варианта реактивных пуль с соплом различной конфигурации

ДОБИЛИСЬ УСПЕХА САМИ, НО...

С большим вниманием к немецким реактивным пулям отнеслись и во Франции. Командование вооруженных сил Франции получило информацию о немецких разработках и активном интересе британцев к этим боеприпасам. При этом вся документация и образцы были вывезены, как упоминалось выше, американцами и англичанами (возможно, и русскими).

Французы вынуждены были начать свои разработки с нуля. В августе 1946 года французское командование поручило ведущему конструктору вооружений М. Рожерону изучить перспективность этого направления. Опытно-конструкторские работы по разработке реактивной пули BALLE RACTION, эквивалентной или превосходящей по баллистическим характеристикам патрон калибра 9 мм «парабеллум», были начаты уже в сентябре. К февралю 1947 года Рожерон подготовил первые чертежи и расчеты внешней и внутренней баллистики патрона с реактивной пулей. За основу была взята гильза обычного патрона калибра 9x19 мм, но по неизвестной причине удлиненная до 20 мм. При массе реактивной пули 4,56 грамма (против 6,45 грамма обычной пули) проектная начальная скорость должна была составлять 515 м/с (против 335 м/с обычной пули). К началу 1948 года была изготовлена первая партия опытных патронов в количестве 30 штук, произведенных переснаряжением немецких гильз 08 m.E и американских W.R.A.

К апрельским испытаниям в том же году было подготовлено четыре типа патронов:

1. Контрольный 9-мм патрон в немецкой стальной лакированной

гильзе с пулей массой 6,42 грамма, пороховым зарядом 0,37 грамма марки Nz. Pistol powder (n.A.).

2. 9-мм патрон с пулей массой 6,195 грамма от американского патрона с прессованной пороховой шашкой марки Nz. Pistol powder (n.A.) массой 0,22 грамма.

■ Американская копия немецкой 9-мм ракеты

Пуля снаряжалась в стальную лакированную немецкую гильзу той же партии, что и контрольный патрон № 1.

3. Активно-реактивный патрон с 9-мм реактивной пулей, разработанной в STA, с мягкой стальной оболочкой. Пуля имела массу 6,815 грамма и снаряжалась пороховым зарядом марки SD массой 0,49 грамма. Диаметр сопла составлял всего 0,3 мм.

4. Второй контрольный патрон калибра 9x19 мм производства фирмы Winchester.

Все четыре патрона отстреливались из одного оружия — пистолета-пулемета «Стен». Результаты стрельбы были довольно интересными. Стрельба контрольными патронами № 1 и № 4 дала ожидаемые результаты — скорость пули на дальности 10 метров от среза ствола составляла 430–440 м/с для патрона № 1 и 386–395 м/с для патрона № 4. Скорость реактивной пули патрона № 2 с прессованным пороховым зарядом на той же дальности составляла 270–290 м/с, а отстрел патронов с реактивными пулями № 3 показал скорость всего лишь порядка 305–322 м/с против расчетных 500 м/с. На месте было выдвинуто предположение, что такая низкая начальная скорость была связана с не полностью выгорающим метательным зарядом.

Для выяснения причин низкой начальной скорости шесть патронов было отстреляно с дистанции 20 метров в деревянные щиты. Распил стреляных пуль показал, что в пяти пулях метательный заряд практически полностью не сгорел, состояние шестой пули не позволяло установить судьбу порохового заряда. Спешным порядком на полигоне были модернизированы два патрона — диаметры сопла были увеличены: у одной пули до 0,6 мм, а у другой до 0,8 мм. Отстрел модернизированных образцов позволил добиться полного сгорания метательного заряда, но скорость 500 м/с так и не была достигнута. 12 мая 1948 года был подготовлен результирующий отчет, согласно которому основные проблемы с надежностью

воспламенения и полным выгоранием метательного заряда связывались с небольшим диаметром сопла пули. В том же 1948 году французская программа по разработке 9-мм реактивных пуль была закрыта ввиду малой эффективности боеприпаса.

Остается сказать несколько слов о США. Вывезенные туда полковником Джарреттом 11 зондер-патронов, найденных в офисе Walther, попали в распоряжение специалистов ВМФ. В 1954 году образцы были изучены и воспроизведены в исследовательском центре вооружений ВМФ США (штат Калифорния). Американцы попытались улучшить стабилизацию ракет в полете за счет вращения вокруг собственной оси, для чего сопла ракеты наклонили относительно поперечной плоскости сначала на 2°, а затем на 5°. Но ввиду неофициального характера исследования, низкой кучности и малой начальной скорости ракет работы вскоре были прекращены...

ЯПОНСКИЙ ПУТЬ

Отдельно стоит заметить, что разработка активно-реактивных боеприпасов подобной схемы велась не только в Германии, но и в Японии, правда, большего калибра. Там был разработан миномет Кнее с активно-реактивным выстрелом калибра 57 мм.

Наиболее же примечательной японской разработкой была авиационная автоматическая пушка Но-301, предназначенная для вооружения истребите-

лей Nakajima Ki-44-IIc. Использование активно-реактивного выстрела позволяло значительно снизить импульс отдачи, а следовательно и уменьшить массу пушки (она весила всего 49 килограммов). Пушка использовала автоматику Oerlikon: накалывание капсюля происходило при накате затвора, что также позволяло снизить импульс отдачи. Боекомплект составлял 10 выстрелов калибра 40x128 мм, массой 635 граммов каждый. Две трети объема корпуса ракеты заполняла тротиловая шашка массой 62 грамма. Выстрел снаряжался взрывателем контактного действия. Оставшееся место занимала камера сгорания, в которой размещалась прессованная пороховая шашка, обернутая в шелковую ветошь. С тыльной стороны выстрел закрывался навинчивающимся донцем с 12 отверстиями диаметром 3,8 мм каждое, расположенными вокруг капсюля. Максимальная скорость боеприпаса составляла 243,8 м/с. Темп огня пушки — 475 выстрелов в минуту, эффективная дальность огня — 150 метров.

Ввиду низкой надежности работы автоматики японцы отказались от эксплуатации этой пушки, заменив ее вооружением традиционной конструкции.

ПОСТСКРИПТУМ

Нельзя утверждать категорично, но не исключено, что документация, например архив доктора Лангвайлера по малокалиберным немецким активно-реактивным боеприпасам, и, возможно, образцы с фабрик D.W.M. попали в СССР. Как сложилась их судьба, сегодня неизвестно.

Но история разработки малокалиберных активно-реактивных патронов не заканчивается изучением союзниками трофейных боеприпасов. После войны в Европе и США проводились обширные конструкторские работы по созданию аналогичных патронов. Ярчайшим примером являются разработки американской компании MVA, создавшей целый арсенал миниатюрных ракет. Но эти и другие разработки заслуживают отдельного описания. ✖

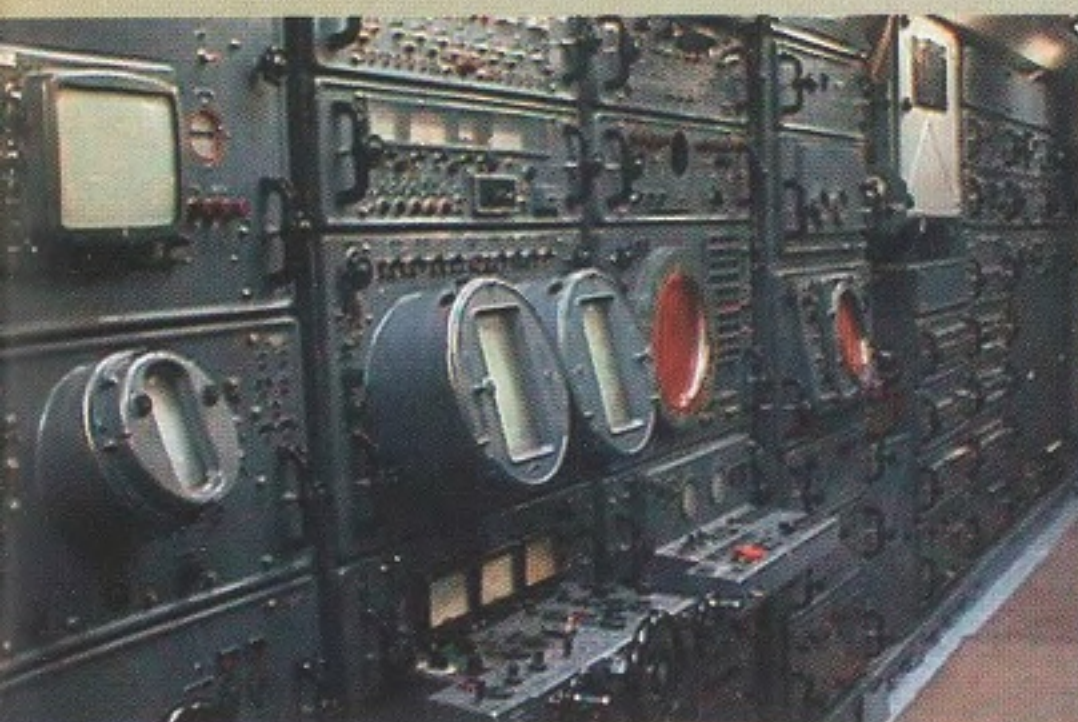
■ Японская автоматическая пушка Но-301

Игорь НИКОЛАЕВ

УБИЙЦА «НЕВИДИМОК»

Новая жизнь старого зенитного ракетного комплекса

Дело было совершенно новое. Что такое 10 километров для реактивного самолета? Пара десятков секунд лета. За это время требовалось обнаружить низколетящий самолет, получить данные его полета, произвести наведение и пуск ракет. Конечно, сейчас, когда боевая техника напичкана быстродействующими компьютерами, эта задача не кажется сложной. Скорее наоборот: «вычислить» самолет или крылатую ракету, определить их координаты, пустить по ним ракету — дело нескольких секунд. Но не будем забывать, что создавался С-125 в конце 1950 годов, когда мало кто слышал само слово «ЭВМ».

Большие проблемы возникли с раз-

работкой средств обнаружения летящих объектов. Говоря проще, выявить самолет, летящий на высоте 200 м со скоростью 420 м/с, на том уровне развития отечественной радиолокационной техники было невероятно сложно. Тем не менее советские специалисты под руководством генерального конструктора А.А. Расплетина успешно справились с поставленной задачей. Были созданы особая аппаратура, антенны, которые позволяли обнаруживать высокоскоростные низколетящие объекты и наводить на них ракеты.

В итоге «нарисовался» общий вид комплекса, включавшего в себя станцию наведения ракет СНР-125, состо-

Разработка известного всему миру зенитного ракетного комплекса «Печора» началась в 1956 году, и уже через пять лет он был принят на вооружение. Впрочем, «Печорой» его называли позже, когда наши друзья из социалистических и развивающихся стран, желающие приобрести комплекс у СССР, выстроились в очередь. А изначально он имел индекс С-125 и создавался для борьбы с низколетящими реактивными самолетами противника, скорости которых достигали 1.500 км/ч. Двухступенчатые твердотопливные ракеты комплекса должны были уничтожать воздушные цели на высотах от 200 до 5.000 м и дальностях от 6 до 10 км.

ящую из антенного поста УНВ и аппаратной кабины УНК, ракетную батарею с 4 пусковыми установками 5П71, систему энергоснабжения с распределительной кабиной УНС и дизель-электрической станцией. В качестве станции разведки и целеуказания комплексу придавалась РЛС типа П15.

Первоначальные испытания комплекса проводились с ракетой 5В24. Однако вскоре была создана более совершенная ракета 5В27, унифицированная с той, что входила в состав морского зенитного ракетного комплекса «Волна». В результате дальняя граница зоны поражения (ЗП) комплекса увеличилась до 13 км, а высота ЗП — до 10 км.

Начиная с 1969 года комплекс под названием «Печора» стал поступать сначала на вооружение армий стран Варшавского договора, а затем и в другие страны. В 1970 году 40 дивизионов С-125 прибыли в Египет, где наши ракетчики быстро «разобрались»

с израильтянами, сбив за два месяца девять самолетов противника и повредив три. Это вынудило Израиль пойти на перемирие. ЗРК «Печора» впоследствии применялись и в других вооруженных конфликтах — в Сирии, Ираке, Мозамбике, Анголе, Ливии, Вьетнаме. Самый громкий факт демонстрации уникальных возможностей комплекса произошел в 1999 году в Югославии, когда ракета «Печоры» сбila самолет-«невидимку» F-117A.

Как и любая перспективная техника, комплекс неоднократно модернизировался. Он «оброс» аппаратурой телевизионного канала визирования цели, аппаратурой борьбы с помехами, опознавания, звукового контроля цели и многими другими техническими новинками. Пусковая установка с двумя ракетами была заменена на четырехракетную. Дальняя граница зоны поражения увеличилась до 25 км, максимальная высота — до 18 км, а минимальная высота снизилась до 20 м. Комплекс мог обстреливать наземные и надводные цели на дальностях до 17 км.

Так продолжалось до 1978 года, когда было принято решение прекратить дальнейшую модернизацию С-125, поскольку она могла помешать внедрению в войска новой системы С-300П.

Трудно судить, насколько разумным было тогда это решение. Конечно, в армию необходимо поставлять только самую современную технику. Но не надо забывать, что она с каждым годом сильно усложняется. Соответственно, быстро растет и цена изделий, которая сейчас достигает астрономических сумм за комплект. В этой связи уже давно светлые головы предлагают по максимуму модернизировать те комплексы, которые еще могут «послужить» в войсках, а при создании новых образцов закладывать в них большой резерв для модернизации, чтобы в будущем, наращивая их возможности,

создавать практически новые изделия с минимальными расходами.

Эта проблема с особой остротой встала после распада СССР. Многим странам, которым мы оказывали всестороннюю поддержку в годы «холодной войны», стало не под силу приобретать новейшие российские комплексы. Вот тогда-то и встал вопрос о модернизации тех, что имелись у них на вооружении. И прежде всего зенитного ракетного комплекса «Печора».

В общей сложности за два десятка лет за рубеж было поставлено свыше 500 комплексов. Упускать такой рынок не следовало. Тем более что, почувствовав вкус больших денег на ниве модернизации «Печоры», в работу активно включились специалисты из Китая, Румынии, Польши, Чехии и других стран. Впрочем, шансов у них было немного, так как все технологические наработки для модернизации имелись лишь у России. И работа закипела.

Что же в итоге получилось? Судите сами. Модернизированный комплекс, названный «Печора-2М», на сегодняшний день имеет следующие характеристики (в скобках даются характеристики последних версий «старой» «Печоры»).

Дальняя граница зоны поражения на высоте 5–20 км составляет при применении ЗУР с модернизированным стартовым двигателем 32 км (25 км). Верхняя граница зоны поражения — до 20 км (до 18 км).

Зона обнаружения цели на высоте 7 км повысилась с 69 км до 100 км. Вероятность поражения целей на дальности до 20 км составляет от 0,72 до 0,99. Максимальная скорость поражаемых целей может достигать свыше 700 м/с.

Элементы нового комплекса «Печора-2М» полностью переведены на колесные автомобильные шасси высокой проходимости МЗКТ-6525 с

колесной формулой 6х6. Они оснащаются V-образными восьмицилиндровыми дизельными двигателями ЯМЗ-238Д мощностью 330 л.с. Скорость на марше может достигать 60 км/ч и выше. Шины переменного давления значительно повышают проходимость машин.

Серьезной модернизации подверглась зенитная управляемая ракета 5В27Д, для которой была разработана новая боевая часть и улучшены показатели стартового двигателя.

На «Печоре-2М» появились новейшие оптические средства. Довольно примитивный телеоптический визир «Карат» заменила двухканальная оптико-электронная система с обеспечением автосопровождения целей в дневных и ночных условиях. Она позволяет обстреливать и уничтожать воздушные цели в условиях подавления радиолокационного канала. Аналогичные оптико-электронные системы стоят сейчас и на модернизированных ЗРК сухопутных войск «Оса-АКМ», «Тор-М1» и «Бук-М1-2». Но в отличие от названных зенитных ракетных комплексов одна «Печора-2М» прикрывает воздушное пространство, на которое потребовалось бы 6–8 комплексов «Оса-АКМ» или «Тор-М1». Уже по одному этому факту можно судить о преимуществах обновленной «Печоры».

За счет применения гидравлических и гидромеханических систем сокращено время свертывания и развертывания комплекса до 25 мин. На старой «Печоре» оно составляло полтора часа. В новом комплексе предусмотрено подключение в зенитный ракетный комплекс до восьми пусковых установок, тогда как раньше число установок не могло превышать четырех.

Значительно повышена живучесть нового комплекса. Во-первых, было увеличено с 70 до 200 метров расстояние между кабиной управления и

антенным постом. Во-вторых, максимальное расстояние от пусковой установки до кабины управления стало достигать 150 метров (70 метров у «Печоры»). В-третьих, у «Печоры-2М» в отличие от своей предшественницы появились радиотехнические средства защиты от противорадиолокационных ракет, средства борьбы с помехами, автономные средства энергоснабжения. Новый комплекс средств связи обеспечивает передачу телекодированной информации как по полевому кабелю, так и по беспроводному радиоканалу.

Почти во всех системах нового комплекса аналоговая аппаратура заменяется на цифровую, что значительно повышает как его быстродействие, так и эффективность. В отличие от «Печоры» на модернизированном комплексе установлена аппаратура ориентирования и топопривязки, что позволяет применять ЗРК без инженерной разведки местности.

Значительно улучшились у «Печоры-2М» и эксплуатационные характеристики. Сокращено с 400 до 150 количество регулировок при эксплуа-

тации и при всех видах технического обслуживания. Появилась аппаратура автоматического функционального контроля и поиска неисправностей. В сто раз — с 3.000 до 300 — уменьшилась номенклатура применяемых запасных частей. 30 процентов вновь вводимой аппаратуры имеет наработку на отказ 20.000 часов, остальные — 2.000–10.000 часов. Это очень серьезный шаг вперед, поскольку у старой «Печоры» наработка на отказ составляла всего 50 часов. И, наконец, улучшены обитаемость и комфортность кабины управления за счет улучшения эргономики внутреннего пространства и установки двух высокопроизводительных малошумных кондиционеров.

К этому следует добавить, что для улучшения качества подготовки ракетчиков и для обеспечения продления ресурса техники на «Печоре-2М» введены цифровой тренажер и аппаратура документирования.

Подводя итог, можно констатировать очевидный факт: на базе «допотопного» ЗРК без значительных финансовых затрат создано практи-

чески новое грозное оружие, способное вести борьбу практически со всеми типами воздушных целей. И лишний раз поражаешься прозорливости и таланту отечественных конструкторов, сумевших заложить в боевую технику такой запас прочности и возможности для модернизации, что она и через полвека после своего создания представляет серьезнейшую угрозу для противника.

В каталоге «Оружие России» об этом комплексе написано следующее: «Предназначен для обороны административных, промышленных и военных объектов от средств воздушного нападения любого типа, действующих на предельно малых, малых и средних высотах. Обеспечивает поражение самолетов стратегической и тактической авиации, крылатых ракет, вертолетов, ДПЛА и других типов малоразмерных низколетящих целей, в том числе выполненных по технологии «стелс».

Согласитесь, о боевых возможностях «Печоры-2М» лучше и не скажешь. ✖

Владимир МОСАЛЁВ
Вадим УШАКОВ

КОММАНДОС СТРАНЫ ТЮЛЬПАНОВ

Вооруженные силы Нидерландов состоят из сухопутных войск, ВВС и ВМС общей численностью около 55 тыс. человек.

Сухопутные войска насчитывают 22 тыс. военнослужащих и 8 тыс. граж-

данских служащих. В армии имеются 16 батальонов: шесть пехотных, три танковых, два артиллерийских, один инженерный, три снабжения и обслуживания и один специального назначения. Батальоны сведены в бригады: авиамобильную (11-я), две механизированные (13-я, 43-я), снабжения (1-я), боевой поддержки (101-я) — и в корпус войск коммандос.

ВВС насчитывают около 17 тыс. военнослужащих и 160 боевых и десантных самолетов и вертолетов, которые сведены в шесть эскадрилий истребителей-бомбардировщиков, две эскадрильи перехватчиков, по одной эскадрилье разведчиков, транспортно-десантных самолетов, две эскадрильи боевых и одну транспортно-десантных вертолетов.

Нидерланды (в переводе с голландского языка «нижние земли») получили свое название в XVI веке, когда французский король Карл V объединил земли в устьях рек Рейн, Маас и Шельда в единое вассальное государство. Неофициальное, но наиболее широко используемое название Голландия страна получила еще в XIII–XIV веках от графства Голландия, занимавшего главенствующее положение среди ряда феодальных владений Франкского государства. Длительные гражданские войны, войны между Францией и Испанией привели к тому, что в 1609 году Испания, владевшая в то время Голландией, носившей название Республика Соединенных Провинций, была вынуждена признать независимость первой в истории буржуазной республики. Победа буржуазной революции обусловила быстрый экономический подъем. Страна стала на путь колониальных захватов и превратилась в крупнейшую колониальную и морскую державу. На этом пути Голландия столкнулась с Испанией, а затем и с Великобританией, войны с которыми ослабили военную и политическую мощь государства, ограничили его торговлю и колониальную экспансию. В годы Первой мировой войны Голландия придерживалась нейтралитета, а во Вторую мировую была захвачена Германией.

Площадь страны — 41,2 тыс. кв. км. Одну седьмую часть территории составляет искусственно осушенное морское дно, а две пятых территории лежат ниже уровня моря, защищенные от Северного моря почти сплошной полосой дюн, плотин и дамб протяженностью свыше 3 тыс. км. Нидерланды являются высокоразвитой индустриально-аграрной страной. Ее еще называют Страной тюльпанов — за невероятную любовь граждан к разведению этих цветов. Государственный язык — голландский, среди верующих около 50% составляют католики, порядка 40% — протестанты.

ВМС насчитывают около 16 тыс. человек и около 40 боевых кораблей основных классов, которые сведены в три противолодочные группы, три группы минно-тральных сил. Кроме того, в составе ВМС есть дивизия морской пехоты, эскадрилья базовой патрульной авиации и эскадрилья палубных вертолетов.

Силы специального назначения имеются в сухопутных войсках и ВМС.

В армии подразделения специальных операций сведены в так называемый армейский корпус войск коммандос — КСТ (Korps Commando Troepen), организованный в основном по подобию английской службы SAS. На КСТ возложены задачи специальной и глубокой разведки, прямых боевых действий и сбора разведывательной информации. При выполнении специальных задач подразделения КСТ осуществляют наблюдение, разведку, атаку целей противника, проводят рейды по тылам, поиск, спасение и эвакуацию гражданского и военного персонала во время проведения контртеррористических операций в кризисных районах, обеспечивают наведение управляемых по лазеру боеприпасов на конечном участке траектории полета.

В силу выполняемых специальных задач подразделения КСТ используются как независимые и напрямую не подчиняются бригадам голландской армии.

В настоящее время в состав КСТ входят один отряд активной службы и два резервных, однако имеется план реорганизации его структуры. По окончании реорганизации КСТ будет состоять из штаба, трех рот специальных операций, роты поддержки и учебной роты.

По составу КСТ аналогичен стандартному пехотному батальону голландской армии. В него организационно входят рота специальных операций (108-я) и две роты разведки и наблюдения (104-я, 105-я). 108-я рота в качестве активного подразделения была воссоздана в начале 1990-х годов и на нее возлагаются задачи проведения боевых действий, диверсионных операций и разведки. Личный состав роты подготовлен для участия в воздушно-десантных, аэромобильных, амфибийно-десантных, арктических и высокогорных операциях. Некоторые спецназовцы прошли подготовку в качестве инструкторов-альпинистов. Подразделение использовалось в Боснии при задержании предполагаемых военных преступников.

104-я рота разведки и наблюдения — патрульное подразделение глубин-

ной разведки. В настоящее время она переведена в резерв. Ее личный состав подготовлен для воздушной высадки на парашютах с больших высот с немедленным раскрытием парашюта (НАНО) и с задержкой раскрытия парашюта до малых высот (HALO), к ведению скрытного наблюдения.

Текущими планами предусмотрен перевод подразделения в активный статус, после чего оно будет именоваться 104-й ротой спецопераций. Такая же судьба ждет и ныне резервную 105-ю роту разведки и наблюдения.

Роты КСТ имеют численность 100 человек и состоят из группы управления и четырех взводов по 16 человек. Каждый взвод имеет свое предназначение: воздушно-десантный, амфибийно-десантный, мобильный и горный.

Личный состав воздушно-десантного взвода в основном специализируется на высадке парашютным способом в тыл противника с самолетов и вертолетов. В районе высадки создаются замаскированные стационарные базы и посты наблюдения численностью до полувзвода (8 человек), которые не вступают в контакт с противником и местным населением. Об обнаруженных целях они докладывают по радио, а при нанесении ударов авиацией или управляемыми боеприпасами осуществляют их наведение с помощью лазерных целеуказателей.

Личный состав амфибийно-десантного взвода высаживается на водную поверхность с вертолетов на парашютах или с помощью тросов с высот до 15 м, подходит к берегу на быстроходных катерах «Ригид Рейдер», надувных лодках «Джемени» с подвесными малошумными моторами или на веслах и на каноэ «Клеппер». В зависимости от способа высадки и выполняемых задач спецназовцы снабжаются дыха-

тельными аппаратами, ластами, средствами подводной навигации и связи. Личный состав этого взвода проходит подготовку и тренировки в подразделениях специальной катерной службы SBS Великобритании и в 7-й голландской эскадре специальных катеров.

Бойцы мобильного взвода специализируются в основном на скрытном проникновении в тыл противника на легких боевых машинах «Лендровер-90», «Лендровер-110», LSV «Хонда 350 СС» и мотоциклах «Хонда 250 СС». На упомянутых машинах устанавливаются 12,7-мм пулеметы H2HB, станковые автоматические 40-мм гранатометы Mk19 и ручные LAW-80, одноствольные и спаренные 7,62-мм пулеметы L7A2 GPMG, FN MAG, FN-FAL/HB, 5,56-мм пулеметы «Minimi», ПТУР «Милан», ПЗРК «Стингер».

Коммандос горного взвода используются в основном в высокогорных и низкотемпературных районах. Они проходят лыжную подготовку, приобретают навыки переходов по ледникам и скалолазания. Тренировки проводятся в основном в Норвегии.

Обучение личного состава боевых подразделений КСТ осуществляется в учебных центрах SAS Великобритании и учебном подразделении КСТ. Общий срок обучения составляет один год.

Для выполнения стоящих задач спецназовцы вооружены 9-мм пистолетами SIG-Sauer f-226, Colt Lawman .357, FN 35, «Вальтер P5», H2KP95, 9-мм пистолетами-пулеметами HK MP-5, «Узи», карабинами G-8SFW, 7,62-мм снайперскими винтовками FN FAL, HK G3, Steyer SSG.

В военно-морских силах Нидерландов силы специальных операций сосредоточены в морской пехоте. Морская пехота общей численностью 3 тыс. человек включает два батальона

морской пехоты, эскадру (7-я) специальных катеров, две (3-я, 11-я) воздушно-десантные роты, взвод горных проводников (инструкторов), специальный отряд помощи.

В батальоне морской пехоты имеются роты разведчиков-диверсантов, в состав которых входят по три разведывательно-диверсионные группы (взвода) численностью по 22 человека (офицер, 11-12 сержантов, 8-9 рядовых). Каждая группа состоит из 8-9 команд по два человека.

7-я нидерландская эскадра специальных катеров имеет организацию и вооружение, аналогичные британскому отряду SBS (Special Boat Service). Личный состав эскадры — это тренированные боевые пловцы, подготовленные как парашютисты, легкие водолазы и подрывники. Эскадра способна проводить контртеррористические операции и выполнять задачи защиты голландских морских нефтедобывающих платформ от атак террористов. Бойцы эскадры готовятся в английском учебном центре в Лимптоне. Набор сержантов и рядовых производится из числа морских пехотинцев. В ходе отбора определяются психологическая пригодность и интеллект кандидатов, а также проводятся 20-дневные испытания на выносливость. Отобранный личный состав проходит 39-недельный курс основной подготовки, после чего направляется для дальнейшей службы в различные разведывательно-диверсионные подразделения морской пехоты.

Для использования в воздушно-десантных операциях в составе морской пехоты Нидерландов подготовлены два подразделения — 3-я и 11-я воздушно-десантные роты. 3-я рота, известная как рота «W», имеет организацию, аналогичную патрульной роте английской бригады коммандос. Личный состав подразделения подготовлен для действий в горах и холодных климатических условиях.

Взвод горных проводников сформирован в 1997 году путем сведения всех горных инструкторов в одно подразделение. Бойцы взвода проходят парашютную подготовку и овладевают

навыками использования малых лодок. Весь личный состав взвода заканчивает курсы горных инструкторов английской морской пехоты.

Специальный отряд помощи BBE (Bijzonder Bijstands Eenheid) был сформирован после захвата в сентябре 1972 года израильских спортсменов на Олимпийских играх в Мюнхене. Девиз отряда: «Semper Paratus pro Justitia», что переводится с латинского как «всегда готовы для правосудия». В настоящее время отряд насчитывает более 1.500 человек, набранных в морской пехоте. Отряд имеет отменную репутацию, поскольку его личный состав участвовал во многих конфликтах и всегда отлично справлялся с поставленными задачами.

При проведении операций бойцы отряда стараются использовать методы, позволяющие захватить террористов живыми. Например, в октябре 1974 года отряд BBE освободил тюрьму Шавининген, захваченную вооруженными палестинскими террористами, используя только шумовые гранаты и приемы рукопашного боя.

Наиболее эффективными и эффективными были одновременные действия спецназовцев при освобождении школы и поезда, захваченных террористами в июне 1977 года. В ходе этих операций были освобождены 203 заложника — 105 детей и 98 взрослых. Во время короткого боя в поезде личным составом отряда BBE совместно с британскими SAS было уничтожено шесть террористов. Особенностью операции по освобождению поезда явилось использование двух самолетов F-104 «Старфайтер» BBC, которые ночью непосредственно с началом штурма пролетели над поездом на бреющем полете почти на сверхзвуковой скорости, создав шумовой эффект, дезориентировавший террористов, что значительно облегчило выполнение задачи.

Отряд BBE морской пехоты считается одним из лучших контртеррористических подразделений мира. Личный состав подготовлен для немедленного боевого реагирования, оказания медицинской помощи, обезвреживания мин и невзорвавшихся боеприпасов, проведения взрывных работ и использования средств связи.

В военной полиции Нидерландов имеется отряд специальной помощи вооруженным силам BBEK (Bijzondere Bijstandseenheid Kreijgsmacht), отвечающий за отражение атак диверсантов на военные объекты страны.

Национальная полиция Нидерландов также располагает подразделениями специального назначения:

- отряд специальной помощи полиции, предназначенный для контртеррористической охраны, исследований терактов и немедленного реагирования на них по всей стране. Он также осуществляет подготовку команд снайперов;

- отряд морской полиции;

- бригада специальной защиты, которая является элитным отрядом, предназначенным для личной охраны важных должностных лиц, скрытного наблюдения за криминальными элементами и ареста опасных преступников. Бригада используется и для контртеррористической охраны полиции. В составе подразделения — специально подготовленный и отобранный личный состав.

Силы специального назначения вооруженных сил Нидерландов проходят подготовку и тренировки в основном в учебных и боевых подразделениях сил специальных операций Великобритании (SAS, SBS), обучаются по их программам, имеют подобную им организацию и выполняют аналогичные задачи. В ходе учений они действуют совместно с подразделениями английского спецназа, а во время войны с участием стран — членов НАТО должны перейти в непосредственное подчинение англичан в качестве одного из подразделений английского спецназа. ★

